

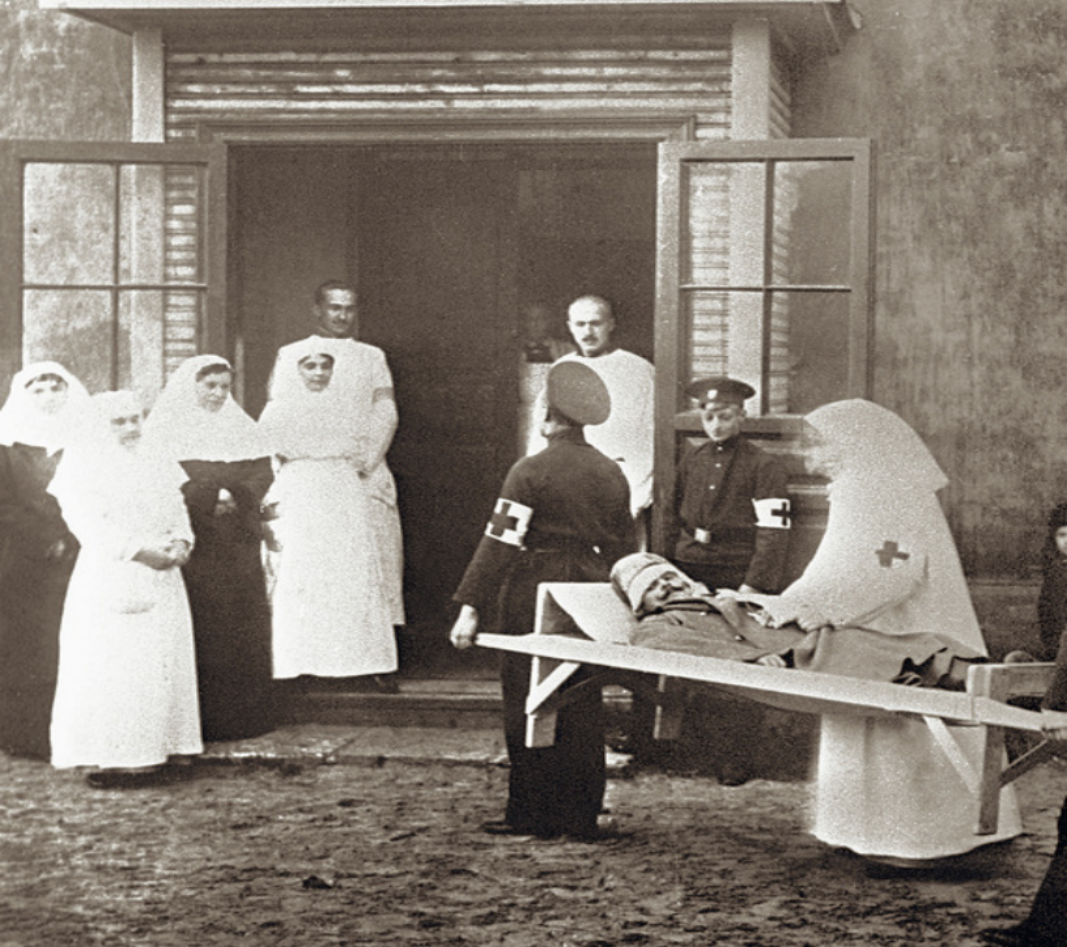

Татьяна Варнек

Воспоминания сестры милосердия

МЕДИЦИНСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Перед нами один из самых искренних и правдивых рассказов о Первой Мировой войне и страшных годах революции и гражданской войны. Их автор – Татьяна Варнек сразу после начала войны начинает работать сестрой милосердия во фронтовых госпиталях. Наступление в Галиции в 1914 году, тяжелые бои под Ригой в 1916, работа в госпиталях и военно-санитарных поездах... Грязь, смерть... зверства бандитов, все это придется пережить девушке из богатой дворянской семьи. А впереди – эмиграция.

- Татьяна Варнек

- Часть первая

- Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10

- Часть вторая

- Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8

- Часть третья

- Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Возвратный тиф
    - В Туапсе на поправку
    - Зеленые

- Провокация
  - Под властью большевиков
  - Прощай, Аня!
- Глава 7
  - Новые назначения
  - Налеты «Ильи Муромца»
  - Распределяя американскую помощь
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Эпилог
  - Шипкинское «сидение»
  - У беженцев нет перспектив
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

Татьяна Варнек

Воспоминания сестры милосердия

Часть первая

На великой войне

Глава 1

В поисках себя

В мае 1912 года я окончила восьмой класс гимназии Л. Ст. Таганцевой. Из моего класса почти никто не думал идти на курсы. Я решила поступать в Рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств и с этим уехала в Москалевку (наше имение около Туапсе на Кавказе). Летом, переписываясь с подругами, я узнала, что многие собираются поступать в Кауфманскую общину^[1] на курсы запасных сестер милосердия, особенно горячо увлеклась этой мыслью Аня Думитрашко, с которой мы были очень дружны. Она мне писала, что в жизни эти знания могут пригодиться, что летом в деревне при необходимости мы сможем сами оказывать помощь и т. п. Меня это тоже увлекло, и осенью мы, большая группа подруг, поступили в общину, одновременно я начала учиться в Обществе поощрения художеств. Всех слушательниц в общину поступило около четырехсот. При открытии кто-то из «думских» выступил с речью, говоря, что опыт японской войны показал, что нужны профессиональные сестры, а не волонтерки. Поэтому решено создать кадры запасных сестер, чтобы в случае войны не было необходимости в волонтерках. Лекции и практические занятия были каждый день. Программа очень большая. Строгости тоже. Нас по-кауфмански взяли в оборот, и за нами следили все время общинские сестры. Перед Рождеством были экзамены, устные и практические. Заниматься пришлось очень усиленно, особенно по практическим занятиям, – трудно было в очень короткий срок (по минутам) застелить кровать и заложить одеяло кауфманским углом. Дома у меня мы с Аней Думитрашко мучили бедного Женю (младшего брата), который добродушно подчинялся. Все же, при виде нас, он с отчаянием говорил: «Опять эта бинтовщица и бинтовщица». Мы его без конца бинтовали с головы до пят, поднимали, переносили. Пробовали проделать то же и с Петей, но он не давался. Ближе к экзаменам наша группа наняла одного из мальчиков, на котором вместе практиковались в общине. Отец одной из нас, проф. Вреден, дал нам в своей клинике палату, и там мы проходили всю программу. Мальчик наш (мы наняли одного из трех, с которыми вместе учились в общине) помогал и давал указания. Он все знал прекрасно. Экзамены были очень строгие, резали беспощадно, но наши гимназистки все сдали благополучно и даже хорошо. Самым страшным и трудным предметом была анатомия, и на этом экзамене провалились очень

многие. Курс громадный, много времени уходило на его изучение, и готовить другие предметы было некогда, а их оказалось порядочно. Но мы все знали анатомию прекрасно по гимназии, где был тот же курс, что и в общине. Мы его сдавали на выпускном экзамене, так что нам надо было только слегка повторить его. Таким образом, у нас на другие предметы времени хватало. Все слушательницы курсов в общине были с гимназическим образованием, но наша гимназия, где преподавание каждого предмета велось шире, чем в других, обращала усиленное внимание на анатомию. На экзаменах провалилось больше половины учащихся, так что после Рождества на практику в больницу попало меньше двухсот человек.

В первые же дни многие не выдержали и ушли. Мы работали в ужасной городской Обуховской больнице, переполненной больными^[2]. Больница громадная и настолько старая, что, кажется, стены впитали в себя все запахи. Воздух был ужасный, беднота кругом; белье, одеяла – старые, все серое, никаких удобств, ничего нужного получить было нельзя, даже не хватало градусников, а злущая общинская сестра не спускала с нас глаз и все время цыкала.

Я попала в хирургическое отделение, где больше лежали хроники или, вернее, безнадежные. После первого дня работы, вернувшись домой, я без конца мылась, полоскалась одеколоном и не могла отделаться от ужасного больничного запаха. За столом ничего не могла есть.

Все же я продолжала работать. Как я уже сказала, в первые дни практики ушло несколько человек: условия тяжелые, а муштра была невероятная, замечания так и сыпались, и за самые пустяки. Мы терпели, сколько могли. Я проработала чуть больше месяца и бросила, а до диплома надо было работать до весны. Я, конечно, могла бы протянуть, но просто не захотела – диплом был мне не нужен, а из-за больницы приходилось пропускать занятия в Рисовальной школе, где я с увлечением занималась и думала пройти курс до конца. Я так уставала, бегая из больницы в школу, что не могла выезжать, а это был первый сезон с наилучшими балами и выездами. До окончания гимназии я еще почти не выезжала. Аня Думитрашко проработала еще немного после моего ухода и тоже ушла. У нас появилось свободное время, и мы с ней стали много ходить по музеям и выставкам. Часто катались на коньках, играли в теннис, веселились и о сестричестве забыли. Лето, как всегда, провела в Туапсе, и снова зима, учение в Рисовальной школе, выезды, веселье.

Весной 14-го года снова поехали в Москалевку, где всегда было так хорошо. Ходили на экскурсии, купались, катались на

лодке, играли в теннис и немножко помогали в садах, главным образом по сбору фруктов. В мою обязанность входило еще обходить все розовые кусты и срезать розы: отцветшие в одну корзину, а в другую – для букетов, которые я же расставляла по всему дому.

Жили все беззаботно и не чувствовали приближающейся грозы. Почта приходила к нам всего три раза в неделю. Так что петербургские газеты в лучшем случае приходили на четвертый день. Получали и местную газету, но в ней известия были такие же старые. И вот, совершенно для нас неожиданно, на столбах и дубах вдоль шоссе появились расклеенные бумажки о мобилизации. Никто ничего понять не мог. Почему? Зачем? Стали гадать, папа читал в газетах о забастовках в Москве. Подумали, что из-за них. Как раз в этот день к нам на автомобиле приехали Вася и Ваня Черепенниковы (дальние соседи). Захватили Аню и меня к себе. По дороге мы волновались, спорили, стараясь угадать, в чем дело. (Ваню Черепенникова я видела в последний раз: в разгар революционных событий он был застрелен на их квартире в Петербурге во время обыска. Красноармейцы стали угрожать Ивану Васильевичу (отцу), Ваня бросился вперед, и его застрелили.)

Только через три дня после объявления мобилизации мы узнали, что это война. Я сейчас же решила работать сестрой, но очень боялась, что меня не возьмут, так как я была без диплома. Все же написала письмо старшей сестре общины Филипповой, спрашивая, что мне делать и могу ли я работать. Она сразу же мне ответила, и очень лаконично: «Приезжайте немедленно». Я быстро собралась и уехала. Это была середина августа.

Ехала довольно долго, так как прямых поездов уже не было, не было и плацкарт, но мне повезло: на пересадке в Ростове я попала в купе, где ехали трое молодых англичан и жена одного из них. Они служили где-то на Кавказе и спешили обратно в Англию. Больше в наше купе никто не сел, и мы прекрасно доехали до Петербурга. Англичанка и я имели по верхней полке, так что спали ночью прекрасно и могли раздеваться. Все мои спутники были очень милые люди, и мы, болтая, незаметно провели время. Распрощались в Петербурге около Николаевского вокзала. Дома я жила вдвоем с нашей старой кухаркой Настасьей. Вся наша семья приехала из Туапсе к началу занятий – к 1 сентября. На другой день после моего приезда я явилась в общину. Старшая сестра мне сказала, что мои экзамены и занятия зачтутся, но что я должна закончить практику. Меня послали в Александровскую больницу для рабочих, где уже работали волонтеры, которые после объявления войны поступили на

ускоренные курсы сестер милосердия. Общинских и запасных сестер было так мало, что все общины открыли такие курсы. Без прохождения их начальник Красного Креста никого на работу не принимал.

Александровская больница была хорошо обставлена, очень чистая, и работать там было хорошо. Большинство сестер стремились на фронт: очень волновались, что не успеют, так как думали, что война скоро кончится.

В начале сентября оканчивала практику первая группа волонтерок. И вот, совершенно неожиданно, многие из них, человек двадцать, были приглашены на чай к баронессе Иксуль, попечительнице общины. Причем было сказано прийти в штатском платье (на работе мы носили форму: серые платья и большие четырехугольные кауфманские косынки, но без креста). На другой день после чая у баронессы некоторым из волонтерок было сказано, чтобы они в больницу больше не приходили, так как они сестрами милосердия быть не могут. Оказывается, этот прием был устроен баронессой, чтобы лучше рассмотреть, что собой представляют ее будущие сестры. Забраковала она тех девушек, которые были недостаточно скромно одеты и, вероятно, слишком развязны. Но такой «чай» больше не повторялся, так как о нем узнали все остальные.

Глава 2

Отъезд на фронт

Числа 19 сентября сорока шести сестрам, и мне в том числе, было приказано явиться в общину для получения креста. И нам дали или, вернее, разрешили нацепить крест, что мы тут же и сделали. После этого нам объявили, что 23-го мы уезжаем. Выдали каждой по сундуку, кожаную куртку, теплое ватное черное пальто и список вещей, которые мы должны взять с собой. Мне и пяти сестрам (четыре из них – волонтерки) сказали, что мы должны сшить себе настоящую общинскую форму, как сестры запаса, то есть черные платья и кокошники. Мы шестеро получили назначение в 1-й Подвижной кауфманский лазарет бакинских нефтепромышленников, стоящий в Галиции в Жолкиве, откуда перевелось несколько сестер, и нас послали их сменить. Остальные сорок волонтерок ехали с нами только до Киева, где они поступали в распоряжение главноуполномоченного Юго-Западного фронта для получения назначений в Военное ведомство.

Дома началась невероятная горячка: надо было все купить в три дня, сшить форму – платья, косынки, передники. Высокие сапоги на заказ сделать было невозможно – не хватало времени, и мне купили готовые – кадетские, очень некрасивые (потом я себе сделала на заказ). Накануне отъезда уложенный сундук надо было отвезти в общину. Оказалось, что все сундуки там просматривали и одну волонтерку исключили, найдя что-то, чего не должно было быть. Что это было, никто из нас не знал! Уже в поезде долго гадали, какую такую «ужасную» вещь она взяла с собой? И наконец решили, что это была... пудра!

Наступил вечер 23 сентября 1914-го, и я уезжала на фронт. Мы получили отдельный вагон второго класса и еще несколько купе в соседнем.

Провожали нас все наши родные, друзья и знакомые. Толпа на вокзале была не меньше двух тысяч человек. Нас засыпали цветами, шоколадом и просто разрывали на части: каждый хотел поговорить, попрощаться, кое-кто благословлял иконками. Дивный складыш, которым меня благословила Таня Кугушева, сохранился у меня до сих пор.

Не успели мы войти в вагоны, как из окон повысовывались головы в косынках. В них нас трудно было узнать, тем более что в форме нас еще никто не видел. Все стали выкрикивать имена своих сестер: «Ирина, Таня, Маня, Ксения!..»

Отъехали под громкие крики «ура!». Придя немного в себя, мы стали устраиваться. Ехали нормально, по четыре в купе. Диваны были завалены шоколадом, конфетами и цветами. Запах одуряющий, особенно от тубероз. Сообща решили на ночь одну уборную отдать под цветы; сколько могли, поставили в умывальник.

Мы начали знакомиться друг с другом. Я сразу сошлась с Ксенией Исполатовой, и мы скоро подружились.

Глава 3

Лазарет в Жолкиве

В Киеве мы шестеро расстались с волонтерками, пересели на другой поезд и поехали во Львов, где на вокзале пришлось долго ждать поезда на Жолкив. Громадный, чудный вокзал со стеклянной крышей не имел больше парадного вида: народу было мало, и только военные. Мы уселись вокруг столика в огромном пустом зале буфета. Закусили своими продуктами и стали поедать конфеты из большой коробки, которую кто-то из нас поставил посредине стола. Почему-то пустынный зал и большая коробка конфет остались в памяти.

Сидели мы долго, пока какой-то врач не подошел к нам и не попросил помочь перевязать раненых, так как сестры эвакуационного пункта не успевают. Мы сразу же пошли, с радостью, но и со страхом: ведь мы еще никогда по-настоящему не работали и с ранеными встречались впервые. Нас отвели в большой зал, полный солдат, ожидавших перевязки. Там работали врач и фельдшера. Мы облегченно вздохнули, увидев, что раненые все легкие, больше всего «пальчики»: тяжелых перевязывали на эвакуационном пункте. Со страхом и большим старанием мы принялись за дело. Перевязывали медленно, но справились благополучно. Проработали до прихода нашего поезда. Это было наше «боевое крещение»!

Наконец мы приехали в Жолкив, маленький городок, где нас поразило количество евреев, в лапсердаках и с пейсами. Вид неопрятный, особенно неприятно выглядит молодежь.

Лазарет встретил нас неприветливо – старший врач, прибалтийский немец фон Кюммель, рыжий, с желтыми глазами, плохо говорящий по-русски; старшая сестра Большакова, общинская, уже немолодая. Препротивная рыхлая баба и, как ни странно для кауфманской сестры (думаю, что она из сиделок Кауфманской общины – двухлетние курсы, назначили сестрой), малоинтеллигентная, даже, вернее, совсем простая баба. Как она могла быть кауфманской сестрой? Непонятно! Она сразу же зашипела: «На что мне эти волонтерки, прислали бы двух общинских, и было бы гораздо лучше». К довершению нашей беды, почти все раненые были эвакуированы. Осталось человек двенадцать, работы было мало, и Большакова взяла нас в оборот. Цукала за все, и особенно попадало, если ей покажется, что наши волосы недостаточно натянуты перед кокошником, не дай Бог, если выбьется прядь. А бедной сестре Турман, у которой волосы

вились, влетало все время. Большакова с нами не церемонилась, просто подходила, подсовывала пальцы под волосы и кричала: «Убрать!» Мы же держались дружно и мстили, как могли. Это, конечно, было невозможно во время работы, и только за столом мы давали себе волю. Все мы были молодые, приблизительно одного круга, и наши разговоры раздражали Большакову. Естественно, мы вспоминали Петербург, выезды, знакомых. Часто мелькали громкие фамилии и титулы. Мы заметили, что Большакову это злило, и нарочно подливали масла в огонь, придумывая самые невероятные имена и титулы, пересыпая свою речь французскими фразами, которых она не понимала. Она приходила в невероятную ярость и кричала: «Эти мне графья да князья!» Для нас же эта проделка была единственным утешением!

Нас распределили на работу: одну назначили по хозяйству, другой удалось сразу же перейти в отряд, где работала ее родная сестра, остальные четверо попали в палаты: три дежурили днем и одна, по очереди, ночью.

Помещение было небольшое, и палаты смежные. В моей лежали три раненых австрийца, у Ксении, рядом, пять русских. В первой были австрийцы и русские и в отдельной комнате пленный австрийский капитан. Так как лазарет был подвижной, то и имущество было самое скромное и только самое необходимое: кровати походные с тюфяками, набитыми соломой, никаких столиков. На перевязки нас не пускали, и мы целый день должны были проводить в палате и что-то делать. Но как заполнить день в пустой палате с несколькими не очень тяжелыми ранеными? А у меня вдобавок были австрийцы. Я делала им что было нужно, но ни в какие разговоры не вступала, а Большакова появлялась по несколько раз в день и, если видела, что мы ничего не делаем, начинала шипеть: «Надо работать, хорошая сестра всегда найдет работу!» Заставляла мыть то окно, то большую кафельную печку, то стол или дверь. Придет в другой раз, и снова мой ту же печку или окно, и так без конца. Мы не имели права разговаривать друг с другом, хотя между палатами была дверь. Раненые наши солдаты ее ненавидели, так же, как и мы, и старались нам помочь, как только она уйдет. Мы с Ксенией сдвигали свои стулья спинками друг к другу в дверном проеме между нашими палатами, садились и разговаривали. Больные следили за входной дверью и, как только заметят, что дверь открывается, кричали: «Корова идет!» Мы вскакивали, хватали тряпки и усиленно начинали что-нибудь тереть. С Ксенией мы подружились и, когда были свободны, уходили гулять по Жолкиву, иногда и за город, по снежному полю. Раз даже удалось попасть в синагогу.

Глава 4

«Бунт сестер»

Кроме неприятностей со старшей сестрой, нас приводил в недоумение (возмущаться мы еще не смели) наш старший врач Кюммель. Мы заметили, что пленников он перевязывал каждый день и долго с ними возился, на наших же не обращал почти никакого внимания. Кроме того, он целыми днями просиживал у пленного австрийского капитана и болтал с ним по-немецки.

Через некоторое время были эвакуированы последние раненные, и нас перевели немного вперед, ближе к фронту, на станцию Ланцуг в имение графа Потоцкого. Мы быстро развернулись на самой станции. Но стоянку нам выбрали неудачную: санитарные поезда на ней не разгружались, и мы стояли без дела. Волновались, сердились, зная, что в других местах большая нужда в лазаретах. Начали даже ссориться друг с другом. Мы с Ксенией очень подружились, но часто ссорились, мирились и снова ссорились; она была на два года моложе меня и прямо из института попала на фронт. Это была настоящая наивная институтка, да еще очень восторженная и увлекающаяся. Постоянно влюблялась, теряла голову и воображала, что ей сделают предложение. Я ее старалась направлять на путь истинный, она сердилась и говорила, что я ревную. Выходила ссора, затем я оказывалась права, она плакала, и мы мирились. Мы почти все время были с ней вдвоем, ходили осматривать дивный замок Потоцкого, фазановый заповедник, гуляли и много пели: у Ксении был чудный слух и довольно хороший голос. Так что мы с ней распевали дуэты: если я могла вторить, то она пела первым голосом, если нет, то наоборот. Мы находили, что выходит хорошо, были довольны и все разучивали новые песни. Но, несмотря ни на что, томились и мечтали о том, что нас переведут в другое место.

Один раз у нас произошел такой случай: утром, когда мы вошли в столовую пить чай, увидели доктора Кюммеля с тремя австрийцами в форме, стоящими около карты Галиции; они что-то показывали на ней и о чем-то говорили. Увидя нас, доктор и австрийцы ушли. На столе стояли стаканы и остатки еды, которой доктор угощал австрийцев. Мы были возмущены до глубины души, но окончательно рассвирепели, когда в тот же день кто-то прибежал к нам сказать, что на станции стоит товарный поезд, полный ранеными, без медицинского персонала и что раненные кричат, просят пить и есть. Мы побежали к доктору Кюммелю

сообщить об этом, в полной уверенности, что он прикажет накормить их и даже оказать помощь, но он не только не приказал нам сделать это, но, наоборот, категорически запретил нам туда идти и что-либо давать раненым. Мы, все сестры и санитары, так возмутились, что, не обращая внимания на запрет врача, побежали к поезду, поили всех водой и давали хлеб, который могли унести из лазарета: это все, что мы могли сделать. Но за доктором начали следить, будучи теперь уверены, что он если не шпион, то на стороне немцев! Но к кому обратиться? Как поступить? В Ланцуге мы простояли около недели и переехали еще вперед, на станцию Мелец, недалеко от Ржеснева. Но там работы тоже не было. Нас придали 16-й Кавалерийской дивизии, которая в то время там уже стояла на отдыхе.

В эту дивизию входил и Новоархангельский уланский полк, но Васи (Вас. Вас. Протопопова), там еще не было. Ближе всех к нам стояли черниговцы, они быстро с нами познакомились и стали у нас бывать. В нашей столовой стояло пианино, и корнет Андреевский постоянно на нем наигрывал и пел. Доктор Кюммель был страшно зол на то, что в лазарет приходят офицеры, встречал их весьма нелюбезно, а иногда и дерзко. Но они на него не обращали никакого внимания, тем более что мы им рассказали о немецких симпатиях доктора. Понемногу мы налаживали лазарет: набивали матрацы, зашивали их, но, так как раненых не предвиделось, мы не торопились.

Наступило Рождество. Дивизия устроила обед – в каком-то большом зале, был приглашен весь лазарет. Народу оказалось очень много, собрались все офицеры дивизии, но нам не было весело, так как нас посадили на почетные места, около генерала Драгомирова и его штаба. Все наши знакомые сидели далеко.

С доктором у нас отношения становились все хуже и хуже: раз за столом он, что-то рассказывая, сказал: «У нас в Германии». Пылкая Ксения со всей силы ударила кулаком по столу и крикнула: «Доктор, у нас в России!» Мы стали во все стороны писать письма, прося обратить внимание на доктора Кюммеля. Но результатов не было никаких. Наконец, отчаявшись, мы написали в Красный Крест коллективное заявление. Мы и не подозревали, что этого делать нельзя. Но зато они заволновались в Управлении! Правда, не из-за доктора, а из-за «бунта сестер»!

Приехал уполномоченный, нас отчитал, но все же выслушал. Через некоторое время от нас перевели трех сестер: одну в отряд в Галицию, а двух – в госпиталь в Петербург. Доктора не тронули, и мы были в отчаянии. Из нашей группы остались Ксения и я, кроме того, из старого состава, старшая операционная и аптечная сестры.

Глава 5

Перевод во Львов

Почти в то же время дивизию перебросили в Карпаты и нас перевели за ней: там шли большие бои. Нас поставили в Ясло. Там мы поместились в чудном богатом особняке, мы с Ксенией жили в прекрасной спальне красного дерева. Лазарет находился рядом в казенном здании: раненые все лежали в одном большом зале. Все очень тяжелые, и их было около ста, а нас, считая старшую, было всего пять сестер. Сразу взялись за работу. Дела было столько, что даже Большакова нас оставила в покое. Сама она взяла на себя хозяйство. Палатных сестер было только две – Ксения и я, и при всем нашем желании мы справиться с работой не могли: ведь на нас лежали и ночные дежурства. Спасла положение очень милая общинская сестра Курепина, работавшая в операционной и перевязочной. Она сказала, что тоже будет дежурить ночью. Противная аптечная сестра, флиртовавшая со старшим врачом, себя не утруждала, сидела в аптеке, но помогать другим не пожелала. Ее фамилия была Чихиржина, но санитары ее называли «Чихирина жена». С 8 часов утра до 8 вечера мы с Ксенией носились по палате, едва успевали быстро проглотить обед. У Курепиной перевязки чередовались с операциями, тоже с 8 часов утра до 8 вечера. На ночь, быстро поужинав, оставалась одна из нас и до поздней ночи заканчивала то, что мы не успели сделать днем. В 8 часов утра приходили на работу две другие сестры, но ночная не уходила и продолжала работать до 8 вечера и, только проработав подряд тридцать шесть часов, уходила домой. Так шла наша работа тридцать шесть часов подряд, затем два дня отдыха и снова тридцать шесть часов с ранеными. Но дела было столько, что об усталости не думали. В такой работе прошло три недели, после чего начали постепенно эвакуировать раненых. Стало легче.

В это время к нам приехал полностью укомплектованный новый состав лазарета. В Петербурге все же обратили внимание на наши жалобы. Меня перевели в Кауфманский, собственный Государыни Императрицы Марии Федоровны госпиталь № 2, стоящий во Львове. Сестру Курепину отозвали в общину. Ксению, по просьбе ее дяди Ильина, председателя Российского общества Красного Креста, перевели в госпиталь в Петербург. Думаю, что он хотел через нее узнать, что у нас творилось. Старшую сестру Большакову исключили из общины.

Что стало с доктором Кюммелем, никто из нас не мог узнать,

но нигде в общине он не работал и вообще о нем никто не слышал. Я очень жалела, что пришлось расстаться с Ксенией, тем более что в госпитале я никого не знала. Помещался он в громадном прекрасном здании какого-то учебного заведения и был тоже прекрасно оборудован. Принимали в него только самых тяжелых. Старшим врачом был Вл. Ник. Томашевский – прекрасный хирург, любящий свое дело, но с ужасно деспотическим характером. Все другие врачи оказались очень хорошие и серьезные. Сестер было двадцать одна. Старшая сестра – графиня Бобринская, фрейлина Государыни Марии Федоровны. Она была женой генерал-губернатора Галиции. Ее дочь и belle-fille^[3] работали у нас сестрами. Все ее называли не «сестра», а «графиня», ее все уважали, но боялись. Считался с ней даже старший врач и тоже побаивался.

Еще до моего приезда в госпиталь, в самом начале, он ударил санитаря. Графиня об этом узнала, вызвала Томашевского к себе и сказала, что она сообщит о случившемся Государыне. Томашевский три дня сидел запершись у себя. Потом, очевидно, все уладилось, и он снова взялся за работу, но больше рук своих не прикладывал.

Графиня жила совсем на особом положении, у нее в гостинице был свой номер, хорошо обставленный; ее автомобиль, реквизированный для войны, был дан госпиталю; ее мобилизованные шофер и лакей были у нас: первый – шофером графини, а второй подавал нам к столу. Автомобилем пользовалась только графиня. Она как будто не работала, но видела все и все держала в руках. Всегда была спокойна, никогда не повышала голоса, кажется, почти не делала замечаний. Да и к чему они: все сестры работали по доброй воле, идейно, и отдавали все свои силы и душу раненым. Кроме того, все было так налажено, распределено, что каждый наш час, каждый наш шаг были заранее известны.

Этот госпиталь можно сравнить с прекрасно налаженной машиной, и мы являлись ее частицами. Поэтому у нас не было «личной жизни». Между сестрами не было подруг: все обращались друг к другу на «вы», не возникало и ссор. Свободного времени почти не оказывалось, работы же – очень много. Поэтому, хотя в госпитале не встретилось ни одного знакомого, я сразу же вошла в общее течение. Меня поместили в большую комнату, очевидно гостиную директора учебного заведения, где мы стояли. Там еще висели картины, стояли кресла, столики. В этой комнате нас было пять, через нее проходили еще три сестры. У каждой из нас был свой уголок, отгороженный креслами, цветами.

Меня назначили в одну из двух перевязочных второй сестрой.

Там уже работала сестра Радкевич. Она хорошо меня приняла и начала обучать. Когда я все постигла, мы стали работать как равные, подавали по очереди и по очереди помогали врачам. Когда приходил перевязывать своих больных старший врач Томашевский, гроза перевязочной, ему всегда подавала Радкевич, а я помогала. Его появления боялись все: как только нам сообщат, что идет Томашевский, все врачи быстро заканчивали перевязку больного и скрывались, больных выкатывали, санитар и мы спешно приготавливались, все прибирали. Томашевский входил в пустую перевязочную, за ним вкатывали его больного, и начиналось священнодействие. Перевязывал он невероятно медленно, рассматривая рану и подолгу раздумывая над ней, сидя на табурете. Помогая ему, я часто должна была держать на весу раненую руку, ногу, и если, не дай Бог, у меня от усталости дрогнет рука, начинаются дикие крики. Если Радкевич не уловит момента, когда ему подать, или не угадает и подаст не то, о чем он думает, – снова крики. Санитарам влетало не меньше нас, хотя они оба отлично работали. Но зато он работал прекрасно и делал чудеса.

Оперировали три раза в неделю, по утрам. Присутствовали все врачи, операционная сестра и все четыре перевязочных. Оперировали одновременно на двух столах. Подавали две сестры: операционная – старшему врачу и старшая перевязочная – на другой стол, где оперировал один из врачей. Остальные три сестры были: одна на «барабанах» и две – «на челюстях». То есть первая открывала барабан со стерильным материалом, а другие держали челюсти больного при наркозе. Я обыкновенно держала челюсти у больного, которого оперировал старший врач.

Я никогда после не видела такого священнодействия и такого напряжения у всех присутствующих, начиная с врачей и кончая санитарями: каждое движение было точно рассчитано и изучено. Тишина была полная. Изредка слышались слова оперировавших врачей и звук инструментов, все это иногда прерывалось гневными выкриками Томашевского, который без этого работать не мог: подала ли сестра не совсем тот инструмент, о котором он думал, замешкались на какую-нибудь долю секунды она или ассистент или дрогнула под моими руками трепанируемая голова, Томашевский сердился, кричал – и снова тишина. Держать челюсти при трепанации было мучение, особенно если голова лежала на боку: пальцы затекали и замирали. И как удержать, когда врач начинает долбить? Раза два был случай, когда Томашевский запустил инструментом в очень опытную операционную сестру.

Впоследствии, уже в Константинополе, я была

самостоятельной операционной сестрой у профессора Алексинского, который оперировал очень быстро, но как спокойно: никогда не только криков, но даже замечания!

В госпитале мы работали каждый день, с утра до вечера. По окончании перевязок мы могли быть свободны, но они никогда не кончались раньше 7–8 вечера, и поэтому мы не имели свободных часов отдыха. Графиня обратила на это внимание и сказала Томашевскому, чтобы он раз в неделю нас отпускал после обеда. Он согласился. Все врачи в этот день (назначили четверг) устраивались так, что кончали свои перевязки к обеду. Но старший врач регулярно «не успевал», говорил, что придет сразу после обеда и отпустит нас, но большей частью мы простаивали весь день, а он появлялся только к вечеру. Но в конце концов графиня настояла, и нас стали отпускать. Палатные сестры были свободны через день, от двух до пяти, и весь день после ночного, но они были заняты 8–10 часов в день.

Как только у нас снова появилось свободное время, мы стали гулять по Львову и его осматривать. Замечательно красивый, большой европейский город, много зелени, сады, интересный старинный собор. Но чаще всего, если хватало времени, мы отправлялись на холм Славы, где были похоронены все убитые на войне и умершие в госпиталях. Это довольно высокий холм за городом, склоны его ярко-зеленые, но, когда поднимаешься на верх, зелень обрывается и видишь громадное плоскогорье, посыпанное светлым песком, и на нем бесконечные правильные ряды белых каменных крестов. Посредине общий памятник. Содержались могилы прекрасно, но этот контраст, между зеленью подъема и голой равниной с крестами, был потрясающий!

Моя работа в перевязочной мне очень нравилась, тем более что Томашевский, несмотря на его свирепость, как хирург был очень интересен: он все время искал новые методы лечения, старался их улучшить. А когда был взят Перемышль, он в тот же день поехал туда, чтобы в австрийских госпиталях поискать что-либо новое. И действительно, он привез идеальный образец шин для вытягивания ног и рук. Сейчас же заказал для госпиталя. Мы стали широко применять их, с прекрасными результатами, правда, сестрам в палатах работы прибавилось. Но, несмотря на интересную работу, я в перевязочной томила: не было никакого общения с живыми людьми. Привозили к нам раненых с марлей на глазах, так что мы почти не видели лица. Знали всех по фамилии, но это относилось не к человеку, а к ноге, руке, животу и т. д. Тяжело было еще и потому, что сестры, кроме работы, между собой ничего общего не имели: разговоры только о больных, никто друг с другом не сходил, и, будучи всегда на

людях, я чувствовала себя одинокой и мечтала перейти в палату.

Но на Пасху на несколько часов порядок нашей размеренной жизни был нарушен приездом Великого Князя Александра Михайловича и Великих Княгинь Ксении Александровны и Ольги Александровны. Они приехали от имени Государыни Марии Федоровны поздравить всех с праздником и привезли всем больным и персоналу большие фарфоровые яйца Императорского завода. Я получила большое белое яйцо с фиалками и вензелем. Великий Князь Александр Михайлович и Великая Княгиня Ксения Александровна медленно обходили всех больных, разговаривали, расспрашивали. Но Ольга Александровна держалась отдельно. Она с начала войны работала сестрой Евгениевской общины^[4], приехала в форме, но вид ее нас поразил – мы все были в полном параде: в своих черных платьях, в белоснежных косынках, кокошниках, белых передниках и крахмальных манжетах. А Ольга Александровна приехала в старом платье, мятой косынке, рабочем клетчатом переднике и в стоптанных желтых туфлях. Когда наши гости уезжали, весь персонал вышел из приворот и окружил автомобиль.

Глава 6

Рукопожатие государя

9 апреля 1915 года во Львов приехал Государь. Прошла торжественная служба в церкви, мы там были, стояли совсем близко от него и хорошо его видели. Нам сообщили, что Государь решил приехать к нам в госпиталь. Начались страшные волнения и приготовления. Приезд был назначен на 11 апреля. Все было готово к приему. Графиня нас, сестер, учила, как себя держать, делать не реверанс, а поясной поклон, не целовать руку... Но вдруг кто-то приехал и сказал, что Государь неожиданно уезжает и не успеет побывать у нас, – огорчение и разочарование были ужасные, но к госпиталю подъехало несколько автомобилей. Это Государь их послал за врачами и сестрами, чтобы мы могли ему представиться на вокзале и проводить. Мы все уже были готовы к приему, в парадной форме, так что сразу сели и поехали.

Нас провели на перрон около царского вагона, от которого шла дорожка в комнаты, где находился Государь со свитой, туда прошла графиня. Старший врач стал нас устанавливать, вернее, сам остался с врачами, выстроившимися вдоль дорожки, а нам сказал стать за их спинами, что мы покорно и сделали. В это время из царских комнат вышел окруженный офицерами свиты Великий Князь Николай Николаевич. Он посмотрел на нас и приказал, чтобы сестры вышли вперед и стали вдоль дорожки, врачам же сказал отойти назад. Моментально, счастливые, мы, двадцать сестер, сомкнулись в одну шеренгу. Все молчали, но волновались страшно.

Вот из комнат вышел Государь с графиней. Мы низко поклонились. Государь шел медленно, останавливался перед каждой сестрой. Графиня называла фамилию, и он подавал руку. Рядом со мной стояла сестра Раич, у которой была Георгиевская медаль. Он ее спросил, где и когда она ее получила. Дальше стояла очень нервная сестра Юрьевич, она не выдержала и поцеловала руку, Государь ничего не сказал, но слегка ее отдернул.

Затем он встал на площадку вагона, мы толпой подошли ближе и, не отрываясь, на него смотрели. Он был в защитном. Небольшого роста, в гимнастерке, такой скромный, но чудный! Какие у него были глаза – добрые, вдумчивые, но грустные. Когда мы подошли, он сказал: «Благодарю всех вас за вашу работу!» Поезд тронулся, и больше мы его никогда не видели.

Мы долго стояли молча и смотрели на удаляющийся поезд.

Но надо было спешить в госпиталь, где не оставалось ни одной сестры. Нас быстро отвезли обратно. Ехали молча, каждая переживала эти незабываемые минуты и в своей руке чувствовала «Его пожатие». Я боялась до чего-нибудь дотронуться своей рукой; она была не частью меня, а чем-то священным! Мы были в каком-то дурмане, зачарованные. Прошло несколько дней, пока наконец мы не пришли в себя. Грустный взгляд Государя нас преследовал. Мы молились и шептали: «Господи! Помоги Государю!»

В это время началось отступление из Галиции, может быть, поэтому Государь и прервал свое путешествие. Известия приходили все более и более тревожные.

Глава 7

В плену работы и тоски

Началась эвакуация раненых, скоро у нас не осталось ни одного. Мы свернулись и ждали отправки в тыл.

Но вдруг пришел приказ трем большим госпиталям – перевязывать раненых на вокзале: с фронта из всех госпиталей, лазаретов, отрядов Галиции спешно эвакуировались раненые. Санитарных поездов не хватало, их грузили в товарные и отправляли к Львовскому вокзалу, подходил один поезд за другим. И там надо было всех перевязывать. Эвакопункт справиться не мог. Ведь пока перевязывали раненых с одного поезда, сзади подавали или уже стоял другой. Нам для работы отвели огромный пакгауз. Там стали работать мы, 5-й Кауфманский госпиталь и Крестовоздвиженский. Последний взял на себя заготовку материала. Мы отгородили помещение, и их сестры, чередуясь, день и ночь готовили материал. Мы же ежедневно чередовались с 5-м Кауфманским госпиталем. Работали мы – половина персонала днем и половина ночью, через сутки менялись. В моей группе перевязочных сестер было две, Радкевич и я. Подавали и перевязывали по очереди, так как рук не хватало. Перевязывали все врачи, все сестры и фельдшер. Помогали перевязочные санитары, остальные носили, держали, прибирали. Стояло восемь столов, и еще многих перевязывали, сидя на скамейках. И сейчас не могу себе представить, как я могла успеть всем подавать, кто-то мне все время подкладывал материал, но успевали все. Инструментов хватало: санитары вовремя их прибирали, мыли и кипятили. С нас требовали, чтобы мы считали, сколько человек было перевязано. Каждый, кто перевязал раненого, сообщал об этом мне или Радкевич, когда подавала она, но запомнить их количество было невозможно. Тогда нам поставили одну банку с горохом и одну пустую, с каждым перевязанным мы перекладывали горошину, а потом все пересчитывалось. Сколько времени мы так работали, не помню, но, думаю, что дней десять.

Наступил день нашего отъезда. Нас погрузили в теплушки и доездили до Киева. Там развернулись в помещении какого-то училища на Анненковской улице. Помещение было гораздо меньше, чем во Львове. Перевязочная была одна, и меня назначили в палату, в офицерскую. Я так мечтала попасть в палату, но, когда узнала, что к офицерам, пришла в отчаяние. Я умоляла графиню назначить меня к солдатам, плакала, но она не

согласилась. На меня напал невероятный страх, я боялась, что не справлюсь, что у меня не будет авторитета. Тем более что среди офицеров были и легко раненные, ходячие. Пришлось покориться, вторая сестра была Раич. Наши палаты находились в отдельном доме во втором этаже. Там же была палата для послеоперационных, особенно тяжелых солдат. В первом этаже жил персонал. Весь же госпиталь находился в главном здании. Надо было перейти через двор. У нас была своя небольшая перевязочная. Помещение очень хорошее: палаты выходили в большой светлый холл, где стоял наш письменный стол и где ночью находилась дежурная сестра. Постепенно я привыкла к своей новой работе, но все же бывало трудно: со многими офицерами у меня установились очень хорошие отношения, но были среди них и капризные, требовательные и недисциплинированные, особенно среди ходячих. Но в общем все они меня любили и не любили другую.

Ночные дежурства были приблизительно на седьмую-восьмую ночь. Они были очень трудные: госпиталь большой и все раненные тяжелые.

Принимая дежурство, от каждой палатной сестры получала записку о том, что надо сделать ночью. А именно: укол камфоры и морфия, следить за пульсом и возможным кровотечением. Все было расписано по часам: одним камфора через три часа, другим через два. За ночь делали по несколько десятков уколов; пока обойдешь всех, надо начинать сначала. Да еще надо проверять пульс. А когда возможно у кого-нибудь кровотечение, тогда постоянно надо к нему возвращаться и смотреть. В этих случаях, конечно, предупреждался и палатный санитар, который из палаты не выходил и мог следить. За мои дежурства только раз было кровотечение. Когда таковые случались, сейчас же санитар бежит будить врача и операционных сестру и санитаров. Тем временем больного уже вносят в операционную. Инструмент всегда заготовлен с вечера: не проходило и четверти часа, как уже оперируют.

Часов с 5 утра ночная дежурная начинает мерить температуру во всем госпитале, заканчивая своей палатой, где надо еще сосчитать пульс и дыхание, заготовить рецепты и всем сестрам оставить записки. В своей палате надо сделать как можно больше, так как днем заменяет соседка, которой трудно справиться с двумя палатами. После сдачи дежурства, в 8 часов, чай, ванна и спать. Обед приносили в кровать. После обеда обыкновенно вставали и шли гулять, но прогулки по Киеву доставляли мало удовольствия, там царствовал известный своей свирепостью комендант – генерал Медер.

По закону Красного Креста мы, как фронтовые сестры, не имели права снимать форму, а по закону Медера сестры в форме не могли появляться на улице после 7 часов, не могли заходить в кондитерскую, не могли разговаривать с офицерами. Все, что нам оставалось – бродить одним по улицам или зайти в молочную съесть ягод и простоквашу, и не дай Бог запоздать вернуться домой. Все же раз мы, несколько сестер, рискнули и катались по Днепру на моторном катере с одним из моих легко раненных офицеров.

Мне так понравилось, что после дежурства я еще раз поехала с ним кататься на лодке. Домой запоздали, и пришлось ехать на извозчике, но все сошло благополучно. Это было единственное развлечение за несколько месяцев.

Все томились: ни у кого в Киеве не было ни друзей, ни родственников, куда можно было бы ходить.

Глава 8

Переход в другую общину

Я стала просить графиню о переводе на фронт, объяснив причину моей просьбы. Графиня сказала, что это зависит не от нее, но от общины, и обещала туда написать. Был получен отказ. Тогда я написала папе и тете Энни (Анне Романовне Гернгросс, нашей любимой мачехе), прося их похлопотать, что если меня не хотят назначить на фронт, то я прошу меня перевести в один из госпиталей Петербурга, чтобы быть со своими, а не в совершенно мне чужом городе, тоже в тылу.

Папа пошел к старшей сестре общины – Филипповой, она обещала попросить баронессу, но баронесса отказала. Помимо того что я твердо желала уехать из Киева, меня возмутило такое отношение: я чувствовала себя как в плену и продолжала настаивать на переводе. Накануне графиня сказала, что в Киев приезжает баронесса и она просила ее меня принять. Мне была дана аудиенция. В назначенный час я пришла на квартиру к баронессе, но меня заставили ждать около часа. Наконец впустили перед ее «светлые очи»!

Она лежала в спальне на широкой кровати, вся завернутая цыганскими шальями (баронесса по происхождению была цыганка), она не дала мне сказать ни одного слова, долго отчитывала и отпустила.

Что мне было делать? Я настолько оскорбилась и возмутилась, что уступить уже не могла!

В первый выходной день я пошла к главноуполномоченному Юго-Западного фронта, сенатору Иваницкому. Он меня очень хорошо принял, выслушал, сказал, что я права. Я его попросила меня откомандировать в Петербург. Он мне сказал, что с любым врачом, сестрой, санитаром любого госпиталя или лазарета он может это сделать, но что с кауфманской сестрой – нет.

По своей должности он может и с удовольствием выдаст мне все бумаги, но баронесса так сильна, что на первой станции меня арестуют жандармы и привезут обратно: бороться с баронессой он не в силах. Я была не только в отчаянии, но страшно зла и возмущена.

Через силу продолжала работать, но недели через три приехала новая сестра, чтобы меня заменить. Я с радостью готовилась к отъезду, но меня и тут не оставили в покое, графиня несколько раз меня вызывала к себе и уговаривала остаться. Когда она увидела, что я не уступаю, направила меня к старшему

врачу. Он долго меня уговаривал и на мой отказ остаться сказал, чтобы я еще подумала и дала на другой день ответ. Снова уговоры, и, когда я снова отказалась, он разозлился, едва попрощался, но я была свободна и скоро уехала.

Меня откомандировали в общину для получения нового назначения. Но я была так обижена и зла, что решила из общины уйти.

В Петербурге я явилась к старшей сестре. Она начала меня отчитывать, но я ее перебила и сказала, что в общине больше не остаюсь, отдала книжку и на другой день прислала вещи.

Узнав мою историю, Ксения Исполатова, которая все время просилась на фронт и ей отказывали, также вернула книжку и вещи, и мы решили вместе перейти в Общину св. Георгия^[5], куда уже перешло много кауфманских сестер, не выдержав тирании баронессы.

Георгиевская община кауфманских сестер принимала с распростертыми объятиями. Мы туда отправились. Попечительница, графиня Шереметьева, нас хорошо приняла, выслушала, обещала принять.

Через некоторое время мы получили вызов явиться в форме Георгиевской общины (коричневое платье с пелериной и круглая косынка) для получения книжки.

С нами вместе пришло человек двадцать сестер, которые окончили курс в общине. Каждую по очереди вызывали к графине и давали книжку, мы остались последними. И нас не вызывали. Ждали довольно долго и стали волноваться. Наконец вызвали Ксению. Она долго была у графини. Но вот она вышла с книжечкой, потом и я тоже получила.

Ксения мне потом рассказала, в чем дело: графиня ей сказала, что баронесса узнала, что нас обеих принимают в Георгиевскую общину и как раз в этот день написала, что если нас примут, то она будет жаловаться Императрице. Графиня объяснила, что она так много приняла кауфманских сестер, что баронесса решила положить этому конец. Графиня стала расспрашивать Ксению, кто мы такие, кто наши родители и т. д. Узнав все, она выдала книжки и сказала, чтобы мы не волновались, что она все устроит.

Нас зачислили в резерв Северо-Западного фронта. Сначала мы жили дома, так как нам сказали, что сразу назначения не будет.

Итак, я сделалась сестрой Общины св. Георгия, но кауфманская печать осталась навсегда. В Великую войну^[6] это не было заметно, и я стала забывать, но в Добровольческой армии с самого начала меня всюду назначали с кауфманками. Когда я

говорила, что я георгиевская, мне в Управлении отвечали, что, хоть я и перешла в другую общину, я все же кауфманской школы. Я не протестовала, так как попадала почти всегда в свою среду и часто к знакомым сестрам.

Перешла я в Георгиевскую общину осенью 1915 года, 19 сентября. Первое время я с удовольствием отдыхала после года работы. Видалась со всеми родственниками и друзьями, несколько раз была в опере, в наш абонемент, но постепенно все больше и больше меня тянуло работать. И когда Аня Думитрашко попросила меня несколько раз подежурить ночью в Николаевском военном госпитале, где было мало сестер, я с радостью согласилась.

Николаевский госпиталь работал, как в мирное время: там сестер не полагалось. Аню Думитрашко родители не пустили на фронт, она же не захотела работать в фешенебельных петербургских лазаретах, где лежали почти всегда легко раненные, окруженные дамами-патронессами. Она сговорилась с тремя сестрами Султан-Шах, и они предложили свои услуги в Николаевский госпиталь.

Работали там все время, и работы было много. Потом туда пришло еще несколько сестер.

Наконец в декабре 1915 года Ксению и меня вызвали в резерв сестер. Мы туда переехали и в конце декабря получили назначение в Житомирский этапный лазарет, стоявший в Вольмаре, в Латвии.

Глава 9

Житомирский этапный лазарет

В самых первых числах января 1916 года мы поехали. Лазарет помещался на окраине города, на опушке большого леса, у самой реки Аа. Это было помещение Учительской семинарии. Лазарет был небольшой, и мы только занимали небольшую часть. В семинарии занятия продолжались.

Встретили нас в лазарете хорошо: дали на нас двоих отдельную комнату, но быстро и мы, и персонал лазарета поняли, что не сойдемся: слишком мы были разные и друг другу чужие. Весь персонал лазарета – два врача, жена старшего врача и четыре сестры – был из Житомира. Все они были дружны между собой, у них были общие интересы и одинаковое отношение к работе. Они были профессионалы, работали, как чиновники. Сестры – три общинских, две из них уже пожилые, наконец, молоденькая полька была сестрой-хозяйкой. Кормила очень однообразно и удивительно невкусно. Часто какими-то польскими блюдами.

Лазарет был полон ранеными и больными, почти все лежачие, но особенно тяжелых не было. Мы сразу взялись за работу, так, как мы ее понимали, – работать хорошо нам не могли запретить, но сестрам, даже старшей, это не понравилось: они привыкли себя не утруждать. Делали все необходимое, но ранеными не интересовались: кончив все назначения, усаживались отдыхать, а ночью, уткнувшись где-нибудь в уголок, просто спали. Мы же обе работали по-кауфмански – если не было дела, его находили: часто читали солдатам, что-нибудь рассказывали, писали для них письма. На свое жалованье покупали им леденцы, папиросы. Некоторых солдат помню и сейчас. Было два молоденьких совсем, с мокрыми плевритами. Совсем дети! С ними мы особенно возились, они нас слушались, нам верили и всегда при выкачиваниях жидкости просили, чтобы одна из нас их держала.

В моей палате лежал контуженный солдат Иван, фамилию не помню, он лежал тихо, как будто без сознания. Потом стал постепенно понимать, что от него хотели. А потом и то, что ему говорили, но сам еще не произносил ни слова – был немой. Я постоянно к нему подходила, что-то рассказывала, он с удовольствием слушал и жестами старался объяснить, что ему надо, и всегда следил за моими глазами. И вдруг он стал издавать какие-то звуки и со страшным усилием закричал:

«Сестрица!» – и потом долго все повторял, точно хотел запомнить. За этим первым словом сказал другое, тоже часто повторяющееся в палате, за ним третье. Я поняла, что он говорить может, но забыл слова. Стала с ним заниматься, учить его разным словам. И то слово, которое он раз сказал, он уже не забывал. Так я научила его говорить, и, когда он выписался, он мог разговаривать.

С санитарями у нас установились прекрасные отношения, и мы им вполне доверяли: санитары были не только наши подчиненные, но и друзья! Сколько раз на ночном дежурстве, когда все спят, все тихо, подходит санитар, присаживается на пол около моего стула и начинает рассказывать про свою деревню, про свою семью. Часто мы им писали письма домой, а иногда доходило до того, что они приходили с нами советоваться.

Раз на моем дежурстве санитар принес письмо от жены, где она писала, что одна не справляется с хозяйством, что ей предлагают в помощь пленного немца, и спрашивала мужа, что ей делать. А он пришел за моим советом: с одной стороны, жена не справляется, а с другой – можно ли впустить немца в дом?! Он очень волновался! Но что молоденькая петербургская барышня могла посоветовать женатому мужику? Что я ему говорила и к чему мы пришли, я не помню.

И санитары и больные нас обожали: все выписавшиеся больные нам писали письма. На конверте было обыкновенно написано: «Двум сестрицам петроградским». Бывали письма очень трогательные, особенно от уссурийских и амурских казаков, которые писали свои письма так: «Лети, мой листок, на Дальний Восток и никому в руки не давайся, как только моей сестрице милосердной!» Часто бывали наклеены картинки, голуби, незабудки... Мы на каждое первое письмо отвечали, но, когда получали по второму, отвечали уже не всем, и только с некоторыми переписка продолжалась. Мы хранили все письма, и у нас их набралось несколько больших пачек.

Врачам и сестрам и наша работа, и обожание, которое нас окружало, очень не нравились, особенно сестрам: они поневоле должны были больше работать и страшно нам завидовали. Никаких ссор не возникало, но они нас не любили. Из лазарета нас откомандировать не находилось причин, и они решили от нас избавиться хоть у себя в помещении, поэтому нас из здания лазарета перевели в отдельный домик, где у нас была чудная большая комната. Окно выходило в парк, где стояли большие русские качели. Мы этому переселению очень порадовались: жили совсем одни. По вечерам летом, сняв форму, в капотах летали на качелях. Еще зимой мы из Петербурга выписали коньки и ходили на городской каток, а иногда просто на речку Аа.

Так как ночные дежурства приходились на четвертую ночь, у нас было много выходных дней, к тому же мы все по очереди на неделю освобождались от палаты и хозяйничали. Поэтому времени для себя было достаточно. Мы с Ксенией взяли напрокат рояль, вернее старинный клавесин, нашли учительницу и стали брать уроки. Вечерами играли в четыре руки. Жили очень дружно, но иной раз и крепко ссорились.

Главные ссоры происходили из-за ее вечных влюбленностей – через год войны она осталась такой же наивной и увлекающейся институткой: всегда была в кого-то влюблена, ждала предложения, – я вмешивалась, она сердилась, и получались ссоры. После разочарования – слезы, отчаяние, – и мы живем снова в мире. Но это происходило только у нас в комнате: на работе мы были всегда одинаково дружны.

Летом мы познакомились с двумя кавалерийскими офицерами (конского запаса), которые с лошадьми почему-то стояли недалеко от нас, мы несколько раз катались с ними верхом.

Все сестры по очереди по неделе бывали хозяйками. Произошло это так: кормили нас удивительно невкусно и однообразно, нам обеим это не нравилось, мы ворчали, а Ксения, как всегда, громко выражала свое неудовольствие. Раз как-то старший врач на это рассердился и объявил, что если мы недовольны, то будем тоже хозяйничать (поэтому у нас были свободные дни и часы). Ксения обрадовалась, она любила это дело и кое-что в нем понимала, я же впала в полную панику, но Ксения обещала мне помогать.

Первой сестрой-хозяйкой назначили ее, и справилась она прекрасно, хотя повара у нас не было, а только простой кашевар. На сладкое Ксения каждый день делала мороженое, и каждый раз новое. Обходилось оно недорого, и она из бюджета не вышла.

После нее хозяйничала я, которая ничего не умела. Ксения из палаты прибегала учить меня делать котлеты. У меня мороженое было тоже каждый день. Всем наш стол понравился, и остальные сестры стали повторять наше меню. Кормиться стали хорошо!

Раз как-то летом в лазарет пришло приглашение на Concours hippique^[7] от Нерчинского казачьего полка, стоявшего недалеко от нас. Им командовал генерал Врангель. У нас заволновались, и все хотели туда попасть.

Но все было решено без нас: запрягли лазаретную коляску, в нее сели старший врач, его жена, три сестры, и они уехали. Остались в лазарете дежурная сестра и мы две, которые в этот день были свободны. Но нам безумно хотелось тоже попасть на конкур. Недолго думая, мы пошли быстрым шагом по тропинкам.

Успели к самому началу.

Встали около изгороди, довольно далеко от палатки, где был Врангель, его штаб и офицеры. Наши лазаретные стояли недалеко от них.

Прошло два или три номера, как к нам двоим подошел офицер и сказал, что командир полка и его жена просят нас перейти к ним. Мы сейчас же пошли. Проходя мимо наших, мы увидели их изумленные недовольные лица.

Баронесса Врангель встретила нас очень приветливо, познакомила со всеми. Там мы досмотрели все до конца. А затем нас пригласили закусить и выпить чай. Довольные и счастливые, мы вернулись домой, где нам никто ничего не сказал. Все сделали вид, что нас не замечают.

Через несколько дней к лазарету подъехала баронесса Врангель. Старшая сестра бросилась ее встречать и стала приглашать войти, но баронесса ответила, что она приехала отдать визит сестрам Исполатовой и Варнек и просит нас об этом сказать. Нас вызвали, и мы в саду втроем сидели и разговаривали. Мы вначале не понимали, почему к нам такое исключительное внимание. Но потом сообразили: у нас все время лежали больные казаки, многие потом возвращались в полк. Это, конечно, они нас расхваливали, как могли, рассказывали и об остальном персонале.

Вскоре нас перевели ближе к Риге, на станцию Лигат. Стоянка пустынная, без зелени. Стали понемногу получать раненых. Запомнился один: он, по-видимому, был контужен. Лежал с дикими, широко раскрытыми глазами и, как только кто-нибудь войдет в его палату, пронзительно свистел. Такой свист я никогда ни раньше, ни позже не слышала. Пролежал он у нас несколько дней и скончался. Наши врачи ничего не понимали в его состоянии и решили сделать вскрытие, мне разрешили при этом присутствовать. На меня оно произвело удручающее впечатление.

Мы узнали, что недалеко от нашей станции находится так называемая Ливонская Швейцария. В один из свободных дней мы туда отправились. Там было поразительно красиво и интересно. Местность сильно холмистая, вся в лесах и перелесках, а на остроконечных вершинах холмов стоят старинные замки. Мы пошли осматривать Зегевольд, принадлежавший княгине Кропоткиной, урожденной баронессе Рихтер. На срезанной вершине отвесной горы мы увидели развалины старинного громадного замка. Стояли части стен, башен. От него открывался вид далеко кругом и на другие вершины, где находились замки других рыцарей. Около развалин в Зегевольде стоял замок более

новой постройки, гораздо меньше и ничего интересного собой не представляющий. Это, вернее, был громадный каменный дом, там до войны постоянно жили Кропоткины.

Глава 10

Тяжкие дни в Риге

4 июля 1916 года к нам приехал из Риги грузовик с приказом немедленно командировать в распоряжение главноуполномоченного Северо-Западного фронта одного врача, двух сестер и десять санитаров. Сейчас же все были назначены. Поехали младший врач, санитары и мы две. Местные сестры были рады от нас избавиться. Собрались быстро. Вещей почти не взяли, уселись на грузовик и поехали. Зачем, почему, никто не знал! Спрашивали шофера, но он смог нам сказать только о том, что под Ригой были большие бои. А зачем нас вызвали, он не знал.

В Риге заехали в Управление Красного Креста, и нас сразу же направили в приемник Красного Креста, находившийся в огромном здании семинарии.

Там нас встретила симпатичная старшая сестра. Она нам объяснила, что потери в последних боях страшные. Все госпитали переполнены, санитарных поездов не хватает и поэтому приемник завален ранеными. Из всех лазаретов Рижского района были вызваны спешно врачи, сестры и санитары – для работы в нем.

Раненых было столько, что не только коридоры, но и площадки широкой лестницы были полны. Привезли их недавно, и надо было наладить спешно работу. Нас обеих старшая сестра назначила в два больших широких коридора на одном и том же этаже. Раненые лежали большей частью прямо на полу. Кое-кто на носилках. Мы должны были всех обойти и сообщить о более тяжелых, которым спешно нужна перевязка. Поили их водой и старались лучше уложить.

Но прошло не больше часу, как вернулась старшая сестра и сказала, что перевязочная готова, начались перевязки и там работают две сестры, но нужны еще две, так как работа будет идти без перерыва день и ночь, а кроме того, необходимо найти и операционную сестру: из всех присланных (около сорока) сестер она нашла лишь только двух перевязочных, которые сейчас работают, и ни одной операционной. Это и понятно, так как ни один госпиталь своей операционной и перевязочной сестер не пошлет. К нам старшая сестра обратилась в последнюю очередь. Мы сказали, что мы обе перевязочные сестры и помогаем в операционной. Ксения сказала, что она несколько раз заменяла операционную сестру. Старшая сестра страшно обрадовалась и сказала, что назначает нас, но Ксения запротестовала, сказав, что она самостоятельно никогда не работала, опыта у нее нет и что

она не может взять на себя такую ответственность. Но выхода из положения не было: надо оперировать, а сестер нет, и ей пришлось согласиться. Но она поставила условие, что я всегда буду ей помогать и что все наши санитары будут назначены в перевязочную и чтобы ни одного постороннего санитаря там не было: мы своих людей знали и им можно доверять, с ними мы будем спокойны, что все будет чисто, инструмент будет действительно хорошо вымыт, прокипячен и что в наше отсутствие ничто не будет переставлено и никто не дотронется до стерильного материала.

Старшая сестра согласилась и повела нас в «святая святых». Там уже шли перевязки. Старшая сестра представила нас старшему врачу, доктору Фовелину, известному в Риге хирургу, имевшему там свою клинику.

Ксения ему откровенно сказала, какая она неопытная операционная сестра и что она боится, что не справится. Фовелин ее ободрил и сказал, чтоб она не стеснялась обращаться к нему с вопросами. Сейчас же мы сговорились с двумя другими сестрами о распределении дежурств. Мы должны были работать в две смены и, чтобы не работать одним всегда ночью, а другим днем, мы устроились так: проработавшие ночью с 8 вечера до 8 утра должны были после смены уходить отдыхать, обедать в час и возвращаться на работу – до 8 часов вечера, когда другая пара после ужина приходит на ночное дежурство. Первая смена идет ужинать, спать и к 8 утра снова на работу.

Распределено было хорошо и точно, но на деле получилось совсем иное. Когда мы начали работать в перевязочной, было уже довольно поздно вечером, две другие сестры ушли. На перевязках все время подавала я. Ксения сначала все осматривала, разбиралась в инструментах, а затем, когда все изучила, стала помогать врачам при перевязках.

Когда Фовелин объявлял, что начинается операция, Ксения шла на свое место, а я ей помогала. Во время первой операции мы очень волновались, но все сошло благополучно, и мы стали смелее. Операции чередовались с перевязками, ночь прошла быстро, но, когда утром другие сестры пришли нас сменять, мы уйти не могли, так как в это время шла операция.

Когда наконец она закончилась, мы спустились пить чай. Но не успели встать из-за стола, как за нами прибежали и сказали, что нас ждут на операцию.

Мы побежали, но за одной операцией последовала другая, третья... Перевязочная была очень большая, и в другом ее конце перевязки делали две другие сестры. Если все врачи были заняты у нас, то их сестры шли в находящуюся рядом материальную

готовить материал. Это лежало тоже на нашей обязанности. И так мы проработали весь свой отдых, едва успев сбежать пообедать, и вступили в собственное дежурство. Другие две сестры свое свободное время работали в материальной. Ночью мы должны были быть свободны, но операции шли одна за другой. Едва успевали передохнуть от одной, как начиналась другая.

Мы решили не уходить, сидели в материальной и крутили шарики или делали тампоны и т. д. Так шли сутки за сутками. Днем, если бывала свободная минута, мы шли в сестринскую комнату. Эта была большая проходная комната среди госпиталя, где стояли шесть или семь чистых носилок. Мы приходили туда, бросались, в чем были, на носилки и засыпали, пока не приходили нас звать снова наверх. Несмотря на то что сестер было около сорока, всегда мы находили свободные носилки. На двух-трех спят какие-то сестры, а часто и все места были не заняты. Но туда мы ходили только днем, так как это было далеко. Ночью сидели в материальной, тем более что надо было все время заготавливать материал. Раз ночью мы сидели с Ксенией и работали. Я сидела на краю большого ящика, наполовину наполненного ватой, и что-то делала. Через сколько времени – не знаю, но я проснулась. Из ящика торчали мои ноги и голова.

Хотя наша перевязочная была хорошо оборудована, инструмент для операций весь был, но не было дубликатов. Много пришлось делать ампутаций, и кончилось тем, что пила иступилась. Спешно послали ее поправить и попросили на складе Красного Креста другую. Но там ответили, что раздали все, что у них было. Хотели купить, но тоже не нашли. Послали санитаря с запиской по госпиталям с просьбой одолжить – во всех госпиталях отказ: нужна самим! Что было делать? У нас должна была быть спешная ампутация. Тогда Ксения побежала сама в ближайший госпиталь. Ей обещали дать, но сказали подождать, так как у самих идет ампутация. Когда операция закончилась, пилу Ксении дали, но с условием, что, как только мы закончим, немедленно им вернуть.

Эти дни в Риге были кошмарными. Такая чудовищная работа длилась две недели. На третью наших раненых стали эвакуировать, работать стало легче: по ночам уже почти не оперировали, и мы через ночь могли почти всегда уходить. Сестры стали разъезжаться, нам дали комнату на двоих, где у каждой было по кровати.

К концу третьей недели работа стала нормальной. Эвакуация продолжалась, и со дня на день мы ждали окончания нашей командировки. Но в ночь на 24 июля у Ксении сделался сильнейший приступ аппендицита. Доктор Фовелин ее осмотрел

и сказал, что надо немедленно оперировать в его клинике. Я ее туда перевезла, и, не теряя ни минуты, Фовелин ее прооперировал. Я присутствовала на операции. Ее положили в чудную отдельную комнату. Ухаживала прекрасная сестра Рижской общины. На ночь я уходила, но днем просиживала там.

Ксения быстро поправлялась. Работа в приемнике кончилась, и нам дали месячный отпуск.

Я отвезла Ксению в имение ее матери под Петербургом и поехала к своим родителям в наше имение в Туапсе. Приехала туда 9 августа, чудно провела там время.

2 сентября мы обе явились в Управление в Риге. В наш лазарет мы вернуться не могли, так как туда уже назначили других сестер. Мы немного жалели, так как там нам жилось хорошо.

Так как на Рижском фронте работы не было, нас откомандировали в резерв в Петербург, куда мы прибыли 5 сентября.

Нас тянуло больше на Юго-Западный фронт, так как на севере мы не видели возможности устроиться в передовой отряд, да еще вместе.

Нас из резерва откомандировали в общину, и оттуда 15 сентября нас перевели на Юго-Западный фронт, в резерв в Киев, для получения назначения в отряд. Мы уехали 18-го, 20-го явились в резерв и получили назначение в Рижский передовой отряд, организованный на средства прибалтийского дворянства.

Начальник отряда был князь Кропоткин. Отряд был очень большой – лазарет, конные летучки, конный и автомобильный транспорты. Его штаб находился в вагоне в тылу отряда. Там жил и сам князь. К нему мы явились 23 сентября на какой-то станции в Галиции, и он нас отправил в Монастержиск в Галиции.

Часть вторая

Когда фронт разваливается

Глава 1

Рижский передовой отряд

Осенью, 29 сентября 1916 года, Ксения Исполатова и я были назначены в Рижский передовой отряд Красного Креста, в Галицию.

Отряд мы нашли в Монастержиске. Встретили нас хорошо, и мы быстро со всеми подружились. Совсем случайно мы узнали, что недалеко от отряда стоял авиационный дивизион, которым командовал двоюродный брат Ксении – Ильин, а одним из летчиков был его брат. Мы сейчас же отправились туда, решив, что обязательно будем летать. Ксения до того затормошила Ильина, что он сказал, что ничего не хочет знать об этом, не имеет права разрешить нам летать, и уехал.

На другое утро мы явились очень рано, и один из летчиков нас по очереди «покатал» на малюсеньком открытом аппарате. Нас крепко прицепили ремнями, и мы как бы повисли в воздухе. Страшно не было, переполняло только чувство гордости – быть выше всех и смотреть на маленькие домики и автомобили как на букашки.

Вскоре после нашего приезда в отряд его перевели в Киев; стояли мы в лагере на Сверце, жили по две в маленьких офицерских домиках. Так как отряд носил имя Государыни Императрицы Марии Федоровны, нам пожаловали ее вензеля. Мы, сестры, носили на левом рукаве серебряный шитый вензель на малиновом сукне. В это время Государыня была в Киеве и сообщила, что приедет осматривать отряд. Началась лихорадочная подготовка к параду; наконец состоялась генеральная репетиция, все было замечательно красиво и торжественно: начальник отряда, князь Кропоткин, скакал на белом коне! Проходили конные летучки, лазарет, два автомобильных транспорта. Все заново отремонтировано, везде вензеля. Радовались и волновались, в ожидании самого парада. Но Государыня заболела, и парад не состоялся.

Перед Рождеством мы обе и часть отряда были спешно отправлены в Румынию, в Текуч. Рождественскую ночь мы провели, сидя в тесном купе вагона, у окна стояла елочка, которую мы взяли из Киева.

Мы приехали в Текуч в самый разгар отступления румынской армии. Когда мы со станции добирались к месту нашего жительства, навстречу шли толпы солдат, ехали офицеры, многие из них сидели на возах с мебелью и вещами, ничего общего с

военными не имеющими. Многие кричали, чтобы мы бежали!

На другой день мы начали помогать в одном русском госпитале, переполненном ранеными. Ходить было довольно далеко. Жидкая грязь заливала улицы, и мы могли пробираться только благодаря большим сапогам, а сестру Мару Сильвень санитары перетаскивали на руках, так как у нее не было сапог. Проработали мы там всего несколько дней, а затем нам сообщили, что приходит с фронта санитарный поезд и мы должны перейти на него. Это оказался румынский санитарный поезд «Trenul Sanitar Trizeccinove»^[8] – одни теплушки без печек, дачный вагон-кухня и два классных для персонала: один дальнего следования, но со всеми разбитыми окнами, конечно, без отопления, и другой – маленький, дачный, с открытыми площадками, без уборной и, конечно, совсем холодный. 31 декабря все было приготовлено к отправке на поезд: чемоданы уложены, все в пальто, елочка на столе. Стоя дождались 12 часов ночи, выпили по стакану вина и пошли грузиться.

В это время нагрянули морозы. Поезд, который пришел с фронта, был переполнен ранеными, исключительно русскими, лежащими прямо на полу. Их не сопровождал даже санитар!

Работать начали дружно: первое – это убрали умерших от ран и замерзших; доставали и подкладывали солому, постепенно поставили печки, делали нары... Рейсы были очень тяжелые: сильнейший мороз, часто пути заносило снегом. Спали, не раздеваясь, в спальных мешках. Воду для умывания оттаивали на примусе. Часто бывали крушения, но, слава Богу, небольшие: рвался поезд, скатывался вагон под откос, в последний момент останавливались перед провалившимся мостом... Но всегда все кончалось благополучно. Больше всего пережили во время рейса Текуч – Галац – Рени и обратно по Серету вдоль линии фронта, где мы должны были подбирать раненых. На обратном пути, между Рени и Галацом, попали под страшный обстрел из тяжелого немецкого орудия. Поезд шел совсем медленно по насыпи, с двух сторон болото. С левой стороны, за болотом и рекой, горы, откуда стреляли немцы. Мы им были хорошо видны. Каждый раз, как днем проходил поезд, его обстреливали. Накануне был разбит паровоз, и мы видели его лежащим под насыпью и рядом убитого человека, которого еще не успели убрать. Снаряды рвались то с одной, то с другой стороны полотна. Громадные столбы воды и грязи взлетали вверх. Мы, сестры, все трое сидели вместе. Было жутко, но красиво! Санитары, румыны, все убежали под насыпь, и многие на поезд больше не вернулись. Наша кухонная команда, русская, лежала под плитой с кастрюлями на головах!!! Один снаряд разорвался

на самой насыпи, и осколками убило одного и ранило другого пассажира, которые ехали на площадке «зайцами». Проехав опасное место, мы вздохнули, но на вокзале Галаца, который все время обстреливался, было «жарко»: пробило одну теплушку.

Мы, три сестры, были представлены к Георгиевской медали. Начальник отряда через некоторое время нас поздравил, сказав, что на днях получим бумаги, но из-за начавшейся революции мы их не получили.

Вечером мы двинулись дальше, так как вдоль фронта надо было проехать ночью. Но среди ночи наш сестринский вагон, с длинными ступеньками вдоль всего вагона, зацепился за снег и оторвался от передней части состава, который без нас укатил дальше. Волнение, конечно, страшное: полпоезда стояло в беспомощном состоянии, а утром должен был начаться обстрел, но машинист на какой-то станции узнал о своей потере и успел вернуться за нами.

В начале февраля 1917 года Ксения и я заболели сыпным тифом. Лежали в Яссах – в Евгениевском госпитале, в отдельной комнате, за нами ухаживали наши сестры и мать Исполатовой, приехавшая из Петербурга. Тиф был не тяжелый. Больными, в полусознательном состоянии, мы узнали об отречении Государя. Были очень подавлены, плакали. Ксения все вскакивала, становилась на колени и твердила: «Боже, спаси Государя!» Все в отряде были убиты этим известием, одна только сестра, Ася Языкова, казанская помещица, пришла от него в восторг, спорила со всеми, очень скоро бросила отряд и уехала к себе в имение – «делить землю».

Мы начали поправляться. Революция еще не чувствовалась. Наш отряд стал тут же, в Яссах, где его силами формировался прекрасный санитарный поезд, из пульмановских и международных вагонов. Старшей сестрой должна была быть Великая Княгиня Виктория Федоровна, сестра румынской королевы. Нас обеих из госпиталя перевели в поезд, и каждый день на двуколке мы уезжали за город в Соро, где стояла одна из летучек. Там мы набирались сил, дышали чудным воздухом и запахом сирени, которой было множество. Кроме поезда, отряд организовал около вокзала питательный пункт для румынского гарнизона: все солдаты там голодали, тиф свирепствовал и смертность была ужасающая. Мимо нашего поезда каждый день проходил грузовик с трупами солдат.

Питательный пункт был устроен в двух громадных палатках, в которых стояли столы со скамейками. Пища варилась в поезде – жирный густой суп с куском мяса, каша, хлеб.

На открытие прибыла сама королева со всей свитой. Одета

очень скромно, во все черное. Но офицеры свиты произвели ужасное впечатление: затянутые в корсеты, напудренные и даже с подмазанными губами!

Пищу разливала я: все было приготовлено прекрасно, но забыли длинную разливательную ложку (черпак), поэтому я черпала кастрюлей, вследствие чего первые солдаты получили довольно жидкий суп.

Королева немного опоздала, и, когда я ей дала пробу, у нее оказался чудный густой суп, который она очень похвалила. Потом обошла столы, внимательно рассматривая, и, когда вернулась ко мне, смотрела, как я разливаю. Наконец улыбнулась и сказала: «Теперь я поняла – у вас нет разливательной ложки!» Говорила она с нами по-французски. На другой день ложку достали!

На Св. Пасху наш отряд был приглашен в собор на королевскую заутреню. Весь собор был заполнен войсками. Публики не было. В первом ряду перед румынскими солдатами стояли мы. Перед нами – большое пространство, где по бокам на возвышении стояли: налево – королева, принцессы и ниже ряд придворных дам; направо – король, министры и придворные. На одном клиросе – представители всех союзников, а на другом – наши русские офицеры. Служба была очень торжественная, но больше напоминала театр. К кресту король не подошел, а все духовенство торжественно подошло к нему, и митрополит или епископ (не помню) дал королю приложиться, передал ему другой крест и подошел к королеве. Потом все придворные и офицеры-союзники гуськом прошли по середине церкви, останавливаясь и кланяясь королю и королеве, подходили к королю, и он давал им целовать крест. Ни мы, ни солдаты к кресту не прикладывались. У нас у всех создалось впечатление, что служба не Богу, а королю.

Вскоре после этого в отряде начались беспорядки, появился какой-то комиссар, прапорщик Куровский, грозил арестами.

Все же мы двинулись в Марашешты, ехали в новом санитарном поезде, погода была чудная, почти всю дорогу сидели на крыше вагона, куда санитар нам раз подал чай. Правда, ехали медленно. Думали работать, но дела становились все хуже и хуже. Постепенно все начали разъезжаться. (Ксения уехала раньше, вскоре после выздоровления, – 30 апреля 1917 года.) Я же – с одной из последних групп. Очень трудно было расставаться с родным РИЖОТом^[9], который мы так любили и где так дружно жили и работали.

Глава 2

С военно-санитарным поездом

По возвращении в Петербург (9 мая 1917 года) вскоре мы обе с Ксенией получили назначение в госпиталь на Васильевском острове в помещении Патриотического или Елизаветинского (забыла) института. Жили мы там, у нас была хорошая отдельная комната. Сначала и работа, и наша жизнь шли довольно нормально. В это время «царил» Керенский, он говорил речи о продолжении войны, призывал всех идти на фронт!

Все больные и раненые госпиталей, которые могли ходить, устроили грандиозную манифестацию, дефилировали по улицам в сопровождении своих сестер. Много плакатов с надписями: «Залечим свои раны и вернемся на фронт!» Публика вокруг смотрела с восторгом и умилением: давали папиросы, деньги, которые сестры собирали в фуражку. Каждая из нас шла сбоку, около своих больных, шедших рядами. Но очень скоро после этого начался развал: сестер стали притеснять, кормить отвратительно, вследствие чего Ксения заболела дизентерией. Ее увезли домой. Я оставаться одна была не в состоянии, ушла тоже (27 сентября 1917 года), но скоро получила назначение в 604-й военно-санитарный поезд, бывший Великой Княгини Марии Павловны-младшей; надпись была замазана краской, но просвечивала на всех вагонах.

Меня назначили перевязочной и операционной сестрой и поместили жить в перевязочный вагон, прекрасно оборудованный. Весь громадный вагон был занят перевязочной, и только с одной стороны – маленькая стерилизационная, а с другой – мое полуторное купе и моя уборная. Против моей двери в коридоре – телефон: в вагон команды и персональский. Я была полная хозяйка в своем вагоне и совсем одна, чему страшно радовалась. Персонал поезда был мне совсем незнаком, все они сжились между собой, и общего у меня с ними ничего не было. Мое купе я очень уютно устроила и любила там сидеть. Только когда немного позже к нам назначили Юлю Думитрашко (двоюродную сестру Ани Думитрашко), она часто приходила ко мне. В персональский вагон я заходила только для того, чтобы поесть. Даже не помню сестер. Старший врач – еврей Цацкин, прекрасный врач, очень энергичный, и с ним приятно иметь дело. Он часто приходил в перевязочную, работал быстро и умело. Был требовательный, но у нас с ним были прекрасные отношения. База нашего поезда была Великие Луки: стоянка унылая! Станция

далеко от города, который был больше похож на большое селение. Дороги до города во время дождей почти непроходимы. Мы редко выходили из поезда, часто сидели без дела, ожидая вызова.

Боев почти не было: *фронт разваливали!* Когда нас вызывали грузиться, мы получали очень легко раненных, а больше всего симулянтов. Рейсы совершали от Режицы, немного дальше и обратно в Петербург, через Псков, или на Москву.

Раз в Москву прибыли на другой день после большевицкого^[10] переворота. Мы ничего не знали. Разгрузились и пошли гулять. Мы знали, что накануне были стрельба, беспорядки, но не обратили на это никакого внимания. Я, как всегда, пошла одна. Решила посмотреть Кремль. Прошла Красную площадь, вхожу в ворота, меня останавливает часовой и спрашивает пропуск, которого у меня, конечно, не было, да я и не поняла, в чем дело. Объяснила человеку, что я приехала с санитарным поездом и хочу осмотреть Кремль, поэтому прошу меня пропустить. Солдат оказался симпатичным, на мое счастье. Он мне ответил: «Сестрица, впустить-то тебя я впущу, а оттуда тебя не выпустят. Уходи-ка лучше поскорее!» Тут только я начала соображать, что дело неладное, и поторопилась уйти.

После большевицкого переворота в команде стало беспокойно: санитары отказывались работать, возражали, предъявляли требования, многие просто уезжали. Старший врач не потерялся, он предложил всем недовольным уехать, а на их место тут же, в Великих Луках, нанял вольнонаемных баб: желающих оказалось много. Их поселили в командный вагон, надели на них белые халаты, повязали головы белыми платками и распределили по работам. Платили и кормили хорошо, но доктор заставил их подписать условие: за первые два проступка – выговор и штраф, а за третий – высаживание из поезда на ближайшей станции, в какой бы части России это ни случилось. Строг был Цацкин с ними очень: гонял и заставлял работать.

Но когда одна из баб решила выйти замуж за санитаря, свадьбу отпраздновали пышно: все в санях ездили в церковь, а затем в пустом вагоне было угощение и даже «бал»! Оркестром была я, с моей балалайкой. Провинностей почти никто не совершал, кроме одной бабы, которую в конце концов оставили на какой-то станции, далеко от Великих Лук. После этого была жизнь и Божья благодать.

В начале 1918 года наш поезд вызван был в Петербург, для обмена военнопленных инвалидов. В Петербурге мы погрузили австрийцев, венгров и несколько турок. Мне дали вагон с офицерами, но их из-за предосторожности всех поместили в

отдельный солдатский вагон, а в офицерский положили тяжелых лежащих инвалидов.

Работы было мало, но, проводя весь день в вагоне, я привыкла к раненым и со многими даже подружилась. Особенно симпатичная была венгерская компания: венгры много говорили о событиях в России, ничего хорошего не предвидели, и некоторые из них дали мне адреса, говоря, что, когда у нас будет совсем плохо, я могу к ним приехать и они мне помогут. Тогда я всему этому не верила еще, но правы оказались они.

Поезд наш пустился в путь под датским флагом, и с нами ехал атташе датского посольства. Обмен должен был произойти в Бродах, на границе Галиции. Выехали мы очень довольные, думая сделать приятное путешествие и вернуться обратно недели через две. Но не тут-то было! Только до Брод мы ехали ровно месяц! Само путешествие в прекрасном поезде при нетрудной работе было одно удовольствие. Но разруха в стране, разные фронты, перерезанные пути доставляли нам много волнений и даже жутких моментов.

До Москвы мы доехали благополучно и собирались таким же образом следовать дальше, но оказалось, что прямой дорогой на Киев по каким-то причинам ехать нельзя. Стали искать окольные пути. Наконец двинулись, стремясь на Киев. Ехали долго, застревали на станциях, много раз пытались боковыми дорогами свернуть на нужный нам путь, но нас каждый раз возвращали обратно. Что происходило, никто не знал. Наш датчанин посылал телеграммы, хлопотал, но и его хлопоты оставались безуспешными, однако из неприятных положений он несколько раз нас выручал. Питались мы неважно, только запасами поезда, так как нигде ничего достать было нельзя. После тщетных попыток добраться до Киева, ползая вперед и назад, было решено оставить его в стороне и ехать просто на юг. Добрались до Елизаветграда.

На вокзале грязь и беспорядок страшные! Везде разбитые ящики, бумаги, обломки. Вид у всех растерянный! Оказалось, что накануне сделала налет на станцию Маруся Никифорова со своей шайкой. Разграбили что могли!

Дальше Елизаветграда нас отказались пропустить. День был солнечный, весенний; мы, сестры и санитарки-бабы, высыпали на платформу, гуляли, грелись на солнце. Вдруг на второй путь подошел поезд с красноармейцами, шумными, нахальными. Увидев нас, они немедленно отправили делегацию к старшему врачу с требованием передать им половину сестер: они идут в бой умирать за родину и т. д., а у нас такое количество сестер (они сосчитали и санитарок, одетых в белые халаты).

С большим трудом Цацкин всех нас отстоял, велел немедленно запереться по своим купе и не высовываться из окна. Запер он и вагоны. Так просидели мы довольно долго, пока красноармейцев не увезли.

Цацкин и датчанин, не переставая, хлопотали, чтобы нам дали паровоз и разрешили ехать дальше, но им отвечали, что недалеко фронт, что наступают немцы и ехать нельзя. Все же, в конце концов, кажется, через сутки, нас пропустили, взяв обещание немедленно вернуться обратно, если увидим, что немцы приближаются.

Все обещания были даны, и мы двинулись; ехали медленно. Остановились у какого-то полустанка. Пришел встречный эшелон с красноармейцами. Их начальник сейчас же потребовал от Цацкина объяснения, почему мы тут, и приказал немедленно пятиться обратно, сказав, что они уходят последними и что дальше немцы. Стал угрожать и заявил, что если мы немедленно не поедem за ними в Елизаветград, то пришет за нами и расправится как с изменниками. Никакие объяснения ни доктора, ни датчанина не действовали. Спасло нас то, что сами красноармейцы были в страшной панике и торопились удрать, предварительно повторив угрозу. Доктор же Цацкин решил не двигаться и ждать немцев.

Мы остались одни, но вскоре прибежала группа китайцев, страшно испуганных: они подбежали к доктору и больше жестами, чем словами, объяснили, что надо бежать, что если мы останемся, то нам отрубят головы. Цацкин, который всегда находил выход из положения, страшно пожалел «бедных китайцев», предложил им сесть на наш паровоз и удрать, что они и сделали. За ними снова появились красноармейцы в поезде, снова крики, угрозы и требования немедленно отступить. Доктор им объяснил, что мы без паровоза, который ушел за водой, и что мы страшно волнуемся и не понимаем, почему он за нами не вернулся. Начальник красноармейцев заявил, что он за нами вышет паровоз, а если мы не явимся, будет плохо. Тут началось мучительное ожидание. Боялись увидеть паровоз, ждали немцев и боялись их! Подняли над поездом большой флаг Красного Креста, из всех окон вывесили простыни и полотенца. Местность была холмистая. Мы стояли на возвышении, и нас издали было видно. Вдруг справа спереди мы заметили какое-то движение. Далеко из-за холмов показались люди, они то приближались, то скрывались за холмами, то вновь появлялись.

Наконец мы различили небольшую группу немцев. Они приближались медленно и осторожно. Наши инвалиды, все, кто мог ходить, высыпали из поезда и начали махать полотенцами.

Вдруг мы увидели пушку, которую немцы стали устанавливать против нас. Все стали неистово махать, чем могли. Выстрела не последовало, и мы заметили, что по ложбине к нам приближаются два человека, оказалось – разведка. Все начали кричать и махать еще больше. Доктор бросился бежать им навстречу и объяснил, кто мы такие. Они дали сигнал остальным, которые вскоре все подкатили к нам. Они объяснили, что боялись обмана, что большевики часто броневые поезда камуфлируют под Красный Крест. Они думали, что мы тоже на броневике.

Когда все окончательно разъяснилось, они обещали сейчас же прислать за нами паровоз и уехали.

Паровоз наконец появился и довез нас до станции Винница, где нас ждали уже с чудным обедом для инвалидов и для нас. Дальше мы поехали спокойно. Поразило нас обилие продуктов, чистота, порядок на станциях.

Предвидя возвращение в голодный Петербург, мы стали закупать все, что могли, – муку, сахар, крупу, а позднее яйца и масло. Все это каждый прятал в своем купе. Моя койка поднималась, и под ней было нечто вроде ящика, во всю длину и ширину кровати. Там я устроила свой склад.

После Винницы путешествие было спокойное и ехали быстрее. Но все же почему-то в один прекрасный вечер мы оказались в Одессе. К сожалению, уже утром нас двинули, и города мы не видели.

И вот мы в Бродах. Тепло распрощались с нашими инвалидами, с которыми провели месяц в разных передрягах. Их перегрузили в австрийский поезд, и они уехали.

К нашему большому удивлению, наших русских инвалидов еще не было. Пришлось ждать три дня в Бродах. Провели мы их хорошо. Нам была дана полная свобода: мы гуляли, ходили даже в кинематограф и, конечно, все время были в форме. Чувствовали себя странно во вражеской стране, окруженные австрийцами в форме.

Наконец пришел поезд с нашими. Впечатление тяжелое: сравнить их с австрийцами и венграми было нельзя – худые, изможденные и страшно нервные. Но чисто и хорошо одеты. Сразу же у нас с ними стали натянутые отношения, и возникало даже немало недоразумений. Нам тяжело было сознание, что мы не можем их встретить ни радостно, ни торжественно, как это бывало до революции, когда их встречали с музыкой, обедами и проч., а повезем их в полную неизвестность, в разруху и голод. Они знали о революции в России, были до некоторой степени распропагандированы, и даже офицеры выражали свою радость.

На перроне, когда подошел их поезд, стоял только наш

персонал. Думая о том, что их ожидает, мы не могли бурно выразить нашу радость.

Они сразу же стали рассказывать обо всем, что пережили в плену, как голодали. Они привезли, чтобы показать, дневную порцию хлеба, а мы, вместо того чтобы им сочувствовать и возмущаться жестокости немцев, молчали: ведь мы везли их в Петербург, где они получают в четыре раза меньше хлеба, да еще с соломой и отрубями.

Наше такое «бесчувствие», конечно, оттолкнуло их от нас! А когда мы стали их перегружать в свой поезд и офицеров поместили, как и австрийцев, в отдельный солдатский вагон, началось открытое возмущение, несмотря на то что мы всеми силами старались им внушить, что это делалось для их сохранности! Но они не понимали и были уверены, что едут в счастливую Россию! Я опять была в офицерском вагоне. Понемногу они успокоились, но, как только мы поехали обратно и доктор Цацкин пришел к ним и очень деликатно, стараясь объяснить положение, попросил снять погоны, поднялась буря негодования: они ни за что не соглашались. Оскорблены и возмущены были до глубины души и пришли к заключению, что мы не только их враги, но и враги России, провокаторы и т. п. Все же они послушались: я проводила с ними целые дни, старалась постепенно им открыть глаза. Мы очень скоро подружились, и они стали нам доверять. До самого приезда в Петербург, а путешествие длилось две недели, многого они понять не могли и еще многому не верили. Мы же прекрасно знали, что ожидает офицеров в Петербурге, поэтому старший врач стал хлопотать, чтобы их оставить на юге России. Ему удалось получить такое разрешение, но только для одних украинцев. Мы решили, что под видом украинцев мы сможем оставить и желающих с севера.

Но мои офицеры приняли это не так: не только северяне решили ехать с нами, но и украинцы тоже. Билась я с ними несколько дней, чтобы уговорить остаться, и только очень немногие согласились. Большинство же решило ехать в Петербург – получить пенсию, протез, лечение и т. д. Они не могли поверить, что, кроме голода и страданий, их ничего не ждет.

Обратно мы ехали вдоль западной границы. Путешествие прошло спокойно, если не считать серьезного осложнения в Ровно, от которого нас спас наш датчанин: город Ровно в этот момент был занят германцами. Вскоре после того, как мы остановились на вокзале, пришел от немцев приказ: в 24 часа сдать кассу, оставить поезд, взяв с собой только по небольшому чемодану, и отправляться на все четыре стороны.

Ни то, что это санитарный поезд Красного Креста, ни то, что

он везет инвалидов из плена, не принималось во внимание, и, не будь с нами датчанина, – все бы мы оказались на рельсах!

Дальше ехали уже без приключений, пока было возможно, закупали продукты. Обратный путь длился ровно две недели.

Глава 3

Откомандировываюсь домой

В Петербурге на Варшавском вокзале сдали инвалидов и узнали, что наш поезд отбирается от Красного Креста и переводится в Красную армию. Я сразу же заявила, что больше работать не буду (откомандировалась 15 апреля 1918 года) и что хочу ехать к родным.

Но надо было из поезда перебраться домой. Кроме вещей, у меня были продукты: по пуду муки, сахару, немногим меньше пшена, масло, яйца, творог... Наша квартира была на Суворовском проспекте, в противоположном конце Петербурга. В это тревожное время она стояла закрытая. Я решила остановиться у моей тети Кобылиной, служившей во Вдовьем доме, около Смольного, недалеко от Суворовского. У нее была квартира в две комнаты и кухня, и она с радостью меня приняла.

Трамваи ходили редко и не везде. Тетя дала мне в помощь свою горничную, верную девушку, и начались наши «хождения по мукам»! Личные мои вещи доставить было легче, так как не страшны были обыски; мы, где могли, садились на трамвай, но путешествий сделали несколько. А когда начали носить продукты, дело пошло хуже. Складывали их в чемодан и, делая вид, что они легкие, шагали сперва от вокзала по железнодорожным путям, так как поезд загнали очень далеко, а затем через весь город. В трамваи садиться боялись и почти всю дорогу шли пешком. Но обе были молоды, и желание сохранить продукты давало нам силы.

Почти все я отдала тете, у которой кормилась, только небольшую часть разделила между остальными своими тетями: они уже так изголодались, что плакали, получая от меня по нескольку яиц, немного муки, сахару. Питались мы с тетей тем, что на нас отпускал Вдовый дом. Ужасная бурда, и очень мало, хлеба малюсенький кусочек, с соломой и совершенно неудобоваримый. Но, благодаря моим продуктам, не голодали.

Я приехала перед Пасхой. Ради праздника всем жителям Петербурга дали по селедке! А я привезла немного творогу, так что у нас был настоящий пасхальный стол.

Как только я поселилась у тети Мани, сразу же решила, что надо ликвидировать квартиру и ехать к родителям в Туапсе. Ни совета, ни разрешения от папы и тети Энни я получить не могла. Уже более полугода я не имела от них вестей и решила все взять на себя: я видела, что революция углубляется, ни о каком

возвращении в Петербург не может быть и речи. Начались обыски, реквизиции или просто грабежи. К тому же летом кончался контракт на квартиру, а возобновлять его и платить было некому. Поэтому я решила раздать на хранение всем родственникам ценные и памятные вещи, остальное продать и деньги отвезти в Туапсе, правильно предполагая, что наши там нуждаются.

У меня работа закипела. Одновременно с ликвидацией квартиры стала узнавать, каким путем можно добраться до Туапсе и как получить право на выезд из Петербурга. Тогда разрешали выезжать только детям и старикам. Мне удалось узнать, что мои инвалиды помещены в Царскосельском лицее, в Пушкинском зале, где устроили госпиталь. Я поехала их навестить. Как грустно и тяжело было входить в наш дорогой Лицей и видеть, во что его превратили!

Мои инвалиды мне очень обрадовались и все наперебой стали рассказывать про свои несчастья. В госпитале их приютили временно, а дальше, по-видимому, ими не собирались заниматься: ни пенсий, ни пособий – никакой помощи. Они были совершенно потеряны. Спрашивали совета, но что я могла им посоветовать?

Я им рассказала про свои хлопоты, и многие из них стали приходить на нашу квартиру на Суворовский и по мере сил помогали мне.

Знаю, что кое-кому удалось уехать в провинцию, что стало с другими – не известно. Беготни и хлопот было много. Я узнала, что армянам и грузинам разрешают ехать на родину и даже дают поезда. Пыталась устроиться с ними, под видом, что я с Кавказа. У меня были знакомые армянские семьи. Сначала я думала, что удастся, но потом отказали, и надо было снова что-то искать. Поезда ушли, но потом я узнала, что их останавливали по дороге, грабили и многих расстреляли.

Неожиданно встретилась со знакомой барышней, нашей дальней соседкой в Туапсе, Верой Безкровной, она тоже стремилась уехать. Хотя мы мало знали друг друга, мы решили действовать совместно и ехать вместе. Наконец мне повезло: я в каком-то военном учреждении получила, как сестра, бумагу о демобилизации (это было очень модно и даже почетно) и разрешение ехать на родину на Кавказ. Вере тоже удалось достать какую-то бумажку. Так что с этим было покончено. Теперь надо было найти способ, как ехать: никто не знал, что делается на юге России, а тем более на Кавказе. Слухи ходили самые невероятные: говорили о каких-то фронтах, боях, о том, что там немцы, австрийцы, турки.

Я обегала почти все посольства, стараясь узнать что-либо более определенное. Но и там никто мне ничего сказать не мог. Тети мои пришли в неопиcуемый ужас и уговаривали не делать этого безумия и никуда не ехать. Но я ни минуты не колебалась и с еще большей энергией бегала и хлопотала. Но при всем желании ни Вера, ни я не могли узнать, что нас ожидает в дороге и каким путем ехать. Все, что нам удалось выяснить, это то, что прямой дороги на юг нет и единственный способ ехать – это по Волге и что до Царицына мы, очевидно, доедем, а дальше, если все будет благополучно, можно поездом, через Тихорецкую, доехать и до Кавказа. Если поезда не ходят, то придется идти степями пешком на Ставрополь и дальше. Или спуститься по Волге до Астрахани, и там два пути: при удаче пароходом по Каспийскому морю к кавказским берегам – Петровск, Баку, если нельзя, то на Красноводск и оттуда искать пароход на Кавказ. Нас ни одна из этих перспектив не испугала: обе любили путешествия и походы, и мы... поехали!

Глава 4

Дорога на Кавказ

Вещей взяли мало, чтобы они не мешали и с таким расчетом, что если придется от Царицына идти пешком, то оставить себе небольшой мешок за спиной, а остальное распродать. Выехала я с деревянным солдатским сундучком, чтобы можно было на нем сидеть. Ехала я в форме, как демобилизованная.

Деньги, вырученные за продажу мебели, зашила в свой красный крест вместо картона и, как полагается, приколола английскими булавками на передник. В общем, везла их на самом видном месте.

На вокзале с боем втиснулись в поезд. Сначала ехали на площадке, конечно, стоя, потом нас новые пассажиры протолкнули дальше. Ехать было ужасно. Стояли придавленные друг к другу. Окна все разбиты, грязь, руготня...

Наконец мы добрались до Казани и там сели на пароход. Предварительно в городе купили себе по две пары лаптей, в помощь нашей обуви, если придется идти пешком; вообще же я ехала в высоких сапогах. Запаслись провизией, купили спиртовку.

На пароходе мы получили каюту, но она, как и все на пароходе, была в самом жалком состоянии: все, что можно было содрать, унести, – все было унесено! В каюте были две жесткие пустые койки и больше ничего. Но мы были счастливы, что так устроились. Питались в каюте, готовя пищу на спиртовке, которая стояла на полу между койками. Народу ехало немного, и почти все пассажиры разместились по каютам.

Но вот на какой-то остановке на пароход ввалились красноармейцы, вооруженные до зубов! Они моментально, самым нахальным образом, угрожая винтовками, выгнали всех пассажиров на палубу и забрались в каюты. Когда они стали стучаться к нам, я, хоть и с большим страхом, открыла дверь, вышла в полной форме и объявила, что я демобилизованная и еду на родину с фронта. Моя бумага с печатями какого-то военного учреждения из Петербурга производила впечатление: нас оставили в покое и относились ко мне с уважением! Так мы доехали до Царицына, где должна была решиться наша дальнейшая судьба.

Сразу же побежали за справками и узнали, что поезда не ходили в течение трех недель, так как пути были перерезаны «бандами Корнилова», что их отогнали и вечером отойдет первый поезд на Тихорецкую. Мы понятия не имели, что такое «банды

Корнилова». Но одно нам было ясно – что мы едем! Сбежали на базар, заваленный продуктами, купили себе еды на дорогу и отправились на вокзал. Там творилось что-то ужасное: за три недели набралось невероятное количество народа. Все это сидело, лежало на полу, в грязи и тесноте, ожидая возможности выехать. Мы сразу же узнали, на каком пути стоит эшелон, и побежали туда. Не знаю почему, но многие из ожидающих туда не пришли – не знали? Не верили или боялись? Так что народу грузилось хоть и много, но без боя!

На нас сразу же обратили внимание два молодых, прилично одетых солдата (тогда это было редкостью) и предложили нам помочь – найти место и нас устроить. Состав состоял из теплушек. Солдаты, которых люди побаивались, с геройским видом заняли нары, достали сена, и мы вчетвером прекрасно устроились. Кто-то еще попал на нары, а остальные сидели на своих вещах или просто на полу.

Оба солдата очень заботились о нас, взяли под свое покровительство, и потому никто не смел нас ни обидеть, ни даже потеснить. Ехали довольно долго, кажется, двое суток. Раза два или три были обыски, и тогда наши солдаты брали у нас и прятали к себе такие вещи, как мое единственное кольцо, наши золотые изделия с крестами и деньги. Красный крест с передника я, конечно, не снимала, и никто и не думал о том, что там вместо картона деньги, и немало! Под нами сидел очень приличный господин средних лет, они взяли у него револьвер и положили в карман.

По дороге мы много с ними разговаривали, и они сказали, что они музыканты и едут на Минеральные Воды, где думают устроиться в оркестр. Тогда мы ничего не знали о том, что делается на юге, и думали, что это так и есть. Видели, что оба солдата не простые, и наивно верили, что они из музыкантов какого-нибудь полка. Только потом я сообразила, что это, вероятно, были два юнкера или молодые офицеры и, очевидно, они пробирались в Добровольческую армию. Приличный господин с револьвером, конечно, был офицер, может быть, они друг друга знали, иначе не могу понять, как произошла история с передачей револьвера. Обыски были строгие, все перерывали, очень грубо и нахально. Мой сундучок, который стоял внизу, тоже хотели открыть, но наши покровители не позволили, сказав, что он демобилизованной сестры. В общем, все обыски, по крайней мере в нашем вагоне, прошли благополучно.

Наши спутники покинули нас раньше Тихорецкой, не помню, как они это объяснили, так как, чтобы добраться до Минеральных Вод, надо было ехать до Тихорецкой. Это впоследствии меня еще

больше убедило, что они искали Корнилова.

В Тихорецкой мы выгрузились, и поезд ушел, не знаю куда – мы остались на пустой станции. Там мы узнали, что никаких поездов на Кавказ нет. Было обидно: мы застряли уже недалеко от цели. Но нам и тут повезло! Совершенно неожиданно появился состав пустых цистерн, идущих в Баку. Никого не спрашивая, мы забрались на тормоз одной из них и покатили. Погода была чудная, весна, запах зелени, красиво и даже весело. Так доехали до Армавира, где нашли пассажирский поезд, который и довез нас до Туапсе. Каким образом я добралась до Москалевки – не помню. Очевидно, нашла попутчика: почтовых лошадей мы не брали.

Глава 5

В родной Москалевке

Дома меня никто не ждал: они ничего обо мне не знали и очень волновались. Теперь вся семья была в сборе. Брат Петя приехал раньше меня с большими трудностями, но более прямой дорогой, после того как был закрыт Морской корпус (против которого был Патриотический институт).

Кроме того, в Москалевке, кроме нашей семьи, жила сестра тети Энни, Нина Романовна Княжецкая с мужем, военным врачом в чине генерала, и их сын Юрий, четырех лет, учительница и привезенные из Петербурга три прислуги. Наша старая кухарка Настасья, поступившая в дом молоденькой девушкой, всегда отказывалась ездить с нами на юг – когда она была молодой, она ездила в глубь Кавказа с семьей дяди и однажды была там так напугана, что не могла этого забыть.

Папа и тетя Энни жили в Москалевке с начала революции; только осенью 1917 года они приехали в Петербург узнать, что там делается и можно ли возвращаться туда на зиму, как всегда. И сразу же увидели, что это рискованно. Они взяли с собой все серебро, драгоценности, меха, ковры, белье. В Москалевке все, кроме драгоценностей и серебра, запрятали на плоскую крышу, которая за время войны стала протекать и была покрыта временной деревянной крышей, очень плохой, без окон и снаружи не имела вида чердака. Единственная маленькая дверь в верхний коридор была заставлена шкафами. Драгоценности и серебро папа довольно неостроумно закопал в винном погребе в железном ящике: он боялся, что, если он будет зарывать в саду или в лесу, его могут увидеть. Вскоре у них стало тревожно: то там, то здесь под видом обысков начались грабежи. Опасно стало в погребе иметь вино, и папа спешно его распродал. Вся округа знала, что у нас делалось вино, и уже стали приходить какие-то личности за ним. Но продали его вовремя: иначе начались бы попойки, а за ними грабежи, поджоги и т. п.

Наши местные крестьяне довольно долго держали себя спокойно, пока не начали прибывать с фронта дезертиры и вести пропаганду.

Глава 6

Опасные визиты

В нашей деревне Небуг за семь верст образовали комитет и председателем выбрали или, вернее, выбрал себя сам совсем молодой Мишка Коваль, который вернулся с фронта, напичканный множеством лозунгов. Связи не только с Петербургом, но ни с каким крупным центром не было. Каждое местечко, каждое селение устанавливало свою власть и издавало свои законы. Так было и с нашей деревней Небуг.

Как только там был образован комитет, он начал действовать. Стали обходить все дачи и имения. Пришли и к нам! В первый раз отобрали маленький револьвер и плуг. Но во второй раз, почувствовав свою безнаказанность и силу, они объявили, что все народное, и потребовали, чтобы вся наша семья освободила дом и имение, что они дадут участок где-нибудь в горах, в лесу и там папа может начинать снова хозяйничать. Держали они себя нахально, но все же с ними кое-как сговорились. Они разрешили остаться в доме за плату, которую папа и внес за месяц вперед. А потом, сообразив, что наше имение им ничего не дает, так как народ там ленивый, привык ничего не делать, а чтобы имение дало доход, то надо работать по-настоящему, они заявили, что они папу уважают, доверяют и оставляют его управляющим и что семья может работать и получать жалованье из доходов, можно держать и рабочих. Это было уже милостиво и всех немного успокоило. Но когда была окончена эта деловая часть, они вспомнили про винный погреб и пошли за вином, но, найдя пустые бочки, они стали рыть землю и нашли ящик с драгоценностями и серебром. Они его принесли на каменную лестницу балкона и с жадностью раскрыли. Глаза их разгорелись, когда они увидели большое количество бумажных денег, находившихся сверху. Мишка Коваль схватил их и начал считать. Все остальные его обступили и смотрели не отрываясь. Бумажек было много, но сумма небольшая, так как это были мелкие ассигнации.

Под деньгами находились драгоценности, завернутые пакетиками в газетную бумагу. Но они их не заметили. Тетя Энни, стоявшая за их спинами, стала вынимать одну вещь за другой и, не двигаясь, передавала их своей сестре, Нине Романовне, та Ане, учительнице, которая их как-то прятала. Таким образом все было спасено. Оставались только мамыны золотые массивные часы с крышкой, купленные за границей, и

потому не имели пробы, кроме того, они были испорчены и не ходили. Тетя Энни подумала, что, если мужики заметили блеск золота в ящике, не найдя ничего другого, они начнут искать и найдут все, поэтому часы им оставила.

Когда деньги были пересчитаны, комитет снова занялся ящиком. Сразу же увидели часы и их схватили, но тетя Энни стала просить их отдать, говоря, что это память покойной матери детей, что часы давно испорчены, не ходят и что они не золотые, другими словами, от них нет никакой пользы и цены они не имеют.

Мишка Коваль и вся компания стали проверять – пробы не нашли, часы не ходили, и они «милостиво» их возвратили. Дальше лежало серебро, которое мужики забрали, сказав, что пошлют на Монетный двор. На самом деле они поделили между собой, конечно. Когда на время Туапсе заняли белые, мы кое-что нашли в деревне. Деньги комитетчики не взяли, так как они объявили, что берут, если их больше девяти тысяч, а было гораздо меньше.

Они все же старались действовать «законно», по закону, написанному ими самими! После этого случая все драгоценности были завернуты в клеенку, положены в большой молочный горшок и зарыты в лесу, за крокетной площадкой, далеко от дома. Нина Романовна своих не дала, решив, что гораздо безопаснее держать их в ночном столике, а когда придут грабители или с обыском, она их в мешочке даст своему маленькому Юрику, которого никто не тронет. А когда пришла шайка настоящих разбойников и всех построили в одной комнате, направив винтовки, – все, что у нее хранилось, было унесено (как это произошло, я расскажу позже).

Впоследствии, когда я приехала еще раз, мы вынули из земли все жемчуга, так как они ночами теряют цвет от сырости, и заделали их в стену кладовки.

Положение делалось все хуже и хуже: в Туапсе начались аресты, людей свозили на баржу в порту, расстреливали и бросали в море.

В Москалевке тоже стало беспокойно: стали появляться какие-то подозрительные личности, искали оружие, деньги и, конечно, вино. Несколько раз требовали папу и хотели его увести. Раз даже пришла группа матросов. В этих случаях выходила тетя Энни, и всякий раз ей удавалось папу спасти. Один раз он лежал в постели, другие разы уходил и прятался далеко в лесу, так как звук автомобилей, на которых приезжали эти «народные представители», был слышен издалека.

Кроме того, в горах появились зеленые. Они иногда выходили

в поисках пропитания и частенько грабили и убивали. Пришли и к нашим!

Вот как этот случай описывает папа в своих записках: «Однажды поздно вечером зеленые пожаловали и к нам! Обеспокоенный садовник, живший по соседству с нашим домом, прибежал сказать, что какие-то люди приехали с гор и требуют меня для переговоров. Я был болен, лежал в постели и не мог выйти. Вместо меня пошла жена, которая всегда, опасаясь, что меня арестуют, старалась скрыть меня при подозрительных посещениях. Выйдя в сад, она увидела оставшуюся нам верной до самого нашего отъезда за границу кухарку Иванову, которая сообщила дрожащим голосом, что прибыло пятнадцать человек солдат с требованием выдать имеющийся, по их сведениям, у нас запас ружей, бомб и пулеметов. В противном случае угрожали взять с собой адмирала. Моя жена, не терявшаяся во все эти тяжелые минуты жизни, объявила, что пойдет сама с ними разговаривать. Была дивная лунная ночь, которые так торжественно хороши у нас на Кавказе. Воздух благоухал отцветающими осенними розами. Во всей этой красоте так чувствовалось величие Бога!

Красота природы всегда особенно влияла на жену, она всегда говорила, что в ней чувствуется существо Бога, и, проникнутая этой верой в Бога, в Его помощь, бодро шла навстречу опасности. Скоро она рассмотрела группу солдат, которые направили на нее ружья и держали их наготове, не зная, кто к ним выйдет. Она сейчас же попросила опустить ружья, сказав, что она безоружная, и спросила, что им угодно. Ответ был: «Выдайте оружие или мы берем с собой адмирала!» У жены навернулись слезы на глазах, она стояла бледная, но не растерялась и сказала пришедшим: «Господа, я вас не понимаю, что спрашиваете? Посмотрите вокруг себя, взгляните на это величие природы: как здесь все красиво, как великолепно! Неужели вы думаете, что мы приехали сюда, чтобы делать какие-то склады оружия и проливать чью-либо кровь? Мой муж уже пятнадцать лет в отставке и не участвовал ни в одной войне. Мы живем здесь, занимаясь мирным трудом – хозяйством и его улучшением, стараемся жить со всеми в мире, восхваляя и ценя то, что Бог нам дал! Почему вы не делаете того же? Бросьте ваши ружья, займитесь вашими семьями и хозяйством, и вы поймете, какое счастье жить в таком дивном крае, как наш Кавказ!» Жена очень волновалась, но, увидев перемену выражений лиц, была счастлива, что они вслушиваются в то, что она им говорит. «Сударыня, – сказал стоящий впереди солдат, – еще никто так с нами не разговаривал, мы перестали верить всем, но вы так говорите, что мы верим, что неправды вы

не сказали нам. Пусть будет по-вашему! Прощайте, спите спокойно!» Уходя, они сказали, что были бы рады не знать ружья, но что их заставляют обстоятельства: большевиков они не признают, участвовать в войне, где идет брат против брата, – не желают, и ушли в горы. Ушли они от нас, не сделав нам никакого зла!!!»

Глава 7

Спасаясь от Красной армии

К весне 1918 года наступило некоторое успокоение. Добровольческая армия начала крепнуть. В Туапсе пришли небольшие воинские части, часто казаки. Приблизительно в это время я и приехала туда.

После тяжелых переживаний зимы в Москалевке жизнь потекла, как прежде: те же хозяйственные заботы, та же красота, воздух, море...

Но это лето Аня и я стали работать по-настоящему. Петя много помогал. Делал это главным образом из-за комитета Небуга, на тот случай, если он снова появится, потребует отчета и будет отбирать доход. Тогда можно будет выписать наши жалованья, как было условлено с комитетом.

Мы взяли на себя все виноградники – всю работу, за исключением цапанья, которое делали рабочие. Мы подвязывали, общипывали и провели все с начала до конца. Петя опрыскивал серой.

Определенных рабочих часов у нас не было, но нужное количество мы вырабатывали. Аня предпочитала вставать раньше и раньше кончать. Я – позже. Все же успевали и купаться, и поиграть в теннис. Работали с удовольствием. Урожай как винограда, так и фруктов предвиделся прекрасный.

В начале августа приехал перс для покупки урожая садов. Из винограда должны были, как всегда, делать вино.

Жили и не предвидели надвигающейся грозы. Работы по имению шли по-прежнему. Ту часть фруктов, которую не продали персу, мы сами собирали, укладывали в ящики и отправляли оптом на базар в Туапсе. Всегда ездил один из рабочих.

17 августа должны были отправить новую партию. Накануне все приготовили и нагрузили на дилижан^[11] сорок пудов фруктов, как это делали всегда. Воз получился громадный. Мы с Аней никогда не вмешивались в папины распоряжения, но в этот день – это было чудо, спасшее всех нас, – мы стали доказывать папе, что надо послать кого-нибудь другого, что этот рабочий продает плохо или удерживает деньги. Папа не соглашался, но мы настаивали. Тогда папа, который никогда не сердился, сказал, что если мы не доверяем рабочему, то можем ехать сами.

Мы согласились, несмотря на то что никогда этим не занимались. Лошадьми правили хорошо, ничего не боялись и решили ехать. Женя (брат) попросил, чтобы пустили и его: ему

было двенадцать лет, и для него это было громадное удовольствие. На нашей даче, на другом участке, жили дядя Коля Москальский и Ваня Кобылий, с женами. Узнав, что мы едем в город, дядя Коля попросил, чтобы взяли и его – он хочет посмотреть, что делается с банком, где он был директором. Папа этому очень обрадовался, так как боялся, как мы, две девицы и мальчик, поедem одни. Выезжали обыкновенно до рассвета и возвращались уже в темноте.

Наше имение находилось между морем и шоссе, которое тянулось от Новороссийска до Туапсе и дальше на Сочи. От шоссе шла прямая и довольно крутая дорога к дому, обсаженная кипарисами. Шоссе извивалось по склонам гор, причем были только спуски и подъемы. С одной стороны дороги были обрывы, часто заросшие колючкой, а иногда и большие кручи, с другой – крутые скаты гор или отвесные стены. Все кругом было покрыто дубовым лесом, где росло множество кустов азалий. Весной запах был одуряющий! В балках, среди зарослей граба, орешника и держидерева, встречались старые одичавшие фруктовые деревья, обвитые лианами и ежевикой.

Всего до Туапсе от Москалевки было двадцать шесть верст, в сторону города до деревни Небуг в семи верстах было несколько имений и дач, и там кое-где была видна культура. Только в два имения постоянно летом приезжали владельцы, и там производились работы, как у нас. Другие же были заброшены; кое-где жили сторожа, а во многих все постепенно разрушалось и покрывалось буйной растительностью.

Сама деревня Небуг находилась в версте выше шоссе, которое по длинному железному мосту переходило на другую сторону долины, по которой зимой во время дождей бешено неслась река и разливалась широко, а летом бежал тихий ручеек; все кругом было покрыто галькой.

Дальше подъем в горы: лес, заросли на протяжении восемнадцати верст до пригорода Туапсе, Паук. Эта часть была совершенно безлюдна, не было ни одного дома, ни одного места, где бы притрагивался человек. Только по обе стороны перевала были два «фонтана», где поили лошадей.

Езды по шоссе почти не было: редко-редко встречались подвода или почтовая пара. Тишина была изумительная! Только трещали цикады и чирикали птицы. За несколько верст была слышна встречная телега, которая громыхала на спусках. Потом тишина, когда она поднималась, и снова грохот, уже громче, когда она опять спускалась. Еще реже проходил автомобиль. Часто, за весь путь в город и обратно, проезжали благополучно, не видя этого «пугала» наших поездок: боялись их очень!

Автомобили на нашей дороге гудели все время, и благодаря тишине и поразительно чистому воздуху слышно его было издалека.

Тогда поднималась страшная тревога: моментально останавливали лошадей, брали их под уздцы и ставили мордами к стене. Кто-нибудь бежал навстречу автомобилю и, стоя посреди дороги, отчаянно махал руками и останавливал его, обязательно со стороны обрыва. В этом случае не существовало ни правой, ни левой стороны. Тогда шарахающихся лошадей осторожно проводили мимо и уезжали. Автомобиль трогался лишь тогда, когда лошади уже отъехали, чтобы не пугать их шумом мотора. Только этой встречи и боялись на нашем дивном и диком шоссе.

За все двадцать шесть верст было только две проселочные дороги, отходившие в горы. Одна – в деревню, а другая в аул. Были кое-где тропинки сокращения на перевалы. Ехали от нас до города обыкновенно четыре часа. Поэтому 17 августа мы, чтобы успеть на базар, выехали в 4 часа утра, еще до рассвета, как это делалось всегда.

Правили по очереди Аня и я, так как помимо опыта и знания шоссе с его крутыми поворотами, нужно было и большое физическое усилие. У нас ездил в гору шагом, а под гору – рысью. Тормозов не имелось. Лошади бежали под гору с тяжелым возом, сдерживая его на ходу, они иногда буквально вылезали из хомутов. Чтобы им помочь – не дать им упасть, надо было их держать на вожжах, накручивая их на руки; особенно трудно было на большом перевале – шесть верст. Перед этим спуском на самом перевале всегда давали лошадям отдохнуть после тяжелого подъема. Обыкновенно люди его проделывали пешком, кое-кто поднимался по сокращению и приходил гораздо раньше лошадей.

Вид на перевале изумительно красив! Бесконечное синее море, с его мысами, и цепи зеленых гор! Ведь у нас не знали, что такое пыль: все чистое, яркое, красочное!

Приехали мы в Туапсе вовремя. Дядя Коля ушел по своим делам и должен был встретиться с нами только в момент отъезда, в 5 часов.

Мы распрягли лошадей, поставили их на постоянный двор и начали торговать. Продавали оптом, выкриками! Когда успешно все продали, пошли исполнять поручения – покупать продукты и т. д.

Пообедали и около 3 часов решили побродить по городу до 5 часов, когда полагалось ехать обратно.

К этому времени лошади уже отдохнули, жара спадает и хорошо ехать. На главной улице мы зашли в лавку, где продавалась местная газета. Там увидели довольно много

зволнованных людей, обсуждавших события. Прислушавшись, мы узнали, что добровольцы заняли Новороссийск и что вся Красная армия, находившаяся там в количестве семи тысяч человек, отступает по единственному свободному пути – нашему шоссе на Туапсе, сметая все на своей дороге. Нам сразу стало ясно, какой страшной опасности подвергаются все наши в Москалевке, и особенно папа, Петя и Ник. Ник. Княжецкий: два генерала и кадет. Они ни о чем не могли знать, мирно поджидая нас, и готовились на другой день праздновать Анино рождение.

На наши вопросы, где сейчас большевики, далеко ли, – никто не мог ответить. Не теряя ни минуты, ни о чем не думая, как только успеть спасти своих, мы понеслись запрягать лошадей. Женю послали искать дядю Колю, который еще ничего не знал. Слава Богу, Женя его скоро нашел и привел на постоялый двор. Мы уже собирались уезжать, как нам кто-то сказал, что ввиду опасности комендант города запретил кому бы то ни было выезжать в нашем направлении и что нас не выпустят. Мы карьером понеслись к коменданту. Аня, как более бойкая и настойчивая, пулей влетела к коменданту. Что она ему говорила, как настояла, не знаю, но очень скоро выбежала обратно, имея пропуск в руках. Комендант вышел за ней на крыльцо и смотрел вслед нашему несущемуся дилижану, который громыхал своими железными ободами по камням.

Первую версту мы прокатали быстро, но вот начался бесконечно долгий подъем на большой перевал. Лошади пошли медленным шагом. Хоть мы и очень волновались и знали, что каждая минута дорога, мы не потеряли головы и берегли лошадей: ведь они не достояли своего отдыха, выехали мы еще в жару, и на перевале пекло вовсю. Если бы мы их погнали, то вообще могли бы не доехать. К тому же мы не забывали, что если успеем доехать, то на тех же лошадях, не дав им передохнуть, надо сделать снова этот же путь обратно, имея груз всей нашей большой семьи и сзади угрозу идущих по пятам большевиков.

В этот день мы надели наши любимые русские костюмы – вышитые рубашки, передники, бусы... Женя тоже в вышитой рубашке. Сидя на сене на дне дилижана, мы стали, насколько возможно, упрощать наш вид. Бусы, передники, шелковый Женин пояс – зарыли в сено. Платки на голове завязали «по-бабьи», рубашки вытянули поверх юбок.

Все равно никто бы нас за баб не принял, но все же в таком виде мы меньше бросались в глаза. При виде наших переодеваний дядя Коля, который всегда был нервный и экзальтированный, страшно заволновался, стал срывать с себя воротничок, галстук, запонки и бросать в заросли около дороги. Кончилось тем, что он

схватил свои золотые часы и приготовился и их швырнуть за борт. Мы вовремя их схватили и сунули тоже в сено. Дядя Коля пришел в полное исступление, начал кричать, готов был сорвать с себя все! Мы пытались его успокоить, говоря, что никакие переодевания не помогут, если мы столкнемся с красными. Но он не унимался и стал с нами спорить, выкрикивая: «Вам хорошо, вы переоделись бабами, а меня расстреляют; всякий узнает, что я директор банка!» Наконец он затих и сидел как убитый. Но не долго. Он вдруг заметил, что мы едем шагом. Возмутился страшно и стал требовать, чтобы мы гнали лошадей. Никакие наши объяснения до него не доходили. Он дошел до того, что стал кричать, что мы едем нарочно медленно, чтобы погибла его жена! Наши слова, что мы не меньше его волнуемся, что папе и тете грозит гораздо большая опасность, чем Елизавете Ивановне, что мы торопимся за ними, – не имели никакого действия. Он все больше и больше волновался и имел вид безумного. Пытался даже вырвать у нас вожжи. Когда это ему не удалось, он выскочил из дилижана и бегом понесся вперед. Мы продолжали медленно подниматься и вдруг за одним из поворотов увидели сидящего на камне дядю Колю. Он едва дышал, пот градом катился по его красному, распухшему лицу. Когда мы с ним поравнялись, он медленно взобрался к нам, и долго его не было слышно.

Так добрались мы до перевала, где увидели заставу. Навстречу нам вышел офицер и заявил, что дальше ехать нельзя. Мы показали пропуск. Но он нам стал объяснять, что за это время положение настолько ухудшилось, что, как только вернется высланный им разъезд, он со всей своей частью отойдет до Туапсе. О нашем проезде ему звонил по полевому телефону комендант, и они решили, что ехать нам дальше невозможно!

Мы выскочили из дилижана и стали объяснять, почему мы обязательно должны ехать, и как можно скорее. Главным образом напирали на папу и Петю. Дядя Коля бросился нас перебивать, говоря о своей жене. Он так мешал, что мог испортить все дело. Мы в горячке разговора как-то его осадили, возможно не очень вежливо, и он умолк.

Офицер начал входить в наше положение и нам объяснять, что за разъездом идут большевики, на каком расстоянии, неизвестно, но что им больше ничто не преграждает путь до самого Туапсе. Видя, что мы, несмотря ни на что, хотим ехать дальше, он стал расспрашивать, хорошо ли мы знаем дорогу и, главное, окружающую местность, где мы могли бы спрятаться, и сможем ли мы пробраться без дорог.

Местность мы знали прекрасно, недаром с самого детства нашим любимым занятием было лазать по горам, кручам без

каких бы то ни было тропинок, и открывать новые места, давать названия горам и балкам. Мы это все объяснили офицеру, и тогда он нас пропустил, сказав, что до встречи с разъездом мы можем ехать спокойно, но потом все время должны прислушиваться и при первом подозрительном звуке бросить лошадей и уходить в лес. Мы вскочили на дилижан и тронулись. Вся застава вышла на нас смотреть. Офицер сказал: «С Богом!» – и издал нас благословил.

Мы быстро скатились с перевала и вскоре, приблизительно на полдороге от дома, встретили разъезд. Они нас остановили и, получив объяснение, пропустили, но сказали, что нам нужно быть очень осторожными. Где большевики, они не знали. Версты за три до деревни Небуг мы встретили две повозки, на которых бежала семья Еремеевых. Их имение на четыре версты от нас ближе к городу. Их кто-то успел предупредить. Мы им передали Женю, наши покупки, деньги и лишние вещи.

Таким образом, за Женю мы были спокойны, и стало одним человеком меньше на обратный путь. Еремеев сказал, что большевики где-то близко и возможно, что уже в Москалевке.

После этой встречи мы быстро скатились до широкой долины Небуга, подъехали к мосту, видному со всех сторон, и остановились, чтобы обсудить положение. Дядя Коля, поездке в город которого папа радовался, думая, что в случае нужды он нам поможет, ни слова не говоря, выскочил из дилижана и быстро скрылся. Уже наступили сумерки. Мы с Аней остались одни! До дома, переехав мост, оставалось семь верст. На каждом шагу мы могли наткнуться на красных, а если бы и доехали до ворот, то не знали бы, что делается в доме и можно ли спускаться.

Ехать все это расстояние надо было шагом, чтобы все время прислушиваться, и на это уйдет много времени. Совещались недолго: решили, что Аня, как более ловкая, поедет одна, будет ехать медленно, все время прислушиваясь, и при малейшем подозрительном звуке бросится в заросли. Я же, как более сильная и выносливая, побегу пешком по берегу моря и тропинкам и буду дома гораздо раньше Ани. Если все благополучно, я выведу всех на шоссе, навстречу Ане, если нет, то я успею ее предупредить.

Я выскочила из дилижана и побежала наискосок, по гальке через долину, перебралась через ручей, добралась до моря. И дальше бежала уже по скалистому берегу. Тропинки никакой не было. Пока еще не совсем стемнело, было нетрудно бежать, огибая скалы и прыгая по камням. Но ночь у нас наступает быстро, и стало темно. Мне помогало то, что солнце зашло за мыс впереди меня, небо было еще светлое, и на фоне его выделялись

очертания скал. Вдруг я увидела силуэт бегущего навстречу человека и сразу же присела под скалу. Но человек этот, увидя меня, сделал то же самое. В первый момент я подумала, что это большевик, но сразу же сообразила, что большевику, да еще одному, незачем бежать по пустынному берегу моря. Я вскочила и понеслась дальше. В этот же момент поднялся и неизвестный и побежал мне навстречу. Мы бежали, не останавливаясь, и только, когда я пробежала мимо него, он крикнул: «Вы одна из барышень Варнек? Я – Грязнов (полковник Грязнов, имение которого верст шесть дальше нашего)! У нас в имении грабят большевики! Торопитесь предупредить ваших. Может быть, еще успеете!»

Морем я бежала до балки Глубокой. Там свернула на тропинку, поднялась вдоль балки и, то поднимаясь вверх, то спускаясь в новую балку и опять наверх, добралась до нашей границы, перелезла через забор из колючей проволоки и садами добежала до фермы.

Там я остановилась, но не от усталости: я ее не чувствовала, но стало жутко. Я вглядывалась в темноту и прислушивалась. Но на ферме была полная тишина и, очевидно, все уже спали. Я осторожно ее обогнула, пробежала по дороге до дома и там остановилась. Тишина была полная, оба окна в кухне открыты и освещены. Я подползла к одному из них и заглянула.

Картина мне представилась самая мирная. Кухарка что-то жарила у плиты, горничная шла с блюдом. Тогда я вошла в кухню. Узнав, что все на балконе, начинают ужинать, я сказала горничной незаметно позвать тетю Энни в кухню, не говоря, что я там, чтобы не испугать папу. Как только тетя Энни пришла, я взволнованно и быстро сказала, в чем дело и что надо немедленно уходить, осторожно предупредив папу. Все было так неожиданно, что тетя Энни не могла мне поверить. Правда, до моего появления приходил какой-то человек и сказал, что идут большевики, но они не придали этому значения. А мой дикий вид после пробега из Небуга не внушал ей доверия.

Она стала мне говорить, что я слишком увлекаюсь слухами, что не может быть никакой немедленной опасности. Ехать ночью всей семьей – безумие, и что мы можем подождать до утра и все хорошо разузнать. Я страшно возбужденно доказывала свое и спорила. Наконец тетя Энни уступила, но, как она потом говорила, сделала это только потому, что видела мое состояние и боялась взрыва с моей стороны.

Тетя Энни пошла осторожно предупредить папу и остальных. Тогда показалась я и сказала папе, Пете и Николаю Николаевичу Княжецкому, чтобы они немедленно уходили из дома и спрятались в лесу около других наших ворот, на шоссе, за версту

ближе к городу. Они должны были там сидеть и ждать, чтобы мы, проезжая обратно, их взяли. Они сразу же ушли через сад.

Я поднялась в свою комнату, схватила плед (который еще и сейчас существует) и завязала в него по смене белья Ане, мне и мальчикам, кое-какие фотографии, думки^[12]. Затем спустилась вниз, хотела взять еще кое-какую посуду, ложки и т. д., но тетя Энни, которая все еще не верила в опасность, сказала все оставить, говоря, что я делаю беспорядок и что все равно завтра мы вернемся.

Тогда я в кухне схватила большой мешок и стала, к ужасу кухарки, упикивать в него все, что попадалось под руку: летели туда кочны капусты, какие-то консервы, хлеб, зарезанная на завтра индейка и Анин крендель. Тетя Энни с собой ничего не взяла.

Скоро услышали звук дилижана и появилась Аня. Она сразу же повернула лошадей, чтобы ехать обратно.

В последнюю минуту мы вспомнили про жемчуг в кладовке и с Аней побежали, вынули его, заложили себе в прически, повязав головы крепко платками. Тетя Энни была этим очень недовольна, говоря, что в кладовой он в сохранности, а в дороге ночью мы можем все потерять, а если нападут разбойники, то его у нас отнимут.

До шоссе мы все шли пешком и в этот момент думали только о том, как мы все поместимся в дилижане и довезут ли лошади. Ведь нас было шестеро взрослых, пятнадцатилетний Петя и маленький Юрик. Но нам повезло: у ворот мы столкнулись с персом, который арендовал наши сады. Он возвращался в Туапсе к себе домой на маленькой тележке в одну лошадь и предложил кого-нибудь подвезти. Кажется, семья Княжецких села к нему. Подъехав по шоссе к другим воротам, мы забрали наших мужчин и пустились в путь.

Ехали очень медленно. Когда стали приближаться к Небугу, мы очень испугались, что если в деревне уже знают о приближении большевиков, то Мишка Коваль со своим комитетом смогут нас задержать у моста и не пропустят дальше. Опасения оказались напрасными: все было спокойно – в деревне, очевидно, спали и ничего не знали.

У самого моста мы, к большому нашему удивлению, увидели матроса, который нас окликнул и сказал, что на берегу, в бухте, стоит моторный катер: его комендант города прислал за папой! Как мы все обрадовались! Матрос сказал, что катер большой и может взять и всех остальных. С папой пошли Петя и семья Княжецких. Мы с Аней остались с лошадьми, чтобы их довести до Туапсе. Тетя Энни тоже поехала с нами, так как она не переносит

моря.

Теперь ехать было уже легче, и за мостом, казалось, не так опасно. Перс уехал вперед, пригласив всех нас остановиться у него. Мы медленно поползли дальше. На всех подъемах Аня и я шли пешком. Перед большим перевалом – в долине – мы с Аней решили остановиться и покормить лошадей.

Свернули в долину и поставили дилижан так, чтобы его не было видно с дороги. Дали лошадям сена из телеги, а сами прилегли в траве. Мы сообразили, что большевики, наверное, где-нибудь заночевали и до рассвета не двинутся дальше. Но все же все время прислушивались. Как только начало светать, мы тронулись снова и прибыли благополучно в Туапсе после 6 часов утра.

При въезде в город нас встретил Женя и сказал, что все остальные у перса и нас ждут. Приняли хозяева нас очень гостеприимно, старались как можно лучше устроить и накормить. Мы дали хозяйке наши индейки, она их зажарила, достали Анин крендель.

В это время в Туапсе пришли части грузинской армии. Папа пошел в штаб узнать о положении. Там его успокоили, сказав, что несколько частей уже пошли на перевал и большевиков до Туапсе не допустят. К вечеру стала слышна отдаленная стрельба. Мы переночевали у перса. На другой день папа снова ходил в штаб, и ему повторили, что бояться нечего и что перевала не сдадут. Но днем стрельба приблизилась, а к вечеру уже разорвалось несколько шрапнелей около самого города.

Дом перса был на окраине и на горе, и поэтому мы решили перебраться в самый город. В этот день из Туапсе на Сочи пошел пароход. И многие, в том числе и дядя Коля, успевший вывезти своих, уезжали на нем.

В городе мы встретили кого-то из многочисленных Черепенниковых, который сказал, что все они спаслись: старшие приехали лошадьми, а молодежь пришла пешком. От них до города было больше сорока верст.

Все они уезжали пароходом и предложили нам свой дилижан и верховую лошадь. Теперь мы были богаты перевозочными средствами и предложили генералу Безкровному и его сыну присоединиться к нам. Их усадьба была около Черепенниковых, и они выбежали из нее без ничего, когда в ней уже хозяйничали большевики. Молодой Безкровный – симпатичный молодой человек, тихий, но совсем не развитой – это был ребенок. Отец должен был все время за ним следить и не отпускал от себя.

Мы перебрались в город, в помещение, оставленное Черепенниковыми. Это был пустой домик. Папа снова пошел в

штаб. Начало уже смеркаться, когда он вернулся, совсем успокоенный. Ему сказали, чтобы он не волновался, что дела идут хорошо, и если будет что-либо новое, ему сейчас же сообщат. Но мне вид города не нравился: шли обозы, скакали верховые, ехали беженцы.

Я уже четыре года находилась почти все время на фронте, и то, что я сейчас видела, было отступление! Папа, как человек чести и долга, не мог поверить, что грузинский генерал его обманул, и со мной не соглашался, тогда я и кто-то еще предложили сбегать в штаб.

Когда мы туда пришли, то увидели темную пустую гостиницу. Генерал и его штаб – убежали!

Надо было немедленно уезжать на Сочи. Грузины ушли все. Оставались русские части, казаки, артиллерия; была ли пехота – не знаю! Вообще, точно, кажется, никто не знал, какие и откуда пришли войска. Во всяком случае, их было очень мало. Итак, мы снова пустились в путь. Правил на обоих дилижанах Аня и я. Верхом, кажется, ехал Петя. Столпотворение в городе было невероятное: каждый старался выбраться скорее. Обгоняли друг друга, телеги цеплялись, люди кричали, размахивали кнутами... Мы обе действовали не менее энергично, удачно лавировали, не отставая одна от другой, и наконец пробрались к выходу из города.

Наши два дилижана привлекали внимание окружающих, и слышались насмешливые, но добродушные возгласы: «Ишь, девок за кучеров посадили и едут!» Но «девки» не осрамились и благополучно выбрались на шоссе. Там ехать было уже легче. Мы остановились в восьми верстах от города в имении барона Штейнгеля. Была уже ночь, и мы решили там дожждаться утра и, в зависимости от обстановки, действовать дальше. Лошадей отпрягли, но не снимали сбруи и привязали их к дилижанам, в которых примостились сами – кто как мог. Но перед самым рассветом проскакал мимо казак и сказал, что надо уходить, так как большевики входят в город, что большая часть войск уехала поездами, а по шоссе отходят артиллерия и казаки, но их очень мало.

Мы сейчас же двинулись дальше. На сорок восьмой версте остановились в имении Пестржецких, друзей тети Энни. Их самих там не было, но кто-то из служащих впустил нас в дом, и мы решили там остановиться: там мы могли и питаться, и было все необходимое для лошадей. Хорошо переночевали, но на другое утро мимо нас стала проходить отступающая артиллерия, и офицеры подтвердили, что Туапсе занят и что оставаться нам очень опасно. Ничего не оставалось делать, как ехать снова.

Через десять верст доехали до большого селения Лазаревка, где остановились наши русские части. Грузины благополучно укатили дальше.

Нам посоветовали не оставаться в Лазаревке, так как туда выходит с гор проселочная дорога и есть опасность, что на ней могут показаться большевики. Так что мы проехали еще пятнадцать верст и остановились в большом недостроенном доме – он стоял на поляне, окруженной лесом, и через нее бежал ручеек. Так что вода, дрова и корм для лошадей были под рукой. Когда мы приехали, дом был пустой, но потом там поселилось большое армянское семейство.

Мы заняли две большие комнаты, принесли сена и расположились. Лошадей стреножили и пустили пастись. Каждый из нас был назначен на определенную работу: обе дамы вели хозяйство, готовили на костре и смотрели за маленьким Юриком, генерал Безкровный с сыном доставляли дрова, папа и Николай Николаевич Княжецкий ходили к местным жителям в поисках продуктов, мы четверо караулили лошадей: ночью по очереди Аня, Петя и я, а днем Женя. Следили, чтобы лошади не ушли далеко и чтобы их не увели. Сидишь ночью на крылечке и слушаешь, как они едят или перескакивают стреноженными ногами; если покажется, что они удаляются, идешь проверить и подогнать поближе. Петя днем из консервных банок мастерил посуду. Все по очереди ходили к ручейку, раздевались, стирали свое белье и, высушив его, одевались. С продуктами было труднее всего. Денег у нас почти не было, у местного населения продуктов было очень мало, особенно не хватало хлеба, был только кукурузный. Все же папа никогда не возвращался с пустыми руками. Многие давали даром что могли, и мы кое-как питались. Изредка кто-нибудь ездил в Лазаревку узнать о положении.

Так мы прожили около двух недель. Наконец нам сообщили, что большевики, разграбив Туапсе, ушли по направлению на Майкоп и Армавир с целью пробиться к своим главным силам. Мы поехали обратно!

Глава 8

Возвращение в Москалевку. Жизнь сначала

В Лазаревке нам повезло: нас взял воинский поезд, погрузив и повозки, и лошадей. Таким образом мы без усталости и быстро доехали до Туапсе.

Город был разграблен и страшно загрязнен! Мы зашли в банк дяди Коли: двери настежь открыты, все перевернуто, все бумаги разорваны на мелкие куски, брошены на пол, и их слой доходил нам выше колен. Переночевав в городе, мы с волнением поехали домой. Что там нас ожидало? Мы ни от кого узнать не могли.

Шоссе, после прохода целой армии с многочисленными обозами и беженцами, сильно пострадало: щебенка была выбита проходом такого множества телег и лошадей. Грязь ужасная. За перевалом стали встречаться разломанные телеги и убитые лошади. В двух местах были небольшие воронки от снарядов. Ашейский мост был сожжен, и нам пришлось пробираться по долине и искать место, чтобы перебраться на другую сторону. Небуговский мост уцелел. После него мы стали приближаться к жилым местам. Мы никого по пути не встретили и ничего не знали, что у нас делается. Но на шоссе начали появляться все больше и больше разные обломки мебели, разорванные книги, тряпки и т. д. Чем дальше мы ехали, тем больше видели следы разорений и грабежей. Мы ясно понимали, что нас дома ждет что-то ужасное!

Недалеко от Москалевки все шоссе было усыпано разломанными рамами из ульев. Значит, пчельник был уничтожен. Очевидно, кто мог, вытаскивал из ульев соты и ел по дороге. Где-то в кустах блеснула медная ступка.

Уже въезжая в ворота, мы увидели, что у нас побывало множество народа и лошадей. Весь лес был вытоптан, загрязнен, и везде виднелись остатки костров, где еще торчали недогоревшие ножки стульев и столов.

Дилижансы слышали наши служащие и вышли нас встретить. Они не позволили нам ехать прямо в дом и попросили свернуть на ферму. Нам объяснили, что в доме полный разгром и что жить там нельзя!

Ферму же не тронули, и наши служащие предложили пока остановиться у них, что мы и сделали. Пришли туда и учительница, и прислуга, которые оставались жить в доме. Они много пережили, но в конце концов их не тронули.

Вещи свои они сохранили и припрятали к себе кое-что из

нашей посуды. Вот что все они нам рассказали.

Большевики пришли к нам с рассветом 18-го, то есть рано утром после нашего бегства: задержала их темнота, и они заночевали в нескольких верстах от нас, что нас и спасло и дало возможность убежать. Первое, что они спросили, это: «Где генерал и его семья?» Не найдя нас, они схватили нашего старого рабочего Фурсова и расстреляли на глазах его жены и дочери, обвинив в том, что он нас предупредил. Он в этот день по своим делам поехал за сорок верст в деревню Тангинку и там неожиданно наткнулся на большевиков. Поняв, какая опасность нам угрожает, он тропинками побежал обратно, чтобы нас предупредить, и опередил большевиков часа на два, но, когда пришел в Москалевку, нас уже не было.

У него было много врагов, так как знали кругом о его отрицательном отношении к большевикам. Возможно, что кто-нибудь, кто видел его в Тангинке, придя к нам, его узнал, и этого было достаточно, чтобы его расстрелять. Похоронили его во фруктовом саду. Но на этом расстреле убийцы не успокоились: они вытащили из карманов фотографию какого-то незнакомого генерала и хотели прикончить кухарку, говоря, что она генеральская мать и похожа на фотографии. С большим трудом удалось доказать, что она прислуга, то же самое было и с ее дочерьми – горничными, которых обвиняли, что они генеральские дочки. Но их тоже спасли.

Наше имение очень понравилось штабу, который там и устроился. Большой, благоустроенный дом, полная чаша всего: бассейн с питьевой водой, сад, огород, сено, дрова и вся живность. Кроме штаба, по всему имению останавливались проходившие части, обозы, беженцы...

Штаб простоял у нас несколько дней. Когда все свиньи, птица были съедены, на огороде не оставили ничего, он двинулся вперед!

В доме тогда было еще относительно все цело. Но после ухода штаба через дом прошли многие сотни людей. Каждый забирал с собой что только мог. Дрова кончились, рубить новые было лень, и стали жечь на кострах мебель.

Петербургские сундуки на плоской крыше стояли благополучно почти до самого конца, и, только когда появились обозы с беженцами и бабы бросились грабить, они разбили временную крышу веранды и нашли все. Пошла вакханалия! Через крышу вытаскивали ковры, белье, меха. Начались драки!.. И большая часть вещей тут же раздиралась на части: рвали дорогие меховые манти, скатерти, ковры...

Потом в лесу мы находили куски материй и меха. Когда уже

нечего было грабить, стали разбивать все, что не могли унести. Нашим служащим удалось спасти одну корову и пару свиней, сказав, что это их собственные. На винограднике не осталось ни одной ягодки. В садах все же осталось кое-что. Главным образом груши и яблоки зимних сортов, которые в августе были совершенно зеленые, но на нижних ветках и они были сорваны. Огород и бахча имели самый жалкий вид, все потоптано, поломано и уничтожено!

Узнали мы и о судьбе тех помещиков, которые не успели убежать. Ближайшие наши соседи, профессор Филиппов с женой, бежали, а сыновья, юноши, ушли в горы, в лес и прожили там все это время. По ночам они спускались к себе на огород и в сад за пищей. Но все остальные, не уехавшие, были расстреляны – военный врач Протасов, Кравченко, Марков и Яковлев – старик из разбогатевших крестьян. Он жил безвыездно в своей усадьбе, семьи у него не было. Большевики нашли, что он похож на какого-то генерала, и на всякий случай его расстреляли. Даниловы в это время не жили у себя в имении. Их чудный дом с колоннами был разграблен, а затем сожжен до основания.

Мы переночевали на ферме, где наши служащие постарались устроить нас как можно лучше. А на другой день мы пошли в дом. Картина представилась нам ужасная: окна все были выбиты, зеркала разбиты вдребезги, мебель, которую не сожгли, была порублена пашками, все обивки, занавески сорваны. В кабинете все книги, журналы, документы, фотографии были разорваны на мелкие клочки, и ворох разорванной бумаги толстым слоем покрывал пол.

Рвали книги в поисках денег. У пианино были отрублены все молоточки, и оно было набито тухлыми помидорами. На стенах всевозможные безобразные надписи и рисунки, в углах комнат... уборные!

Трудно себе представить картину, которую мы увидели! Вокруг дома все было вытоптано и... поломано!!!

В кладовке стены были все исковерканы, и, если бы мы не взяли вещей с жемчугом, – все бы пропало! Небольшое количество денег, которые папа зарыл за беседкой, исчезло – большевики копали вокруг дома в поисках клада и, конечно, наткнулись на эти деньги. Но драгоценности, которые были зарыты далеко в лесу, остались целы.

Положение наше было отчаянное, но выбора не было. Хотя все было разорено, урожаи почти полностью пропали, мы остались почти без денег и вообще без ничего, единственная возможность как-то прожить была – оставаться у себя, приводить все в порядок и начинать *все сначала*.

Здесь, по крайней мере, была крыша над головой и мы были у себя. Мы сразу же начали очищать дом. Перебрали все разорванные бумаги и книги в поисках документов и фотографий, кое-что находили, подбирали и склеивали, несколько кусков фотографий нашли в помойной яме. Из запасных стекол починили окна, а другие забили досками. Удалось починить кое-что из мебели, кровати, матрасы. Все надо было как следует вычистить, вымыть. Это заняло дней пять, и мы перебрались к себе. Кухарке удалось припрятать кое-что из посуды, а некоторые служащие получили в подарок от большевиков кое-какие наши вещи, которые они нам вернули. Все это была капля в море, но позволяло нам как-то обернуться.

Мы стали ходить по имению и искать брошенные и потерянные грабителями вещи. Так, я нашла свой кожаный несесер, в котором остались некоторые предметы – мыльница, щетка... Нашли два куска от папиного бобрового воротника его николаевской шинели, из которых мы с Аней смастерили себе шапки. В общем, все, что находили, чистили, мыли и приспособливали к употреблению. Несколько вещей нам вернули крестьяне из Небуга, сказав, что это им подарили. Может быть, это и так, а может быть, и сами грабили.

Комендант Туапсе прислал нам большой кусок суровой бязи с красными полосками – из нее было сшито каждому из членов семьи по одной вещи: я получила платье, тетя Энни – блузу и т. д.

Труднее всего было с питанием. Особенно трудно с хлебом, так как муку можно было достать с большим трудом, и все меньше и меньше, – наше побережье своей муки не имело, а все запасы были увезены большевиками. Не было ни мыла, ни сала. Подвоза же не было никакого. Железная дорога была перерезана, там шли бои, а пароходы не ходили.

Во всей губернии начинался голод. Наше положение становилось безвыходным: денег почти не оставалось. Правда, предвиделась продажа оставшихся недозрелых фруктов, но этого, конечно, было недостаточно, да и надо было ждать, пока они поспеют к сбору. Других доходов не было никаких, а жило нас, кроме нашей семьи и семьи Княжецких, еще учительница и три прислуги: всех надо было накормить, одеть и снова налаживать хозяйство. Кроме того, надо было Пете учиться дальше. Женя еще был маленький и проходил все с учительницей. Все, конечно, волновались, но ничего придумать не могли: ведь мы были отрезаны от всего мира.

Но вдруг один раз утром мы слышали на шоссе несмолкаемый грохот телег и сейчас же пошли посмотреть, что там происходит.

Перед нами по всему шоссе тянулась вереница пустых подвод, едущих по направлению к Новороссийску. После расспросов оказалось, что крестьяне, да и все, кто имел лошадей, решили ехать за мукой в Кубанскую область.

У папы сейчас же созрел план, и мы решили сделать то же самое и одновременно узнать о положении и попытаться как-нибудь наладить и нашу судьбу.

Часть третья

В Добровольческой армии

Глава 1

Переезд в Екатеринодар

Приняв решение послать подводу на Кубань, папа предложил нашему соседу, профессору Филиппову, сделать это совместно. Они сейчас же сговорились и решили, что ехать надо до самого Екатеринодара, чтобы, помимо муки, которую можно было достать в станицах ближе, можно было бы все узнать о положении и устроить кой-какие дела.

Каждый из них дал по одной лошади; дилижан, как более прочный, взяли наш. Профессор Филиппов послал своего второго сына, гардемарина, а папа – нашего рабочего, Николая Коростылева, зятя расстрелянного Фурсова. Кроме того, с ними командировали меня, для устройства Пети в какое-нибудь учебное заведение и чтобы узнать, можем ли мы с Аней найти там какую-нибудь работу. Ане очень хотелось ехать с нами, но ее не пустили, желая как можно больше привезти муки.

Мы знали, что в Екатеринодаре живет тетя Катя Эккерт с тремя дочерьми, которые приехали туда из-за голода и беспорядков в Петербурге. Они жили в квартире у Вани Кобылина, так что я могла остановиться у них. Сборы были недолгие, и мы пустились в путь.

Считалось, что до Екатеринодара сто сорок верст, но никто их не мерил. Крестьянские телеги, не переставая, тянулись по шоссе, и мы влились в общее течение. Сначала ехали по шоссе в сторону Новороссийска, затем оставили его и повернули в горы по другому шоссе, которое шло до Архипо-Осиповки. Сколько верст, не помню, но, выехав утром, мы вечером были там. Переночевали хорошо у сестры Николая, которая была замужем за учителем.

Рано утром на другой день двинулись дальше в горы. Шоссе уже кончилось – сначала была приличная проселочная дорога, но, как только мы удалились от Архипо-Осиповки и начали подниматься по лесу, на перевале ее уже дорогой нельзя было назвать: страшно крутая, такая узкая, что разъехаться две телеги могли лишь только в редких местах. Вся в ямах, корнях деревьев и колеях. Мы поднимались порожняком и поэтому особого труда не было. Но когда поднялись на перевал, то услышали крики, понукания, ругань мужиков и скрип телег: это нам навстречу поднималась партия с мукой. Мы и все телеги, которые были с нами, остались ждать наверху, чтобы пропустить встречных.

Сколько стоило трудов, чтобы поднять воз с мукой! Многие

мужики соединялись вместе, оставляли одну телегу внизу и на двух парах лошадей поднимали каждую телегу. Другие сгружали внизу половину муки и, подняв одну, возвращались за другой. Все время была опасность, что телега перевернется на пнях и ямах, тем более что тот склон был сырой и по дороге были колдобины с водой.

Когда мы пропустили партию встречных, мы спустились в долину, где ехать было лучше, но несколько раз надо было переезжать речки вброд.

К вечеру доехали до деревни в глубокой долине, окруженной горами. Меня поразила яркая зелень и сочная большая трава: у нас в сентябре все уже давно выжжено солнцем. Ночевать остановились на краю большой поляны под высокими деревьями. Лошадей пустили пастись, я устроилась на дилижане, а Николай и Андрюша под ним: они должны были по очереди слушать лошадей, но оба спали мертвецким сном. Я спала тоже хорошо, но все же раза два их будила и посылала их за лошадьми. К утру я заснула крепко, и разбудил меня, как мне показалось, дождь: все было мокрое, и на меня капали крупные капли, но оказалось, что это страшный туман. Когда он рассеялся, была чудная погода – нам сказали местные жители, что у них так всегда. В этот день мы перебрались через второй перевал, такой же трудный, как и первый.

После него стало ехать все легче и легче: сначала пошли перелески и речки, которые переезжали вброд, а затем Кубанская степь. Вечером мы были в станице Ново-Димитриевской, где и заночевали. Казаки рассказывали, что недавно у них хозяйничали большевики.

На другое утро мы поехали дальше и скоро уже были в Екатеринодаре. Остановились прямо на базаре, заваленном продуктами. Я там оставила Андрюшу и Николая, которые должны были все закупить, а сама пошла к Ване Кобылину и тете Кате. Встретили меня все очень радостно и предложили остановиться у них, пока я не закончу все свои дела. Очень скоро после моего прихода прибежал какой-то человек с запиской от Андрюши Филиппова, где он сообщил, что он арестован и умоляет его спасти, указав, куда обратиться. Тетя Катя и я сейчас же пошли, взяв свои бумаги. У меня был папин послужной список, уцелевший от разгрома: он был со мной – для определения Пети в гимназию.

Когда мы показали бумаги, с нами стали разговаривать: оказалось, что Андрюшу арестовали, приняв его за матроса, так как он бродил по базару в бушлате и белых затасканных брюках. Как матроса, его собирались расстрелять: ведь матросы были

самые ярые и жестокие большевики, а в это время долго не разговаривали!

Никто Андрюше не верил, даже когда он говорил, что приехал записаться в Добровольческую армию.

Мы с тетей Катей за него поручились, рассказали все наше дело, и Андрюшу отпустили.

Провели мы в Екатеринодаре два или три дня. Петю я устроила в гимназию. Ваня Кобылий и тетя Катя согласились дать нам одну комнату, чтобы Аня, Петя и я могли переехать в Екатеринодар.

Обратный наш путь был довольно тяжелый: мы взяли сорок пудов муки, много сала и мыла. По Кубанской области проехали без происшествий. Затруднения начались перед горами, где надо было вброд переходить речки. Один раз река была довольно глубокая, и пришлось часть мешков сгрузить и, перевезя первую, вернуться за второй. Другая река была страшно быстрая и довольно широкая. Андрюша и Николай пошли по воде, помогая лошадям, я же водрузилась на вершину воза и самым энергичным образом правила и кричала, как самый заправский деревенский кучер. Лошади были сильные и вывезли благополучно.

Оставалось два трудных перевала. Узнав, что можно очень дешево нанять пару волов, мы это и сделали. Их как-то прицепили перед лошадьми, и мы в таком оригинальном «экипаже» довольно легко поднялись на первую гору. Там отпустили волов и осторожно спустились. На второй перевал снова наняли волов, – эта пара была молодая и очень сильная. Их впрягли прямо в дилижан, а лошадей привязали сзади. Волы оказались такими резвыми, что быстро нас дотянули наверх и спустили на другую сторону. Иногда даже они бежали рысцей, размахивая своими длинными хвостами. Нам показался их вид такой смешной, что мы ехали и весело хохотали. Дальше мы добирались уже без приключений.

Дома все встретили меня радостно, увидя, сколько муки мы привезли, и узнав результаты моей разведки. Нас сейчас же стали собирать в дорогу, чтобы мы могли уехать, как только пойдет первый пароход. Ждать пришлось недолго, и мы трое уехали в Екатеринодар – в начале октября.

К тому времени одна из горничных устроилась в Туапсе. Вскоре уехал в Екатеринодар и Н.Н. Княжецкий: он там устроился в Военно-санитарное ведомство. Народу в Москалевке стало намного меньше.

В Екатеринодаре Ваня Кобылий и Эккеры дали нам большую комнату, где мы разместились втроем. Хозяйство вели самостоятельно и начали понемногу устраивать нашу новую

жизнь.

Сначала нам жилось там хорошо, но потом тетя Катя и три кузины стали все хуже и хуже к нам относиться и делали всевозможные каверзы. Ваня за нас заступался, но это не помогало. Тетю Катю и ее старшую дочь, мою сверстницу Зину, я очень любила, и раньше мы были очень дружны. Но в беженской обстановке они стали неузнаваемы, их примеру следовали младшие – Нина и Ава. Они от большевиков не пострадали, приехали в Екатеринодар из Петербурга, боясь революции и голода. Дядя, доктор, посылал им деньги, они не работали, ничего не делали, скучали. Добровольческая армия их не интересовала, а когда образовался фронт, их отрезали от Петербурга и они стали нуждаться, их это раздражало и даже злило. Работать они не хотели, а наши добровольческие идеи и радости им были не только непонятны, но приводили в ярость. Может быть, они боялись, что мы их скомпрометируем перед большевиками, так как они мечтали вернуться в Петербург. Они это и сделали, но когда нас там уже не было. Потом, за границей, я получила от них ласковые, хорошие письма. Зина там вышла замуж, была счастлива, а потом ее мужа арестовали, он пропал, а ее сослали в лагерь в Сибирь. Вероятно, ее давно нет в живых. Но в Екатеринодаре наша жизнь у них стала адом.

Петя начал ходить в гимназию, а мы обе стали искать работу. Я нашла почти сейчас же: приводилась в порядок большая библиотека какого-то кубанского министерства, и я туда устроилась. Ане не повезло: настоящей работы она не могла найти и устроилась подавальщицей в громадной офицерской столовой, где я завтракала как сестра. Аня жалованья не получала, но кормилась там. Так что мы сводили концы с концами. Аня, кроме того, в свободное время работала в комитете генеральши Алексеевой по сбору вещей. Это – работа идейная и, конечно, безвозмездная. Ей приходилось много бегать и часто таскать тюки.

С Петей у нас скоро начались недоразумения: он заявил, что хочет записаться в Добровольческую армию, что он учиться и делать карьеру не имеет права, пока его корпус не освобожден и другие кадеты сражаются. Никакие уговоры на него не действовали. Гимназию он возненавидел. Кроме того, стыдился своего вида. Формы у него, конечно, никакой не было, ходил он в рубашке с красной полоской, которую ему сшили дома. На голове была какая-то шляпа. Он, который всегда прекрасно учился, стал получать единицы. Уроков учить не желал. Я стала по вечерам после службы с ним заниматься, но результаты были самые плачевные. Помню урок русской литературы – Державин. Петя

мне сказал, что он ничего понять не может. Я билась, ему объясняя и вдалбливая в голову. На все мои старания он отвечал: «Оставь своих Державиных и Лермонтовых, я все равно ничего не понимаю, я вижу только Добровольческую армию». Я начала бояться, что он убежит. Стала его сама водить в гимназию и тащила его буквально силой.

Глава 2

В добровольческом госпитале

К этому времени, 6 ноября 1918 года, я получила назначение в формирующийся 3-й Кауфманский госпиталь и переехала туда. Аня и Петя остались вдвоем, и с Петей стало еще труднее. Меня из госпиталя отпускали по вечерам к ним, когда я не дежурила ночью. Петя приводил меня в отчаяние. Чем бы это кончилось, не знаю, но он 23 ноября заболел брюшным тифом. Я стала просить старшего врача, доктора Корилоса, положить его в наш госпиталь. Сначала он и слышать не хотел, так как госпиталь был хирургический, но в конце концов, под давлением старшей сестры Амелуг, он согласился, но под мою ответственность, что никто не заразится. Петю положили в мою палату в углу и символически изолировали ширмой. Госпиталь был прекрасно оборудован – сестры все кауфманки, хорошо дисциплинированные санитары из пленных немцев, так что нетрудно было для Пети иметь отдельную посуду и принимать все меры предосторожности.

Госпиталь был для тяжелораненых, работы было много, и мы почти не выходили. Жили в больших комнатах, по четыре – по пять. Кроватей для нас не хватило, и мы спали на носилках, под которые подставили деревянные кубышки, чтобы они были выше. Кормили нас хорошо. Формы у меня не было, и поэтому первое время я всегда ходила в халате. Косынки мне сделали, потом постепенно я обзавелась всем необходимым. Правда, бязевое платье с красной полоской долго носила, вместо форменного, с передником, крестом и косынкой.

Когда Петя поправился, меня пустили (15 января 1919 года) отвезти его домой. Аня в это время нашла службу в каком-то министерстве.

Глава 3

Перемены в Москалевке

В Москалевке наши понемногу устроились и жили тихо и мирно. Папа решил заняться дровяным делом. Дрова тогда стоили очень дорого. Сначала папа начал рубить в своем лесу, а когда дело пошло, стал арендовать у соседей. Постепенно стали продавать не только дрова, но и брусья и доски. Была куплена еще пара лошадей. Дело было сложное, так как все надо было доставать, искать и выписывать из разных мест: инструменты, муку для рабочих, корм для лошадей и т. д.

Постепенно папа начал все лучше и лучше зарабатывать и надеялся не только прожить на доходы, но и снова поднять имение. Петя дома стал быстро поправляться, но все мысли его были о Добровольческой армии. В моей палате в Екатеринодаре лежало несколько раненых кадетов, и, когда Петя перестал быть заразным и уже ходил, он все время проводил с ними и там бесповоротно решил записаться в армию, как только поправится совсем. Он сообщил папе и тете Энни о своем решении, но они и слышать об этом не хотели. Петя как будто смирился.

Вскоре он поехал в Туапсе, там встретился с добровольцами-кадетами и решил удрать. Дома все приготовил, но Женя его выдал. Папа и тетя Энни были в отчаянии. Мы с Петей были очень дружны, он с моим мнением считался, и я решила с ним поговорить.

Мы пошли гулять по розовой аллее к обрыву и долго разговаривали. Он мне сказал, что со многими моими доводами согласен, но остаться не может, так как это выше его сил. Я просила его нас понять и дать нам обещание не удирать и постараться примириться с мыслью, что надо дальше учиться и побережь папу, который не перенесет Петиного отъезда. Но если ему не под силу будет сдерживать это обещание, он должен будет пойти к папе и все ему сказать. Я сказала, что поговорю с папой и попрошу его обещать отпустить Петю, когда он придет сказать, что больше оставаться дома не может. Петя согласился, мы пошли к папе, они поговорили и друг другу дали обещание.

Теперь все были спокойны, зная, что Петя сдержит свое обещание. Но надолго ли хватит его воли, чтобы не попросить его отпустить?

23 января 1919 года я уехала обратно в Екатеринодар. Вскоре после моего возвращения я узнала, что начали восстанавливать флот.

Адмирал Герасимов написал воззвание, призывая всех моряков. Я поехала в Новороссийск все узнать и послала это воззвание Пете и папе.

Сейчас же было решено Петю отправить во флот. Он был страшно рад. Папа за него попросил, и очень скоро Петя получил назначение на миноносец «Дерзкий», который ремонтировался в Новороссийске. В это время я приехала в отпуск (7 апреля), пробыла две недели. Была Пасха.

Петя немедленно туда явился, был принят матросом и принял деятельное участие в ремонте (Петя уехал до меня). Потом в плавании был назначен сигнальщиком.

Вскоре после Петиного и нашего с Аней отъезда в Москалевку пришли разбойники под видом каких-то депутатов. Всех построили в одной комнате, стали обыскивать дом (с целью грабежа). Но наши почти не пострадали, так как грабить уже нечего было. Но Нина Романовна Княжецкая, которая все еще держала свои драгоценности в ночном столике, конечно, не успела их передать Юрику, и все у нее было взято.

После этого случая стало ясно, что оставаться жить в глуши одним слишком опасно.

Нина Романовна с Юриком уехали к Николаю Николаевичу, а учительница нашла службу в городе, так как Женя благополучно сдал экзамен в следующий класс при Туапсинской прогимназии. Наши перебрались ближе к Небугу, около имения Еремеевых. У них была санатория для выздоравливающих, и они занимали все соседние пустые дачи. Одну из них они предоставили нам. Там было спокойнее, кругом жили люди, и недалеко был казачий пост.

В это же время папа узнал, что восстанавливается в Севастополе Морской корпус. Он повез туда Женю, определил его, а также и Петю, которого вызвали с миноносца приказом. Папа и тетя Энни жили некоторое время около Еремеевых. Я один раз туда приехала, но, когда казачий пост ушел, а на фронте началось отступление, они решили переехать в Туапсе. Поселились на краю города, в доме лесничего: он сдал им одну комнату. Лесничий и его семья были очень симпатичные и хорошие люди, и нашим жилось там неплохо.

Глава 4

В походах с Терской дивизией

После моего отпуска, в апреле 1919 года, я уже больше в госпитале не работала: вернулась и получила назначение в 4-й Передовой отряд Красного Креста при Терско-Кубанской дивизии генерала Топоркова в корпусе генерала Шкуро. Еще зимою мы, сестры, узнали, что на фронте совершенно нет настоящих сестер, видели, в каком виде приезжают тяжелораненные, и решили, что наше место там. Кроме того, начался сыпной тиф, и многие фронтовые лазареты остались без персонала. Мы стали просить о переводе, но наши врачи и слышать не хотели и делали все, чтобы нас задержать, говоря, что хорошая сестра нужна и в тылу. Мы же доказывали, что в тылу они всегда найдут других и что во всяком случае им легче обойтись без нас, чем на фронте, где зачастую не было и врачей. После долгих хлопот все сестры, которые просили, получили назначения в отряды, лазареты и поезда. Нас заменили другими: мы оказались правы. Но после нас поехало еще много других.

Аня осталась в Екатеринодаре – она подружилась с одной барышней, своей сослуживицей, Тамарой Стуловой. Они нашли комнату с кухней и поселились вдвоем.

Назначение в отряд я получила 30 апреля 1919 года – он формировался в Екатеринодаре; сестры были назначены очень разные. Из кауфманских только Шура Васильева, с которой я была дружна, но накануне отъезда она заболела и осталась. Были три хороших сестры какой-то провинциальной общины: Ларькова, Гришанович и Абелькина, затем еще Васильева, очень простоватая и неизвестно как попавшая под видом сестры, а также еврейка, «сестричка» Вера Ходоровская. Никакого представления о медицине она не имела, поехала развлекаться, флиртовать и играть роль! Из-за нее было очень много неприятностей и ссор, даже скандалов: она заводила романы со всеми начальниками и пыталась нами командовать.

16 мая. Отряд эшелоном выехал догонять дивизию. В Ростове-на-Дону простояли четыре дня. Там я нашла Аню Думитрашко. Хорошо провели время: столько надо было рассказать друг другу! Эшелон дошел до станции Авдеевка, вернулся до Ясиноватой и дошел до Славянска, где мы стояли три дня. Рядом с нами оказался эшелон с Вадиной (мой двоюродный брат) батареей, и мы с ним неожиданно столкнулись. Не видались с Петербурга, с самого начала революции.

30 мая. Прибыли в Изюм и выгрузились. На вокзале были раненные терцы, и я дежурила ночь.

1 июня. Вышли из Изюма походным порядком, проехали поздно ночью через деревню Староверовка, где недалеко стоял большевицкий броневик. Ночевали тревожно в двух верстах в деревне Няволодовке.

2 июня. Прибыли в Купянск и соединились с дивизией. Мы расположились лагерем. Меня посылали с десятью двуколками, перевезти больных и раненых за две версты на станцию Заосколье.

3 июня. В 8 часов утра вся дивизия собралась на площади, был парад, и полки с музыкой начали выступать; за полками шла артиллерия, несколько крестьянских повозок со снарядами, и за ними мы. Весь обоз шел сзади. Мы ехали по одной сестре на двуколке – сидели спереди рядом с ездовым (то есть с тем, который правил). В ногах стоял походный сундучок с самым необходимым: остальные вещи были в обозе. На дне двуколки было всегда свежее сено, и, если не было раненых, мы могли там отдохнуть и поспать. Сначала все двуколки имели брезентовые крыши и бока (аэропланы, как говорили казаки). Но очень скоро начальник дивизии приказал их снять, так как они были видны издалека и выдавали дивизию в походе. Обыкновенно мы выступали рано утром, шли весь день и вечером ночевали в какой-нибудь деревне. Среди дня останавливались и недолго отдыхали, если все было спокойно. Нам квартирьеры отводили хаты. Там мы спешно ели, что находили – простоквашу, яйца, – и заваливались спать на носилках. Бабу просили сварить суп из курицы. Варилась она ночью в русской печке. Утром, встав, съедали приготовленное и остатки курицы брали с собой. Днем на ходу крутили гоголь-моголь, ели подсолнухи, которые наши ездовые рвали в полях для себя и для нас. Яйца всегда у меня были: мой ездовой обожал сырые белки, поэтому у него всегда был запас свежих яиц. Я крутила гоголь-моголь, а он глотал белки. Когда мы получали раненых, мы на ночевках почти не отдыхали: приехав вечером в деревню, надо было их устроить по хатам, перевязать, накормить, оставить дежурную сестру, так что ложились спать очень поздно, а вставать надо было рано, чтобы к выходу дивизии все раненые были накормлены, перевязаны и отправлены в тыл; если их отправить было нельзя, то надо было уложить их на наши двуколки, чтобы везти дальше с собой.

Очень часто мы попадали под обстрел, главным образом броневиков, так как одна из задач дивизии была взрывать железнодорожное полотно. Броневи́к – это бронированный паровоз с тоже бронированными вагонами-площадками для

артиллерийских пушек и пулеметных гнезд; их задача была охранять железнодорожные мосты и железнодорожные пути и станции.

Когда начинался обстрел, летучку старались отвезти в сторону, но не всегда это было возможно. Очень меня забавляла сестра Ларькова: она всегда имела при себе большую красную подушку и, когда начинался обстрел, она, как страус, прятала под нее голову.

Из Купянска начался Харьковский поход. В первый день нашего похода пришли в селение Великие Хутора. Нашему отряду отвели несколько халуп. Двуколки остались на улице. Мы бегали и покупали яйца и молоко. Казаки сразу же повесили на телеграфном столбе учителя-коммуниста, а двух учительниц выдрали.

6 июня. В 6 часов утра выступили дальше. Весь день шли благополучно, только в 11 часов подскочил легко раненный казак разведки; они еще рано утром наскочили на большевиков, но те исчезли. К вечеру мы подошли к деревне Хотомля. Послали разведку и квартирьеров. Жители сказали, что красных нет, но, как тронулись к деревне, началась стрельба: оказалось, что человек тридцать красных сидело во ржи. У нас один убит, три раненых. Когда началась стрельба, мы все остались стоять на дороге, в том порядке, как шли. Большевиков прогнали – у них было много раненых, остались лежать убитые. Мы взяли наших раненых и въехали в деревню. По дороге видели трупы красных во ржи.

7 июня. Дневка в Хотомле. Изредка слышна артиллерийская стрельба. Раненые лежат в халупе.

8 июня. Отправили раненых на обывательских подводах на железнодорожную станцию и выступили. Доехали до деревни Некрытая и остановились под откосом дороги, у моста. В это время шел бой, непосредственно за деревней. Полковые сестры на тачанках подвозили раненых. Наша дежурная сестра их принимала и клала в двуколки. Бой продолжался часа два. Мы двинулись дальше. На дороге лежали убитые лошади (с одной уже была содрана кожа). Проехали мимо трупов большевиков. Наши санитары и казаки бросились их осматривать и снимать то, что годилось: сапоги, обмотки, брюки. Много убитых лежало во ржи и в кустах. То место, где красные бежали, было все усеяно котелками и разными вещами.

Всю дорогу нам подвозили раненых. Работали все сестры. Дорога была отвратительная, шел ливень. Двуколки отставали друг от друга. По дороге умерло двое: хорунжий Стрепетов и казак, их мы везли все время с собой. Поздно вечером приехали в

деревню Русские Тишки, в двенадцати верстах от Харькова. Ночевали там. Раненых устроили в двух хатах. Легли усталые в 12 часов ночи.

На другое утро, в 6 часов, поехали к Харькову через деревню Малая Лозовая. Очень быстро пошли по Белгородскому шоссе и остановились в четырех верстах от города, около здравницы Красного Креста.

Нас встретили с цветами, угощали молоком. Войска были уже почти в городе. Изредка была слышна артиллерийская стрельба. Вдруг затрещали пулеметы и раздались ружейные выстрелы. В это время мы, сестры, бродили по парку около шоссе. Сестра Васильева и особенно Вера Ходоровская (еврейка), как безумные, вскочили в первую двуколку и понеслись обратно. Увидев, что помощник начальника отряда, капитан Константин Максимович, и многие солдаты лежат за бугром, оставшиеся сестры и я легли тоже. Пули летели через нас, и в отряде началась паника. Несколько двуколок с ранеными повернули и унеслись. Капитан пробовал их остановить, но это оказалось невозможным. Оставшимся он приказал медленно отходить, но паника продолжалась. Тогда капитан с винтовкой в руках встал навстречу бегущим и крикнул, что будет стрелять. Тогда только все успокоились и медленно отошли. Все обозы отступали на Малую Лозовую, нас прикрывала сотня казаков. Потом оказалось, что около Харькова близко к нам подошел броневой автомобиль. Он-то нас и обстреливал, идя за нами. Выбравшись из-под обстрела, мы попали на песчаную дорогу: колеса совершенно утопали в песке. Все сестры и ездовые шли пешком, кое-кто из легкораненых тоже. Так, усталые и голодные, мы добрались до деревни Большие Проходы, где живут великороссы, очень красивые и в интересных костюмах. На другой день была дневка. Раненых отослали на железную дорогу и днем хоронили умерших. Мы пели в церкви.

11 июня. Выехали рано утром. Наши части взорвали железную дорогу Харьков – Белгород и на Льгов. Мы очутились в городе Золочев, уже севернее Харькова, то есть в тылу у большевиков. Там застряло много поездов. Говорили, что был и поезд Троцкого, сам Троцкий будто бы на лошади удрал в последний момент. Стояли полные эшелоны со снарядами, мукой, крупой и целый поезд с сахаром и инжиром. Началась вакханалия! Пылающие вагоны и толпы людей, бегущих за добычей. Нам тоже хотелось поестъ винных ягод, но нам неудобно было брать самим, и мы, сидя в двуколках, кричали и просили нас не забыть. Получили много и ели до тошноты. Ночевали в деревне Рогозянка.

12 июня. В 11 часов утра двинулись на соединение с армией на Харьков, опять через Золочев. Ночью большевики починили путь и четырьмя эшелонами пришли туда, но наши эти эшелоны захватили. Войска ушли обратно. От Золочева одна наша бригада пошла по одну сторону железной дороги, а другая – наш отряд – перешла железнодорожное полотно и пошла по другой стороне, вдоль насыпи. До 6 часов вечера все было благополучно. Мы стали из леска, по ржи, подниматься вдоль железной дороги на гору. На другой стороне увидели нашу другую бригаду, которая шла на соединение с нами. Часть полков была впереди. Вдруг началась канонада. Мы спустились в ложину. Стрельба все больше и больше: снаряды рвутся и спереди, и сзади, и наверху. Идти некуда! Мы остановились, легли все в канаву и ждали. Со стороны железной дороги выехала вторая бригада и пошла на гору. Ее обоз остался на той стороне. Наши же столпились около летучки. Сестрам приказали перебежать под мост и на ту сторону. Но в этот момент обоз двинулся за полками; сестры Васильева, Ходоровская и я вскочили на тачанки-летучки и поехали за ними. Снаряды рвутся кругом! Вижу убитых лошадей! Началась ружейная и пулеметная стрельба! Наши отступают!

Мы остановились на бугре и не знали, что делать. Ранило полковую сестру. Убило врача. Обоз понесся в панике обратно (все обозы на крестьянских телегах с мужиками). Все стремились проскочить под мостом – одни проскакивали, другие цеплялись и не попадали. Мы три поспешили туда пешком. В это время позвали взять раненого. Санитаров не было. Сестра Васильева и я стали тащить его сами. Я вся была залита кровью. Удалось остановить одну повозку, двуколку, и положить или, вернее, бросить его туда. Снова позвали к раненому. Наши двуколки уже ускакали. Я положила раненого на телегу и поехала с ним сама. Сумки со мной не было, и я пока зажала его рану его же рубашкой. Здесь я уже не помню стрельбу, которая все продолжалась. Цепи большевиков были уже видны. Одно мне казалось ясным – это что если мы не будем убиты, то попадемся большевикам. Но телега, на которой я ехала с раненым, проскочила и поехала по полю, которое оказалось болотом. Доехали до широкой глубокой канавы, через которую было устроено подобие моста из валежника и соломы. Кое-кто проскочил по нему, но парный экипаж дивизионного врача свалился в воду. Его там бросили, но лошадей отпрягли. За ним окончательно провалился мост и провалилась наша кухня. Одна лошадь затонула. Проезда нет! Цепи близко! Все двуколки и подводы собрались в кучу. Капитан приказал всем сестрам перебираться на ту сторону и бежать что есть силы. По

провалившейся кухне и экипажу мы перебрались и побежали. Осталась только немолодая сестра-бельгийка. Но двуколки не растерялись и пошли в обход, за ними телеги. На болоте они все разъехались в разные стороны. Одна затонула, и ездовой под страшным огнем ускакал на пристяжной. Моя двуколка не утонула благодаря чудному кореннику Орлу, который и вытянул, хотя сам завяз уже глубоко. Четыре двуколки пошли за одним из полков, потеряли его и, после долгих мытарств, через два дня догнали остальных. С ними была и мадам бельгийка. Когда она по болоту шла пешком, ее сбило орудие – ей переломило руку и сильно повредило ногу. Она отделалась еще легко благодаря болоту, в которое она была вдавлена, а на твердом грунте ее могло бы раздавить совсем.

Когда мы, сестры, перебрались через канаву, каждая побежала, как могла, по направлению, куда ушли обозы второй бригады. Я бежала последней, чувствуя, что не догоню. Увидала лошадь с постромками, поймала ее, но не успела сесть, как подбежал наш взводный Стеценко, вскочил на нее и ускакал. Я осталась одна. Обгоняет верхом офицер, обещает задержать подводу. Сели сестры Васильева, Ходоровская, которые были недалеко, и я. Проехали немного, кричат: «Берите раненого». Я соскочила, сестры были рады, так как лошадь уже устала, и уехали. К счастью, подъехала тачанка, я положила казака на нее и села сама. Догнали уходившие обозы. Я кричала, чтобы давали дорогу раненому, нас пропускали, и я наконец соединилась с частью отряда, который выбрался. Стемнело, стрельба окончилась. Подъехал казак и приказал летучке ехать за ним. Ехали недолго, и нас остановили на ночлег. Двуколки встали в круг, обоз сзади нас. Лошадей не отпрягали. Двуколки были переполнены ранеными. Мы легли кучей во ржи и заснули: спали все, даже дневальные. Ходил и дежурил за всех один капитан, Константин Максимович.

Рано утром нас разбудили летящие в нас снаряды от «товарищей». Казаки ночью ушли, куда ехать, мы не знали, а снаряды все летят. Наконец кто-то приказал ехать. Лошади заморены, двуколки многие поломаны, люди едва держатся на ногах; мы большей частью шли пешком, так как все телеги были заполнены ранеными и места на телегах для нас не было.

Ехали почти все время без дорог, иногда по полю в гору, и лошади едва-едва вытягивали. Попали в лес, шли по узкой глинистой дороге, которая была вся в ямах, наполненных водой, и там попали под ружейную стрельбу. Лошади, как могли, пошли рысью, мы бежали рядом. Наконец выехали из леса и поскакали в овраг. Стрельба затихла, но, как только поднялись на гору, опять

летят снаряды. Мы крутились, окруженные большевиками, заехали в деревню – стреляют туда.

Так длилось до вечера, когда мы добрались снова до Золочева, перешли опять железную дорогу и встретились со своими отставшими.

Сбоку шел бой, рвались снаряды и слышна была ружейная и пулеметная стрельба. В этом месте мы были спасены, так как вырвались из кольца, которое не надеялись прорвать. Харьков был взят, и отступавшие большевики наткнулись на нас и окружили. Но мы прорвались, и в эту ночь спокойно проспали в деревне Мироновка, где на другой день была дневка.

Сестры некоторые так разнервничались и перепугались, что едва могли работать, а раненых у нас было тридцать один человек. Гораздо позже я получила бумагу о награждении меня медалью святого Георгия. Еще были награждены, не помню, кажется, сестры Ларькова и Гришанович.

15 июня. Выступили к Харькову. На станции Пересечная погрузили всех раненых на поезд. Сопровождать послали меня и четырех санитаров. Отряд пошел к месту стоянки на станцию Куряж.

В Харькове я сдала раненых и пошла искать С. Вл. Данилову, но, к сожалению, не застала ее дома. Вернулась в отряд поздно ночью, страшно усталая после всего пережитого. Хотела успокоиться и отдохнуть. Но мне не дали и сразу же послали в командировку на базу, которая стояла в городе Славянске.

19 июня. Вернулась рано утром, устроилась хорошо с новой сестрой: ходили купаться на реку. Здесь был назначен длинный отдых.

В Куряже простояли до *25 июня*, и нас перевели в деревню Огульцы, дальше от Харькова, где казаки начали себя плохо вести. Приехал новый доктор, назначенный старшим врачом. Он всех поднял на ноги, работа закипела. После взятия Харькова Кубанская бригада от нас ушла и пришла 2-я Терская. Начальником дивизии назначен был генерал Агоев (старший), но до его приезда временно командовал его брат, полковник.

2 июля. Дивизия выступила в поход. Взяли с собой только часть отряда и никакого обоза – старший врач, сестра Гришанович, я и еще три санитаров, несколько двуколок с ездовыми, за начальника был капитан Константин Максимович. Сказали, что короткий налет: пробудем дня два. Приказали не брать никаких вещей. Остальная часть отряда с обозами перешла в Люботин.

В первый день прошли мимо винокуренного завода. Казаки и санитары развеселились, ехали с песнями.

На другой день по приказанию начальника дивизии сняли с двуколок «аэропланы», так как их было видно издалека. Ехать стало лучше: больше воздуха и все видно. Проехали имение Харитоненко, превращенное в коммуны. Там казаки поживились: взяли и много сахара, и лошадей. Около села Городнянка остановились, так как впереди шел бой.

Стояли довольно долго и пошли дальше степью. Впереди видны были разрывы снарядов и слышалась стрельба из ружей и пулеметов. На ночь повернули обратно и ночевали в деревне Козиевка. Без начальника отряда, нудного педанта, все почувствовали себя гораздо лучше. У нас создались прекрасные отношения с командой – так как с нами не было кухни и питаться мы должны были чем Бог послал, мы стали питаться с командой. Днем добывали кто что мог, вечером сваливали все в общий котел и по-братски делили.

4 июля. Выступили в 5 часов утра, опять в ту же сторону, но очень скоро начался бой. Большевики обстреливали с броневики нашу батарею. Мы остановились в степи, куда нам подвозили раненых. Сестры их перевязывали и клали в двуколки – было два очень тяжелых, и один из них почти сразу же умер. Но бой скоро кончился, и мы еще днем доехали до линии железной дороги в деревне Яблочная, около станции Кириновка. Снаряды с броневики летели через нас. На другое утро отправили раненых, выступили из деревни и стали около батареи. Стоящий недалеко наш броневи́к «Князь Пожарский» начал стрелять. «Товарищи» немедленно стали отвечать, и нас вернули в деревню. К вечеру дивизия неожиданно выступила, и мы на рысях пошли по страшной грязи. Сбоку шел бой, у завода Терещенко. Мы пошли в обход Ахтырки и в 12 часов ночи остановились в селе Высокое, у очень симпатичной учительницы.

6 июля. В 5 часов утра пошли дальше. Часа в 3 вошли в село Колонтаевка, где нас совсем не ожидали. Место удивительно красивое, в низине и все в зелени. Нас обеих поместили в школе и сказали, что будет дневка.

Мы были в походе уже четыре дня и конца его не видели. Поэтому решили заняться собой: ведь вещей с нами не было никаких, ни одной смены белья. Нам растопили печь, мы постирали и повесили все, что на нас было надето, поставили ужин, вымылись, намылили головы, и вдруг начался обстрел снарядами, а вслед за тем ружейная и пулеметная стрельба и перестрелка. Капитан побежал в штаб и узнал, что надо немедленно уходить. В десять минут все было готово – лошади запряжены, а мы – одеты во все мокрое, с косынками на намыленных головах. Пули свистали уже во дворе. На улице

паника. Снарядные телеги стараются обогнать одна другую, цепляются. Мы продвигались среди них. Было очень жутко! Ночь, ничего не видно. Но наконец мы выбрались мимо мельницы на гору, на открытое место. Подошел штаб дивизии. Нас всех выстроили на дороге, возле ржи, по три повозки в ширину, спиной к деревне и приказали стоять до утра. Думали, очевидно, утром нас двинуть дальше. Нам, мокрым, было холодно, и мы зарылись в сено в своих двуколках.

Почему нас оставили стоять на бугре до утра, не знаю. Но как только взошло солнце, красные открыли по нам стрельбу из тяжелых орудий: они стояли по ту сторону деревни, в лесочке, а мы растянулись вверх по открытой горе – вся дорога была перед ними! Наши так крепко спали, что не проснулись от первых выстрелов. Сестра Гришанович и я стали их будить. Обозы в панике уже неслись. Пока наши все проснулись, зануздали лошадей, разорвалось еще несколько снарядов, и все ближе и ближе. Наконец мы поехали. Капитан в таких случаях держал себя удивительно спокойно и твердо. Он выстроил всех по порядку и свернул с дороги на пашню. Командовал отчетливо и строго. Но было очень страшно, и в тот момент мы мысленно возмущались, что он не позволяет ехать скорее: мы отступали шагом, а снаряды нас догоняли. Капитан это делал, чтобы не удаляться от полков, где могли быть раненые.

Мы свернули в высокую рожь, но, когда снаряды стали нас догонять, мы перешли на другую сторону дороги и там снова пошли по ржи.

Наконец мы вышли из сферы огня и остановились. Привезли раненых, мы их перевязали и отправили в тыл. Вечером вернулись в Колонтаевку. Красных выгнали из болота, где они прятались, и погнали.

В Колонтаевке мы нашли еще раненых. Мы заехали в ту же школу, чтобы их перевязать. Одного надо было оперировать. Дивизия ушла дальше: нас торопили, но мы не успели, и пришлось потом догонять одним. Как охрану, нам оставили шесть казаков с пулеметом. Ехали в сумерки. Было жутко. Проехали мимо большевицких окопов, видели трупы. В 10 часов вечера приехали в деревню Рындау и остались на ночь. Красные ночевали в соседней деревне, за две версты. Было приказано, что, если ночью будет три выстрела, значит, надо бежать. Лошадей не распрягли. Под таким впечатлением, конечно, мы легли не раздеваясь. Но проспали благополучно до 5 часов утра, когда двинулись дальше. В первой же деревне мы попали под еще больший обстрел. Обоз стал отходить. Мы въехали в самую деревню. Капитан сказал нам обоим сойти с двуколок и сесть под

деревья в тенистом вишневом саду, так как стреляли больше высокой шрапнелью. Но когда снаряды стали рваться все ближе и ближе, он нас отослал за хату, стоящую в стороне. Но скоро и там нельзя было оставаться; тогда нас обеих и одного раненого он на одной двуколке послал за обозами. С нами пошла и аптечная двуколка. Сам он с отрядом спустился под откос и едва спасся. Мы ехали по дороге. Снаряды стали нас догонять. Наконец, думая, что мы достаточно отошли, мы остановились – сразу же летит снаряд! Мы – дальше, и так несколько раз. Наконец я решила свернуть с дороги и поехать по ржи. Нашли овраг, там были казаки с конями, мы присоединились к ним и уже от них не отставали. Как только снаряды начинали лететь к нам, мы меняли место. Только среди дня к нам подошел отряд. Постепенно в этот овраг стянулись и обозники, и части полков.

Раненых было много: снаряд, упавший среди обоза, перевернул три повозки и контузил двух мужиков. К вечеру нас тронули на старое место, но там началась перестрелка, и мы повернули в другую сторону. Шли медленно, так как кругом были бои. Мне пришлось один раз вернуться на моей двуколке в деревню за ранеными.

Наконец мы дошли до села Первозвановка, около станции Кочубеевка, и заночевали. Думали, что поход и все волнения окончены, так как задачу исполнили: перервали полотно на Полтаву и ночью заставили крестьян сровнять полотно. Броневики красных (было четыре) отогнали. Но когда они стреляли, снаряды рвались сплошной стеной.

9 июля. Раненых на подводах и двух двуколках отослали прямо в Люботин. Сами пошли обратно тоже, но круговой дорогой. Ехали не торопясь. Начальник дивизии, полковник Агоев, объезжая дивизию, благодарил за поход, и мы спокойно тронулись в путь.

Вдруг сбоку началась ружейная стрельба. Сейчас же все приняло боевой вид. Нас отставили назад. Оказалось, что очень большое количество красных было окружено другими частями и прорывалось. Они на нас натывались в каждой деревне, отстреливались и бежали. В одной деревне они оставили записки с поклонами от терцев-большевиков. Вечером мы наткнулись на большое количество красных: кроме конницы, было много пехоты. Бой завязался серьезный! Мы тоже попали под пули, но нас скоро оттянули обратно. В полной темноте в поле стояли наш отряд и обозники. Курить, говорить запретили: кругом нас, и близко, бой. Везут все время раненых – уже нет места. Вдруг из темноты выползло несколько фигур с винтовками.

Какой ужас мы в этот момент пережили! Но оказалось, что

это разведка Самурского пехотного полка.

Подвели одного казака, который десять минут пробыл в руках красных, – ему успели сильно порезать руки. Между прочим, старший врач в начале похода дал нам обеим порцию морфия, чтобы не попасться живыми в руки большевиков. Мы эти «ладанки» носили на цепочке с крестом.

Наконец приказано было отступать. Все безумно устали. Лошади, люди едва поднимают ноги. Мы пошли по давно заброшенной дороге, по которой уже несколько лет никто не ездил. Она проходит частью по болоту и на протяжении версты залита водой, и только кое-где торчат подобия мостов. За болотами страшнейшие пески. Ночь была темная, не видно ничего. Лошади не идут. Раненые тяжелые, их много, и они стонут от всех толчков. В воде постоянно останавливаемся, чтобы не упасть с гати, едва взбираемся на мосты. Многие двуколки ехать не могут, и их тянут люди. Растянулись далеко и стали теряться, – едва нашли снова друг друга.

Остановились около селения в третьем часу ночи, а в пять уже пошли дальше. В довершение всего нас подмочил дождь. Ехали дремучим лесом: дорога тяжелая – грязь, кручи, пни. Наконец в 8 часов утра добрались до селения Искровка, около станции. Расположились там. Сил совершенно не было: едва волочили ноги. Устроили раненых, накормили, перевязали. Один скончался. В 6 часов вечера я отвезла их и сдала в летучку, которая подошла к станции.

Переночевали в Искровке и думали простоять весь день и отдохнуть. Но вдруг во время обеда – обстрел и вслед за тем ружейный и пулеметный бой в самом селении. Оказалось, что у нас не были выставлены дозоры, а красные вошли в село, совершенно не ожидая, что оно занято нами. Это были те же, с которыми мы сражались накануне и от которых бежали болотом кратчайшей дорогой. Они же бежали по круговой и пришли в то же место, что и мы. Моментально обоз и нас отослали на станцию Коломак. Там мы простояли недолго: большевиков отогнали, и мы вернулись обратно, но не на старые квартиры, а просто под бугор, где и заночевали.

12 июля. В 10 часов утра пошли на Коломак, где встретились со всеми обозами и нашим отрядом, пришедшим из Люботина. Наш сухой и неприятный начальник отряда, Михаил Иванович Пестич, встретил нас не очень милостиво: был недоволен, что сняли с двуколок «аэропланы» и что вообще были так долго без его надзора. И верно, мы без него жили дружно, свободно и просто. У нас иногда бывали гости – офицеры, полковой врач, кое-кто из штаба. Стали говорить, что на Полтаву пойдем все

вместе. Наша часть отряда, проделавшая поход, не была этому рада: мы надеялись, что поедем в Люботин и отдохнем.

Остановились в деревне Коломак, и там вышел приказ – идти в поход только части отряда. Начальство по этому случаю перессорилось: санитарам сказали, что уставшие могут оставаться, и взяли других. Мы обе тоже хотели остаться, но старший врач, который ехал снова, сказал, что нас непустит. Остальных же четырех сестер назначил начальник отряда. Так что поехали все шесть. Вечером, совсем разбитые, мы приехали в деревню Шелутьново. Устроились хорошо. Ночевали в клуне^[13].

1-й Терский полк пригласил нас на шашлык, но мы обе так устали, что не пошли. Остальные пошли. Мы же твердо решили настоять на своем и упротить доктора нас отпустить.

Утром 13 июля начали просить его, но он упирался, делал все возможное, чтобы нас задержать. Но мы все же доказали, что пользы от нас ждать нельзя, что мы не в силах перенести новый поход, и он нас отпустил. Дал нам двуколку, и мы поехали через Коломак на Перекоп, где стоял обоз. Когда мы въехали в Коломак, где стоял штаб, начальник штаба полковник Дурново крикнул нам, чтобы мы проезжали скорее. Как только мы выехали из села, оно стало обстреливаться, и затем затрещали пулеметы.

До обоза доехали благополучно. Там встретили начальника отряда, который через Харьков собирался ехать по делам в Ростов-на-Дону.

В Харькове стояла наша база, и мы решили поехать туда. Ехали мы в отдельном вагоне с начальником штаба, капитаном Нефедовым, полковником Негодновым и другими. Михаил Иванович был не очень доволен: он не переносил, когда мы встречались с офицерами.

Когда мы приехали в Харьков, Михаил Иванович пошел искать базу. Мы остались на станции с капитаном Нефедовым, который хотел переночевать у нас на базе. Вагоны ушли, и мы сели на вещах под забором. Наступил вечер, стало темно, пошел дождь, а Михаила Ивановича все нет. Ждали мы долго, закусили, наконец, сами стали искать, но тщетно. Тогда начальник штаба отыскал будку стрелочника. Мы перетаскили туда вещи. Стрелочник нас угостил хлебом с салом и чаем. Потом мы все трое улеглись спать на скамейках. Утром только увидели Михаила Ивановича, который проспал на скамейке на станции. Смеялись мы всему этому страшно. Только утром мы нашли базу: там было скверно – грязно, жарко и нечего есть.

Я стала стремиться обратно в обоз, хотела сразу же уехать, но сказали, что база вся туда перейдет, и я осталась ждать.

Три дня я все ждала переезда в обоз: скучища была страшная!

Настроение испортилось: мечтала бросить все и ехать в Москалевку.

17 июля. Наконец мы уехали пассажирским поездом. В Люботине пересели на поезд-летучку нашей дивизии и *18 июля* приехали в Полтаву. Там нашли доктора, который жил в бывшем помещении чрезвычайки. Дивизия уже ушла, и мы остались ждать обозов, которые должны были пройти через город за дивизией. Город порядочно разграбили казаки, особенно досталось жидам: пухом из перин были покрыты улицы.

19 июля. Утром сестра Гришанович, я и доктор выехали на обывательских подводах догонять обоз, так как он, не входя в город, обошел вокруг. Догнали за селением Мачеха. Доктор вернулся в Полтаву, а мы поехали дальше. Ночевали в Ново-Санжарезе, обоз был без начальника; безобразия творились страшные: пьянство, грабежи, торговля... Большинство команды превратилось в форменных большевиков! Мы не знали, что нам делать.

20 июля. В городе Кобеляки догнали дивизию и отряд. Устроились очень хорошо. Принял дивизию генерал Агоев. В Кобеляках простояли до *31 июля*. Городок маленький, весь в зелени, ходили купаться в реке Вор... Очень красивый вид на реку с гор, где стоит собор; гуляли в городском саду, раз слушали приезжего лектора. Жили тихо и отдыхали. Но из-за сестры Ходоровской пошли большие скандалы: она вскружила головы начальству, и все переругались. Пошли интриги и чуть ли не драки. Все сестры ею возмущались и открыто высказывали! Поэтому влюбленное начальство обрушилось на капитана. Михаил Иванович хотел даже кое-кого откомандировать. Мы требовали, чтобы откомандировали Ходоровскую. Но она осталась. Ушли старший врач, очень хороший, и две сестры.

Нас, считая Ходоровскую, осталось четыре, и с нами младший врач Знаменский: личность, как нам казалось, «бледная», и как врач – «ноль».

Впоследствии мы постепенно убедились, что он большевик. Он был взят в плен белыми и доказывал, что он за нас, а на деле оказалось иначе.

1 августа. Днем сели на двуколки и поехали за двенадцать верст на станцию Лещановка, где грузилась вся дивизия, которую перебрасывали на другой фронт. Наша очередь к погрузке подошла только поздно вечером. Ночью тронулись.

2 августа. Проехали Полтаву. В вагоне места много, так как нас было всего четыре сестры. Но погода скверная, дождь, и вагон протекает. Проехав через Люботин, Богодухов, *4 августа* мы выгрузились на станции Низы и на двуколках переехали за

четыре версты в деревню. Там произошел снова большой скандал из-за нашей Ходоровской. Мы, три сестры, хотели даже уйти из отряда, но начальник отряда нас не отпустил, а Ходоровская дипломатически заболела.

6 августа. Снова погрузка, которая длилась весь день. Мы познакомились со всеми офицерами конно-горной батареи: она все время попадала в наш эшелон.

7 августа. Приехали в Белгород, выгрузились и поехали в деревню Черная Поляна. Дорога очень красивая, через меловые горы, но вся в ямах – то горы, то болото: едва дотянулись. Устроились довольно хорошо.

9 августа. Простояли в Черной Поляне, где очень красиво. Купались в Донце, около мельницы. Но там сестра Гришанович заболела возвратным тифом, ее на другой день рано утром эвакуировали. Сами мы выступили в 8 часов утра. Около самой деревни, у мельницы, надо было переехать Донец по гати. Возились там два часа. По одной перевозили двуколки, настилали доски, которые выламывали из мельницы. Все же одна двуколка упала в воду и одну лошадь едва спасли.

Но красиво там было замечательно! Течение быстрое, вода синяя, кругом камыши. Вода такая прозрачная, что видно было много рыбок. Один берег высокий, обрывом, а на другом – деревня вся в садах!

Дальше – меловые горы и Белгород. День был чудный, солнечный. Остановились в деревне Мелихово, где простояли и следующий день.

12 августа. Ночевали в деревне Пожарская. Был дождь.

13 августа. Перешли, за семь верст, в деревню Коренек. Думали, будет дневка, стали готовить обед – вдруг недалеко стрельба; моментально собрались, бросили готовые обеды и поехали. Остановились снова в семи верстах, в деревне Зайцево. Уже было темно. Я была дежурная. Стали привозить раненых – двенадцать человек, и все тяжелые. Особенно один казак, с которым я промучилась всю ночь: у него была ранена рука, сделали перевязку, но кровь не останавливалась. Очевидно, была перебита артерия. Я наложила жгут, но, как только сняла, кровь снова появилась. Наш доктор Знаменский ранеными не интересовался, и все мы должны были делать сами. Снова наложила жгут, но, так как его долго держать нельзя, я его сняла и стала держать руку кверху. Кровь остановилась, но скоро у меня не стало сил держать. Я заметила свисавшую с потолка люльку и привязала руку казака к ней. Иногда отвязывала, опускала, меняла положение – к утру кровь уже не шла, когда я опускала руку. Вообще же ночь была страшно тревожная. Почти никто не

спал, так как был приказ быть готовыми к отступлению. Мне было страшно среди таких тяжелораненых. Но все обошлось благополучно. Утром привезли еще раненых, и мы всех отправили в Белгород. Сопровождающему я сказала – очень следить за рукой казака и по приезде немедленно на него указать врачу. Мы в этот день ночевали в деревне Приходной.

15 августа. Идут бои. Но мы пока в обозе второго разряда и только издалека слышим и даже видим сражение. Ехали целый день. Большевики со всех сторон. Нас посылали то туда, то сюда. Наконец, уже поздно ночью, нас остановили в деревне Слоновка, на реке Оскол.

16 августа. Пошли по направлению станции Новый Оскол. Перешли реку и полотно железной дороги. Но еще у реки услышали сильную стрельбу. Прошли версты три, поднялись на меловую гору и стали. Шел сильный бой с двух сторон: под Новым Осколом и около Слоновки. С нашей горы все было видно. Нашу летучку двинули дальше. Прошли мимо штаба. Офицеры стояли и смотрели, как мы проезжаем. Сушь была страшная, и мы поднимали невероятную пыль. Нас красные заметили и начали посылать снаряды. Сразу же из штаба приказали поворачивать обратно. Наши три сестерские двуколки шли одна за другой – моя последняя. И когда первая, повернув, поравнялась с моей, а вторая, заворачивая, оказалась посреди дороги, поперек, дистанционная трубка со страшным свистом упала в маленькое пространство между нами тремя и зарылась в пыль. Чудом ни одна из нас не была задета. В штабе все были уверены, что сестер разорвало, волнение страшное. И когда мы проезжали мимо них, какая была радость и удивление! Нас спустили с горы и остановили недалеко от реки. Мы наблюдали, как рвутся снаряды наших батарей, перекрестным огнем. Обе батареи были недалеко и прекрасно видны. Бой шел в лесу совсем рядом. После окончания боя мы вернулись в Слоновку принимать раненых. Потери очень большие, но большевиков разбили. Масса убитых. Тысяча человек пленных. У нас убитых восемь и семьдесят четыре раненых. Я в этот день была дежурная. Раненые лежали в шести халупах, много было очень тяжелых. Кроме наших казаков, привезли и одного тяжело контуженного курсанта (большевицкого юнкера). Его положили отдельно.

До вечера работали мы все три, считая еврейку Ходоровскую. Вернее, только сестра Ларькова и я. Ходоровская занялась раненым в ногу есаулом – он лежал один. Мы же носились по всем другим. Но тут Ходоровская оказалась на высоте и *забыла* всю свою важность: она, взволнованная и бледная, прибежала нам сказать, что она не в состоянии перевязать ногу есаула и просит

ей помочь. Мы сейчас же пошли.

Действительно, нога была в ужасном виде: перелом ниже колена, флегмона, которая грозила перейти в гангрену. Операция требовалась немедленная. На наш взгляд, можно было еще не ампутировать, но хорошенько очистить, вынуть осколки кости и т. д. Послали за доктором Знаменским, который, как я уже говорила, ранеными не интересовался. Он пришел, посмотрел и сказал, что рана пустяшная. Мы настаивали, чтобы он занялся ногой, доказывали, что ничего сами сделать не можем. Он возмущенно нас отчитал, сказал: «Какие же вы сестры, если не можете перевязать такие пустяки!» И ушел. Делать было нечего. Ходоровская и санитар нам помогали, а мы две сделали все, что было в наших силах: очистили, как могли, продезинфицировали, вытянули и хорошо забинтовали в лубки.

Перед тем как пойти к есаулу, я была в хате, где лежало три раненных в живот. Они просили пить и есть. Я строго-настрого запретила санитару что-либо им давать. Да санитары знали это уже сами. Когда после перевязки есаула я вернулась туда, санитар, взволнованный, мне сказал, что без меня приходил доктор и приказал давать не только пить, но и есть. На ответ санитаря, что «сестрица запретила», доктор сказал не слушать сестру: она ничего не понимает. Слава Богу, санитар доктора не послушался! На ночь я осталась дежурить одна. Очень было жутко в полной темноте ходить из хаты в хату по деревне, где все спало мертвецким сном. Но панический страх меня охватывал, когда я проходила мимо хаты курсанта. Все же надо было заходить и к нему: он лежал один, без санитаря. Насколько я помню, он был контужен. Думаю, что был без сознания, но я не была уверена, и мне казалось, что он притворяется. Большой, черный, лохматый, смотрел на меня в упор безумными глазами. Мне казалось, что он сейчас вскочит и начнет меня душить. В темноте он представлялся не человеком, а каким-то чудовищем из другого мира. Побороть этого чувства я не могла. Он не стонал, ничего не говорил. Я быстро меняла ему компресс на голове и удирала. Этот невероятный страх помню и сейчас. К утру он скончался.

Утром я смениться не могла: нас было слишком мало. Приехал генерал Шкуро, награждал казаков Георгиевскими крестами, а затем пошел в обход раненых. Мы его сопровождали. Когда он вышел из хаты есаула, сестра Ходоровская, которая никого не боялась, подскочила к генералу Шкуро и громко сказала, что у есаула гангрена. Генерал Шкуро остановился, хотел войти обратно и обратился с вопросом к доктору, но тот с самым спокойным и нахальным видом ответил, что это неправда, что сестра ничего не понимает. Генерал Шкуро ушел. Присутствовал

дивизионный врач, но он никак не реагировал.

Когда я через некоторое время попала в поезд нашего корпуса, среди тяжело оперированных я нашла есаула. Ему отняли всю ногу, привезли со страшной гангреней. Если бы операция была сделана в Слоновке, ногу можно было еще спасти и если ампутировать, то ниже колена. Впоследствии доктор Знаменский работал в Севастополе в эпидемическом госпитале. На него многие указывали, даже подавали жалобы, но начальство его не трогало. Наконец он заразился не то холерой, не то тифом и умер. После отъезда генерала Шкуро из Слоновки в то же утро стали грузить раненых на обывательские подводы для эвакуации. С этим дивизия торопила, и поэтому мы не успели сделать все, что было надо. И многим оказывали помощь, когда они уже лежали на телегах.

На другой день мы вышли из Слоновки и снова вернулись. Я так устала – нервы больше не выдерживали, и я попросила меня перевести в другое место. *(Дальше в моей книжке ничего не записано. Точно все не помню.)*

Поход продолжался. Помню обстрел в подсолнечном поле, обстреливали нас – по пыли в степи, но ничего особенного не было.

Глава 5

Долгий рейс

Наконец я получила назначение в санитарный поезд «Единая, Неделимая Россия». Была 6 сентября в Туапсе – в отпуску – и вернулась уже на поезд.

Этот поезд состоял при нашем же корпусе генерала Шкуро. Он двигался за корпусом и стоял на ближайшей от него станции. Был оборудован как госпиталь, с прекрасной операционной и хорошим хирургом.

Раненых сразу же оперировали, их не эвакуировали, и они лежали в хороших вагонах. От поезда отделялась летучка, в два или три вагона, и на ней отправляли в тыл легкораненых и тех тяжелых, которым дорога не могла повредить.

Сестры были все кауфманские: Звегинцева, Таннберг, Скобельцина, Трегубова. Чудные вагоны, у каждой свое купе. Столовая с портретами Деникина, Колчака... Работали дружно! Всех сестер было, кажется, шесть. Сестра-хозяйка – не кауфманская. Старший врач – Сапежко, который был женат потом на сестре Таннберг. На поезд я попала совершенно случайно: когда я откомандировалась из отряда и ехала в Ростов за новым назначением, на ближайшей железнодорожной станции я увидела этот поезд. Я знала, что там работают наши сестры, и пошла к ним. У них как раз освободилось место. Они попросили старшего врача взять меня. Он запросил в Красном Кресте – и я осталась. Я была страшно рада. Во-первых, попала к своим, а во-вторых, осталась в нашем корпусе. Где мы стояли – не помню. Куда передвигались? Тоже забыла!

Но когда попали в Луганск и отправили летучку с ранеными в тыл – в Ростов, меня назначили их сопровождать. Было оборудовано две теплушки: одна с нарами для раненых (их было около двадцати человек) и вторая – кухня. Там из кирпичей поставили плиту. В этой теплушке ехали кашевар и санитар. Я ехала с ранеными. Большинство были ходячие. Лежачие были не тяжелые или уже отлежавшиеся в поезде.

Мне выдали все документы на раненых и на вагоны. Мы должны были прицепляться к поездкам. Сначала все шло гладко: нас прицепляли, подвозили и снова цепляли. Но на какой-то большой станции мы застряли. Я пошла к начальнику станции. Он мне ответил, что нас ни к какому поезду прицепить не может и что надо ждать. Я ему поверила и ушла к своим.

Ждали долго: какие-то поезда приходили и уходили, но нас

не трогали. Я пошла снова, и снова отказ. Сколько я ни настаивала, ни просила, говоря, что раненых надо скорее довести до госпиталя, он не соглашался нас отправить дальше. Я поняла, что это просто нежелание начальника станции, и стала с ним говорить серьезно и требовать отправки. Он стал грубить. Я ему угрожала, что пожалуюсь нашему командиру корпуса, генералу Шкуро. Но начальник станции в ответ только рассмеялся. Я видела, что нас он не пропустит, вернулась к своим казакам и все им рассказала. Они, конечно, страшно рассердились. Мы устроили совет, после которого я снова пошла к начальнику станции и сказала ему, что если он нас не прицепит к стоящему поезду на станции, то казаки придут и с ним расправятся по-своему. Он мне нахально ответил: «Пусть попробуют!»

Я вернулась снова к своим. Мы сделали маленькую инсценировку: я подмотала лишние бинты на повязки, чтобы было больше, и все ходячие, кто прихрамывая, кто поддерживая забинтованную руку, с винтовками и нагайками в руках пошли объясняться...

Я шла впереди с раненым есаулом, который и должен был говорить. Наше появление произвело на начальника станции потрясающее впечатление! Разговоры были короткие. Есаул сказал пару приятных слов, казаки эти слова усилили, и был дан приказ нас прицепить.

Сейчас же пришел паровоз, сделал маневр, и нас поставили в хвост уходящего поезда. Отъехали мы с песнями и гиканьем казаков!

Был уже вечер, и мы улеглись спать. Ехали уже несколько часов, была ночь. Вдруг нас разбудил страшный толчок. Все проснулись. Мы несемся дальше, но трясясь, и слышны крики санитаров из кухни. Сейчас же открыли дверь и увидели, что вагон кухни сошел с рельсов и скачет за нами по шпалам. Необходимо было дать знать машинисту и остановить поезд, который был очень длинный. Но как это сделать?

Казаки сразу же сообразили: ходячие встали в дверях и стали палить из винтовок не переставая. Все лежащие спешно достали свои патроны, и я их передавала.

Машинист услышал нашу пальбу и остановил поезд. Санитары перетащили к нам всю свою провизию и утварь, пересели сами, и мы поехали дальше, оставив кухню между рельсов. Оказалось, что кирпичная плита была слишком тяжела: пол теплушки осел на колесо, которое пробило пол и, зацепившись, сошло с рельсов. На ближайшей станции я сделала заявление – просила выручить вагон и сказала, что на обратном пути я его возьму.

Доехали до Ростова, там я сдала раненых, и с одним вагоном мы перешли на станцию Ростов-Сортировочная искать кухню и после долгих поисков ее нашли. Плиту мы разобрали. Санитары перебрались в теплушку ко мне, где была печка, и мы могли на ней себе готовить. Так мы отправились в обратный путь.

До Харцызска доехали хорошо, но там застряли. Снова я нарвалась на такого же начальника станции: очевидно, что и тот и другой были большевики. Когда я пошла к нему с просьбой прицепить наши две теплушки к поезду, он просто ответил: «Нет!» И не пожелал со мной разговаривать. Ходила я к нему по нескольку раз в день, он грубо мне отказывал и откатывал теплушки все дальше и дальше на запасные пути, где стояло несколько составов с картошкой, которые он тоже задержал. А были уже заморозки, и картошка замерзала.

Я несколько раз пыталась позвонить по телефону коменданту города, но начальник станции меня к телефону не подпускал. Я угрожала, говорила, что подам жалобу генералу Шкуро, но ничего не помогало. Моей телеграммы на поезд он не принял. Мы стояли там уже неделю, и положение было безвыходное: уйти к коменданту со станции было невозможно, так как начальник станции, узнав об этом, угнал бы вагоны. Я не знала, что делать. Целыми днями сидели мы с санитарями около печки, волновались, возмущались, но были бессильны.

Вдруг со стороны Ростова подошел броневик «Гундоровец». Я бросилась к нему, рассказала, в чем дело, и просила меня прицепить и вывезти: «Гундоровец» шел как раз в Луганск. Они согласились нас взять, но под условием, что я дам им спирту. Его у меня не было, но я сказала, что в Луганске они получают из поезда.

Они согласились, сейчас же сделали маневры, прицепили теплушки и медленно стали проходить мимо станции. Начальник, который ничего не подозревал, вышел на перрон смотреть, как проходит броневик, и вдруг увидел нас. Какое удивление и злоба были написаны на его лице! Оба санитаря и я стояли в открытой двери и смеялись. Мне ужасно хотелось «показать ему нос», но я все же сдержалась!

Когда мы приехали в Луганск, к моему страшному огорчению, оказалось, что поезда нет: корпус был переброшен к Екатеринославу на махновский фронт, и наш поезд ушел за ним. Надо было снова искать возможности ехать туда. Мне было очень неловко перед гундоровцами, так как я не смогла сдержать обещания, но они сразу же поняли положение, и мы мирно расстались, а нам удалось скоро уехать и догнать поезд.

На махновском фронте были недолго и снова вернулись в

Луганск с тем, чтобы перейти в Косторную, где находился корпус, наступавший на Воронеж.

Перед выходом из Луганска было страшное волнение. В чем было дело, точно не помню. Говорили о том, что железнодорожное полотно спускается круто под гору и проходит через большой и густой лес, где прячутся большевики, которые могут на нас напасть или попортить путь. Почему-то больше всего волновались из-за тормозов. Судили, рядили и, наконец, на все тормоза вагонов поставили санитаров. Поезд был длинный, очень тяжелый: весь из пульмановских вагонов. Ехали мы со страхом, но все обошлось благополучно.

Но за несколько станций до Косторной нас остановили и приказали уходить обратно в Луганск. Объяснений не было дано никаких. В Луганске приказали грузиться, не только ранеными, но и больными, и взять возможно больше. Началось отступление.

Когда на поезде уже не было ни одного свободного места, мы медленно поползли на юг. Ехали довольно долго. Стояли на станциях.

Работы было очень много. Всеми силами старались держать все в чистоте, но большинство больных были в своем платье, и появились вши. Не доезжая до Ростова, заболели тифом четыре сестры и многие санитары. Работать стало очень трудно: персонала меньше и прибавились еще больные из своих. Заболевшие сестры лежали по своим купе. Наш хирург Сапежко еще раньше заболел легкими, и его заменили доктором Ложкиным, попавшим в Добровольческую армию недавно, когда взяли город, где он был земским врачом. Человек уже немолодой. Когда начали заболевать сестры, он испугался заразы и заперся в своем купе, из которого не выходил. Мы остались с одним младшим врачом, но и его редко удавалось уговорить пойти к больным.

Я не помню, когда мы пришли в Ростов и где провели рождественскую ночь. Я еще заранее на какой-то станции достала себе малюсенькую елочку и берегла к празднику. Сестры надо мной подтрунивали, говоря, что я занимаюсь такими пустяками в это страшное время. Мне удалось купить несколько яблок и леденцов. Хуже всего было со свечами: как я ни старалась, нигде не могла достать. Наконец купила толстую фонарную свечу у стрелочника.

В Сочельник я поставила елочку на столе в моем вагоне. Нацепила на нее вату, свечу разрезала на кусочки и тоже налепила на елку. Когда я ее зажгла, все больные, которые могли двигаться, столпились около меня. Лежачие старались смотреть со своих мест (это был вагон четвертого класса). Свои несколько

яблок я нарезала на кусочки и раздавала более здоровым, тяжелым же дала по леденцу.

Какие радостные и торжественные были лица у всех!!! Когда сестры узнали, что у меня елка, все прибежали в мой вагон. У нас действительно был праздник. И... праздник незабываемый!

Совершенно неизвестно было, куда наш поезд пойдет после Ростова. И потому четырех больных сестер перегрузили на другой поезд, который шел в Екатеринодар. Нас осталось всего три: Звегинцева, я и Каневская, кажется, Полтавской общины. Она перебежала в Добровольческую армию в Полтаве, когда наши туда пришли, и попала на наш поезд.

Пока мы стояли в Ростове, к нам прибежали двенадцать сестер Свято-Троицкого госпиталя, стоящего в Ростове: их старший врач не желал эвакуироваться и, очевидно, для спасения своей шкуры решил передать большевикам госпиталь в полном составе. Поэтому запретил сестрам выходить. Они же удрали и просили нашего старшего врача взять их с собой. Он сразу же согласился, но поставил условие, чтобы они работали с нами, тем более что мы втроем не могли справиться. Те сразу согласились. Мы их разместили в пустые купе эвакуированных сестер и, кроме того, каждая из нас взяла в свое купе еще по одной сестре. Работать стало много легче, и, что главное, мы могли делать все как полагается, а не кое-как, наспех.

Кроме сестер, к нам стали проситься и беженцы из Ростова: это были всё «бывшие люди» – дамы и мужчины. Доктор предоставил в их распоряжение пустой салон вагона, в котором я жила: половина его имела несколько купе, где жили сестры, а другая была без перегородок, совсем пустая. Туда-то и пустили желавших уехать. Их было человек пятьдесят. Разместились они на своих вещах, кое у кого были раскладные стулья.

Теснота у них была страшная. Этот вагон стоял в хвосте хозяйственных, персональских вагонов и кухни. За ним шла аптека, затем вагон операционный и еще дальше вагоны с больными. Сам «салон» с беженцами был у двери, к переходу в аптеку. Другими словами, через него весь день и даже ночью проходил весь персонал, носил еду и т. д.

Когда эти господа разместились и успокоились за свою судьбу, зная, что они уедут, они подняли голову: им не нравилось, что все ходят через их помещение. Сначала протестовали, а потом стали требовать, чтобы все сестры и санитары выходили из вагона и обходили их во время стоянок по перрону. Конечно, на это никто не обращал внимания, и мы продолжали ходить, как и прежде.

Тогда делегация от беженцев пошла к старшему врачу с

требованием запретить сестрам ходить через них: это им мешает!

Доктор их требование, конечно, отклонил. Получив отказ от доктора, они стали не оставлять прохода, ставя там свои вещи и сядя на них. Страдающими оказались они, так как мы продолжали ходить и перебираться через них, и в состоянии усталости и нервного напряжения, в котором мы были, делали это не очень деликатно.

Вши заедали нас все больше и больше. Никакие меры не помогали: мы завязывали туго косынку, подсовывали камфору, забинтовывали рукава и воротнички, тоже с камфорой, и т. д., но все было ни к чему. Раз, когда я стояла в своем вагоне, меня подозвал лежащий на верхней койке больной офицер, сказал, чтобы я подошла ближе, и стал вынимать вшей из бровей. Беженцы, конечно, этих вшей боялись больше всего и еще больше взъелись на нас. Кончая работу, мы вешали наши халаты на крюках против своего купе. Беженцы потребовали, чтобы мы их брали к себе – этого, конечно, мы сделать не могли, но, вняв их просьбам, повесили халаты в уборную.

Но когда утром мы пошли за халатами, их на вешалке не оказалось. Они валялись затоптанными, грязными на полу в уборной. Всего этого оказалось мало. Эти «господа» стали требовать у старшего врача, чтобы их переселили в купе, говоря, что совершенно недопустимо, чтобы какие-то сестры жили по две в купе, а они сидят на чемоданах, что сестер надо потеснить и уступить место им. Конечно, и это требование не было удовлетворено. Слава Богу, проехали они у нас не очень долго и в Батайске куда-то испарились.

В Ростове нам еще прибавили больных. Все было забито. В вагонах четвертого класса на поднятых койках вместо двух лежало четыре человека. Лежали и на площадках. Первые дни, когда начали работать сестры Свято-Троицкого госпиталя, кое-как справлялись, но они почти сразу же стали заболевать, и их двумя группами эвакуировали в Екатеринодар.

Когда мы из Батайска двинулись дальше, из сестер остались три коренных и три свято-троицких.

В конце концов нас направили в Екатеринодар. Но там все так было забито больными, что нас не разгрузили. Я сбегала в свой Кауфманский госпиталь (3-й) и упросила взять несколько человек, оставшихся мы повезли дальше. Об эвакуации тогда еще не думали, и нас направили в сторону Минеральных Вод с тем, чтобы мы где-нибудь разгрузились.

На нескольких кавказских станциях мы пытались разгрузиться, но везде получали отказ. На одной только у нас взяли несколько человек. По дороге многие умирали. В

Минеральные Воды нас не приняли, и мы поехали обратно до Кавказской и повернули на Ставрополь.

Все время надо было держать вагоны запертыми на ключ, так как больные в бессознательном состоянии убегали. Раз разбежалось несколько человек – кто одетый, а кто и просто в белье. Они бегали, бродили по станции. С трудом всех переловили и водрузили обратно. Из-за того, что все же кое-кого мы сгрузили, и из-за большой смертности в поезде стало свободнее, каждый имел свою койку.

Но заболело еще четыре сестры и младший врач. На весь поезд из медицинского персонала осталась одна свято-троицкая сестра Махоткина и я. Заведующий хозяйством был тоже болен, и его заменила его жена, которая до того была его помощницей. Старший врач продолжал сидеть в своем купе.

При таком положении ни о какой нормальной работе нечего было и думать. Уход за больными сестрами взяла на себя заведующая хозяйством, очень милая дама. А на нас двоих лежал уход за всем поездом, где все, без малого исключения, были сыпнотифозные. Много очень тяжелых, много «дурачков», которые пытались убегать и делать глупости.

Мы разделили поезд пополам. Ночью, конечно, никто не дежурил. Оставались один или два санитары на всех, так как они тоже почти все были больны. Днем их было немного больше. Утром, когда мы вставали и шли на работу, мы сверху халатов надевали кожаные куртки и, проходя через аптеку, наполняли карманы всем необходимым (клали лекарства, градусники, шприцы, камфору, морфий) и начинали обход – каждая в своей части поезда. Смотрели пульс, иногда мерили температуру, впрыскивали кому камфору, иногда морфий, давали лекарства и кончали обход к обеду. После обеда до вечера проделывали то же самое. Вот все, что мы могли сделать.

Так доехали до Ставрополя, где начали разгружаться. Доктор решил оставить там и всех четырех больных сестер – мы воспротивились!

Махоткина, как чужая поезду, говорила мало, но я с доктором сцепилась и сказала, что сестер не отдам. Сами они тогда еще не совсем потеряли сознание и умоляли меня их не отдавать. Сражение со старшим врачом у меня было серьезное. Я с ним разговаривала не как сестра со старшим врачом, а по меньшей мере как равная. Весь этот кошмарный месяц он сидел, спрятавшись в купе. Солдаты и офицеры болели, умирали, заболели почти все сестры, много умерли. И к концу рейса вся тяжесть работы и ответственности лежала на мне и Махоткиной. Если бы это было в наших силах, то мы бы никого в Ставрополе

не оставили, но это было невозможно. Но сестер я ему не отдавала. Наконец он сказал, что сделает так, как они сами захотят, и что пойдет их спросить.

Я успела забежать раньше его и их предупредить. Я очень боялась, что в полусознании они согласятся остаться. Наша Звегинцева и две свято-троицкие не согласились. Но маленькая Каневская из Полтавы осталась. Я при уговаривании старшего врача не присутствовала. Не знаю, почему она это сделала. Согласилась из-за слабости и потери сознания или сама захотела, думая попасть к себе домой (она недавно в Добровольческой армии, и все ей было чуждо, она никого не знала)? Я сама отвезла ее в госпиталь. Ее положили в отдельную палату. Больше о ней никаких сведений не было.

Поезд пошел обратно по направлению к Екатеринодару. Сестра Махоткина и я были этому страшно рады, так как уже выбивались из сил и волновались за больных сестер, за которыми мы могли теперь сами ухаживать. Мы были счастливы, что остались до конца здоровыми: ведь если бы мы слегли, что бы было со всеми больными? Но не прошло и двух дней, как Махоткина заболела. Я осталась одна. А на другой день я почувствовала, что заболеваю: поднялась температура. Я сейчас же сказала жене заведующего хозяйством, что я тоже больна, и попросила ее ухаживать за сестрами. Для себя я все приготовила в своем купе: поставила на столик питье, градусник, лекарства и т. п. и улеглась. Я определила, что у меня возвратный тиф, так как сыпной у меня уже был в Румынии.

Пролежала я с высокой температурой несколько дней. Меня навещала жена заведующего хозяйством. Потом температура резко упала, и я убедилась, что не ошиблась в диагнозе.

В это время мы дошли до станции Кавказская. Каково было мое удивление и негодование, когда я узнала от старшего врача, что мы в Екатеринодар не идем, а поворачиваем снова на фронт, к Ростову! Доктор Ложкин мне сказал, что он послал телеграмму в Главное управление Красного Креста, сообщив, что больные разгружены, поезд в полном порядке и готов к следующему рейсу. У меня началось новое с ним сражение. Это был не санитарный поезд, а грязный хлев. Без персонала, без продуктов, без перевязочных средств и без лекарств: все было использовано во время этого бесконечного рейса. Но доктор уперся, решил ехать в Ростов, взяв с собой четырех больных тифом сестер и меня. Это повторялась история Свято-Троицкого госпиталя: доктор решил перейти к красным с поездом и сестрами, желая спасти себя. Когда я это поняла, я ему сказала, что, если он хочет ехать, пусть едет, но сестер я ему не дам.

Как раз рядом с нами стоял перегруженный больными военно-санитарный поезд, который шел в Екатеринодар. Я стала требовать, чтобы сестер перенесли туда. Доктор долго не соглашался, но в конце концов уступил. Тогда я сказала, что поеду их сопровождать. Он мне категорически запретил. Начались новые споры: я ему доказывала, что сама больна, что и мне надо в госпиталь, что работать я больше не могу. Но он объявил, что я абсолютно здорова, что все это мои выдумки, хотя во время моего первого приступа он ко мне и не заглянул, как вообще ни к одному больному. Но я не уступала. Уступил он, но потребовал от меня, чтобы я дала честное слово, что, как только я сдам сестер в госпиталь, я в тот же день поеду обратно на поезд. Я совершенно спокойно ему ответила: «Даю слово вернуться, если буду здорова». Я знала, что больна, и ничем не рисковала. Доктор мне разрешил, но сказал не брать вещей ни в каком случае.

Я не протестовала и сразу же пошла на соседний поезд и попросила нас взять. Затем быстро уложила все свои вещи и попросила санитаря незаметно от доктора Ложкина отнести их в купе больных сестер. Сама же пошла к ним, уложила все их имущество, и тогда санитары перенесли их вещи, захватив и мои.

Хотя соседний поезд был переполнен больными, моим сестрам дали по койке. Вагон был третьего класса, без купе, и между отделениями были только низкие перегородки. Мы получили три места в одном отделении – два внизу и одно наверху, а четвертое внизу в соседнем отделении, за нижней перегородкой. Так что, в общем, были все вместе. На нижнее место в соседнем отделении я положила сестру Звегинцеву: она была почти без сознания, но лежала спокойно. В первом отделении наверху я устроила сестру Махоткину, которая была еще в сознании, а внизу на две койки положила сестер Г. и П...скую (фамилии я забыла). Они бредили, метались, и их надо было держать, чтобы они не упали на пол; я весь проход заложила нашими вещами, а сама забралась на них, чтобы было легче сдерживать сестер. На другой верхней полке лежал солдат.

Перебрались мы в этот поезд еще днем, но только вечером пришла сестра поезда. Она очень обрадовалась, увидя, что я сопровождаю своих, и сказала, что у них почти весь персонал лежит, а здоровые не успевают ничего сделать.

Поэтому она мне показала, где находится шприц и все необходимое для уколов, и попросила, чтобы я сама делала все, что надо. В вагоне не было даже санитаря, и за всю дорогу никто в вагон даже не заходил. Я сказала сестре, что раз я еду, то буду следить за всеми и что она может сюда не заходить. Я занялась уколами, сначала сестрам, а затем обошла всех больных, кое-кого

уколола, сделала что могла и уселась на чемоданах.

Наступила ночь, в вагоне почти темно; где-то в одной стороне горел слабый свет. Сестры метались и все время скатывались на чемоданы. Держать их обеих не было возможности, да не было больше и сил. Тогда я легла между ними на наши вещи: таким образом, им некуда было скатываться. В конце концов они навалились на меня с двух сторон и лежали уже тише. Но тогда я начала чувствовать, что меня заедают вши: они ползли сплошной массой по шее и по лицу. Я не могла двинуться, чтобы не потревожить сестер, и только ладонью сгребала вшей с лица и бросала вперед, к ногам. Их было так много, что я действительно снимала их слоями со своего лица.

Как только наступило утро, я осторожно выбралась, пошла в уборную, разделась и стала стряхивать вшей в умывальник, но воды не было: она замерзла, и белая чаша умывальника стала черной – она сразу же покрылась слоями вшей. Поезд шел довольно быстро, и днем мы уже были в Екатеринодаре.

Глава 6

В отпуске по болезни

Возвратный тиф

Я отвезла своих больных в эпидемический госпиталь, где лежали все наши сестры, заболевшие раньше. Места там не было: во всех коридорах лежали даже на полу и вперемешку мужчины и женщины, ожидая места в палате. Но сестер все же устроили в женские палаты. Когда они были приняты, я попросила, чтобы взяли и меня, сказав, что у меня возвратный тиф и скоро начнется второй приступ. Мне измерили температуру – она была нормальной, и меня не приняли, но сказали, что если она поднимется, то я могу прийти и меня примут. Я пошла к Ане, которая жила со своей подругой Татьяной Стуловой. Они занимали комнату с кухней в большой пустой квартире, где не было даже мебели.

Аня меня отвела в пустую комнату, положила на пол бумаги, принесла таз с горячей водой. Так что я смогла наконец вымыться, переодеться и уничтожить множество вшей. Бумаги с пола мы все сожгли. Ночевала я отдельно, тоже в пустой комнате на полу, чтобы не занести Ане вшей.

Утром у меня поднялась температура, и Аня на извозчике отвезла меня в госпиталь. Меня сейчас же приняли, вымыли в ванне, под машинку остригли волосы и отнесли в палату. Из наших сестер там лежала сестра Г.: она страшно бредила, металась и через два дня скончалась. Потом я узнала, что умерла сестра П...ская, которую я тоже привезла. Наши сестры все поправились, а из свято-троицких половина умерло, среди них две сестры Рейтмигер. Я думаю, что мы все не так скоро заболели и выдержали тиф, потому что привыкли к работе в походе и кое-кто из нас побывал на фронте – мы постепенно втягивались в эту страшную работу и обстановку, в которой очутились около Ростова. Может быть, и первые, редкие укусы вшей дали нам некоторый иммунитет, тогда как свято-троицкие сестры, работавшие в нормальном хирургическом госпитале, попали в зараженный, грязный, переполненный поезд на тяжелую работу, когда с первой же минуты их стали массами заедать вши.

Тиф у меня был в очень тяжелой форме, и мне все время впрыскивали камфору. Во время второго приступа я сознания не теряла, но во время третьего говорила глупости и бредила. Между вторым и третьим приступами я была настолько слаба, что уже не

могла вставать с постели, и меня перекладывали санитары на носилки, чтобы ее перестелить.

Аня приходила несколько раз меня навещать и, помню, приносила сосать апельсины, которые она где-то доставала. После третьего приступа, когда я немного пришла в себя, доктор хотел мне влить силоварзин. Оказалось, что приступов может быть намного больше, чем три, а силоварзин сразу прекращает болезнь, но я узнала, что, прекращая болезнь, он уничтожает иммунитет, и можно снова заразиться. Поэтому, хотя доктор очень настаивал, я не согласилась. И хорошо сделала, так как четвертого приступа не было. Постепенно я начала поправляться, но очень медленно. Сыпной тиф в Румынии прошел у меня гораздо легче.

В Туапсе на поправку

Наконец 5 февраля меня выписали и дали отпуск на поправку. Аня отпросилась на несколько дней на службе и повезла меня в Туапсе. Я еще не твердо держалась на ногах. До вокзала мы доехали на извозчике, а там Аня взяла мои вещи, у меня же было в каждой руке по маленькому мешочку. Давка на платформе была ужасная! Мы отправились к офицерскому вагону. Там тоже с боем забрались в вагон. Аня энергично проталкивалась вперед, все время меня подбадривая, чтобы я не отставала. Но два моих мешочка в руках цеплялись за окружающих и не давали мне двигаться: они стали казаться невероятно тяжелыми и тянули меня вниз. Я же ни за что не хотела их выпустить из рук. Сил больше не было, я упала среди толпы и громко расплакалась. Послышался дикий голос Ани, подхваченный многими другими: «Сестру задавили! Сестру задавили!!!» Сразу все расступились, меня подняли на руки и внесли в вагон, сейчас же мне уступили целую койку внизу. Но я попросила положить меня наверх, где спокойнее, а внизу будет больше места. Так и сделали. Я стала засыпать под оживленные разговоры Ани, сидящей внизу с офицерами.

В Туапсе мы благополучно добрались до своих, живших недалеко за городом у лесничего. Нас накормили, уложили спать, с тем что на другой день Аня поедет обратно в Екатеринодар. Я была еще настолько слаба, что туапсинский период плохо помню: есть даже провал в памяти. Записать все очень трудно.

На другое утро Аня уехала обратно в Екатеринодар. Мы с папой проводили ее до поезда, папа устроил ее в офицерский вагон, где было много народу. Он обратился к старшему из офицеров и попросил взять Аню под свое покровительство, тот

папе обещал и сказал, чтобы папа не беспокоился – Аня будет благополучно доставлена в Екатеринодар. Это был полковник Генерального штаба барон Ш. Фамилию, к большому сожалению, забыла. Возможно, что Штакельберг, но не Штромберг, не Штемпель и не Штенгель. Это был человек средних лет, не очень высокий и полный.

Зеленые

На другой день после обеда папа и тетя Энни спустились в город. Я осталась одна с лесничим и его семьей, которая состояла из его жены, сестры жены и ее сына, добровольца-кадета Миши, лет пятнадцати-шестнадцати, приехавшего в отпуск. Дом лесничего стоял одиноко на склоне горы, над городом. Задняя сторона, где был вход, выходила в лес, поднимающийся в гору. Передняя часть была открыта и смотрела вниз на город.

Вскоре после того, как ушли папа и тетя Энни, с гор из леса начали стрелять из ружей в нашем направлении. Стрельба все усиливалась, приближалась, и пули стали попадать в дом. Мы сообразили, что это зеленые. Сейчас же стали прятать вещи, а кадет Миша и я заволновались из-за своих документов, форм, значков и т. п. Спешно куда-то все рассовали и, так как в доме опасно было оставаться, мы все спустились в большой подвал, где был склад продуктов для лесничества.

Заложили окна мешками с мукой. Миша захватил с собой свечку, и мы с ним, сидя на полу, жгли самые компрометирующие документы, добровольческие значки и т. п. Самым страшным было – это Мишина винтовка, которую не успели никуда забросить и только положили на полу на балконе. Патроны он бросил в уборную, ему за это попало, так как вода не могла проходить и их легко могли найти.

Сколько времени мы сидели в подвале, не помню, но в конце концов стрелять в дом перестали, и мы услышали, что зеленые его обошли и стали стрелять по городу, усевшись под противоположной стеной дома. Тогда мы поднялись наверх и стали ждать. Но не долго!

Вошли два или три человека с обыском. Сказали, что ищут оружие. Искали они тщательно, но ничего не брали. Я под свой матрац спрятала кусок материи, который мне выдали на форменное платье, и еще что-то. Когда один из них («кавказский человек») поднял матрац и вытащил материю, он на меня напал и стал кричать, что я напрасно прятала, что они честные люди, а не воры и грабители, как добровольцы! Меня это так обидело, что я упала на кровать и громко расплакалась.

Он подошел ко мне, стал хлопать по плечу и меня успокаивать. Очевидно, что это действительно был неплохой человек, случайно попавший к большевикам. Этим обыск в нашей комнате кончился.

У лесничего было, конечно, страшное волнение: там обыскивали серьезнее и все время повторяли, что если найдут оружие, то Мишу расстреляют. И когда они пошли на балкон, все думали, что уже конец, но мать Миши успела встать ногами на лежащую у стены винтовку и закрыла ее юбкой. Чудом они не заметили. И – ушли!

Папа и тетя Энни выждали окончание стрельбы в городе и с волнением вернулись обратно. Город был занят зелеными. Это было приблизительно начало февраля 1920 года.

Зеленые – это был авангард большевиков – вошли в город неизвестно откуда. Это еще не была их регулярная армия, но просочившиеся от них. Сразу же начались регистрации, аресты и обыски.

Провокация

Вскоре после того, как вернулись папа и тетя Энни, к вечеру, появилась Аня. Она была страшно усталая и взволнованная. Оказалось, что еще накануне, то есть в день ее отъезда из Туапсе, на какой-то станции в тридцати верстах от города их поезд был задержан спустившимися с гор большевиками. Офицеров всех сразу же арестовали, многие просили Аню им помочь и давали ей свои документы, деньги и ценные вещи. Но ее тоже захватили и заперли в какой-то сарай со всеми. Там они провели ночь. Пассажиров поезда тоже задержали на станции. Утром Ане удалось уйти. Кажется, она не была освобождена, но как-то улизнула. Перед уходом она вернула всем офицерам их вещи и бумаги.

Только полковник барон Штакельберг (м.б., иначе: не помню точно) отказался взять свой пакет денег, на громадную сумму, сказав, чтобы она унесла и спрятала у себя. С Аней ушел еще какой-то офицер в штатском – был ли он офицер? Неизвестно! Пошли они обратно пешком. Этот субъект имел драгоценности, кольца и брошки с бриллиантами. Не помню, что произошло, но этот человек хотел заставить Аню взять эти бриллианты или, когда она их ему возвращала, он настаивал, чтобы она их оставила у себя. Тип этот ей очень не нравился, она не уступила, и бриллианты остались у него. Домой она принесла только деньги полковника. Пока ее накормили и обо всем расспросили, было уже очень поздно. После всего пережитого так устали, что

решили деньгами заняться на другой день и найти, куда их спрятать, а на ночь забросили на шкаф в комнате.

Не успели мы заснуть, как пришли с обыском и сразу спросили, где у нас деньги. Мы ответили, что денег у нас нет, тогда начали обыскивать нашу комнату и почти сразу же полезли на шкаф и нашли. Они их забрали, больше ничего не искали, а в комнаты лесничего даже не заходили. Это было так неожиданно и непонятно!

Но на другой день все разъяснилось: полковник Генерального штаба барон Ш. в Туапсе занимал видный пост у большевиков, а тип, который шел с Аней до Туапсе и говорил, что он офицер, оказался комиссаром.

Эти два субъекта все устроили и хотели Аню спровоцировать. Дальше я помню очень смутно и многому не была свидетельницей, знала из рассказов тети Энни и папы. На другой день после Аниного прибытия и обыска полковник Ш. прислал за деньгами. Ему подробно объяснили, что произошло, но полковник Ш., не появляясь сам, все более настойчиво стал требовать и начал угрожать, обвиняя Аню в краже или передаче денег кому-то другому. Он передал это дело в специальную комиссию, во главе которой был тип в штатском, провожавший Аню и совавший ей свои бриллианты. Дело приняло очень серьезный оборот.

К счастью, это была еще не настоящая советская власть, а отдельная группа, которая еще не чувствовала свою силу и действовала не так быстро. Но тем не менее комиссар, угрожая, начал вызывать Аню к себе. Но как-то удавалось оттягивать, и она не ходила. Боялись ареста; Аня страшно переживала, волновалась, и ей было очень тяжело все это.

Она с таким чистым сердцем и от всей души старалась помочь офицерам в вагоне, пряча их документы и деньги, а ее стали забрасывать грязью и угрожать. Положение стало безвыходным: получили еще бумагу от комиссара и боялись, что на другой день ее арестуют.

Но в этот день она заболела тифом, и ее отправили в заразный лазарет, находившийся в бараках на пустыре перед вокзалом. Ей дали отдельную комнату и разрешили мне оставаться с ней.

Заразилась Аня ночью в сарае, куда была заперта с офицерами и где их заедали вши. Тиф сразу же принял тяжелую форму: все волнения последних дней сильно сказались. Аня сразу же стала терять сознание, бредить и метаться. Она то лежала тихо, то вскакивала с безумными глазами и кричала: «Они идут, они хотят нас расстрелять! Беги! Беги!» Хватала меня и старалась

спрятать под подушку, потом снова затихала. Так длилось несколько дней. Я все время сидела или лежала около нее.

Раз днем она лежала спокойно, и я сидела рядом. Вдруг она вскочила, оттолкнула меня, перебежала через комнату, пробила окно и бросилась в него. Все это произошло в каких-нибудь две-три секунды. Но я успела вскочить и схватить ее за ноги. Она уже успокоилась и была в полубесчувственном состоянии. Я едва смогла дотянуть ее до кровати и уложить. К счастью, ни руки, ни голова не пострадали, была только большая, но неглубокая рана на бедре от пореза стеклом.

В этот же день или на следующий к Туапсе подошел наш добровольческий миноносец «Беспокойный» и начал обстреливать вокзал: снаряды летели через нас и рвались совсем близко. Я думала, что Аня совсем сойдет с ума: она так металась, рвалась убежать, что я едва-едва могла ее удержать. Ведь после моей болезни сил у меня было не так уж много.

Когда обстрел кончился, я побежала домой и попросила перевести Аню в другое место: там оставаться было невозможно! С большим трудом удалось ее устроить в местную больницу, где ей дали маленькую комнату и тоже разрешили мне остаться с ней.

Больница была далеко от вокзала, и я там не была одна, как в бараке. Мне всегда могли помочь, доктор был очень внимательный, но почему-то ни разу не впрыснул ей камфоры. А ей, по-моему, это было необходимо. Хотя сердце работало хорошо, но при страшной температуре и всех физических усилиях, которые Аня делала, чтобы убежать, оно должно было устать – чем дальше, тем больше она буйствовала. Я уже больше не могла ее удержать на кровати, у меня так разболелась спина, что я почти не могла нагибаться и становилась на колени на пол, чтобы делать ей то, что надо. Наконец доктор решил ее привязать к кровати. Ее привязали широкими полосами материи, через ноги и через грудь. Но она умудрялась оттуда выползть.

Сколько длилась ее болезнь – не знаю. Но наконец дело пошло на поправку, и ее выписали. Она была похожа на мальчишку: длинная, худая, с бритой головой. Дома она начала быстро поправляться. Перед болезнью у нее была шапка вьющихся волос. Она их в Екатеринодаре начала подстригать.

Под властью большевиков

Пока я была с Аней в госпитале, я почти ничего не знала о том, что делалось в городе и у наших. И только когда мы вернулись домой, тетя Энни и папа все нам рассказали. У меня

есть папины краткие записки, написанные уже в Мессине, и по ним кое-что могу восстановить.

В городе начались обыски, регистрации, аресты. У нас тоже обыскивали и понемногу отбирали последние вещи. Драгоценности, которые папа выкопал в Москалевке, были заново зарыты в лесу лесничества и остались целы. Но часть документов и вещей отдали на хранение нашему верному рабочему – Виктору Шевченко, который приезжал нас проводить. Уезжая из Туапсе совсем, все это не удалось получить, так как город был отрезан и Виктор приехать не мог!

Папу тоже вызвали на регистрацию, тетя Энни его одного непустила и пошла сама с ним. Они не знали точно, куда идти, пошли в штаб большевиков и случайно там наткнулись на начальника штаба, с университетским значком. Они расспросили, в чем дело. Тетя Энни выступила с объяснениями: сказала, что папу вызвали на регистрацию, но что он много лет уже в отставке, никогда не воевал, живет у себя в деревне, занимаясь дровами.

Начальник штаба объяснил, куда идти, и позвонил по телефону какому-то товарищу Сафонову, что папа идет к нему, чтобы он не задерживал и произвел регистрацию.

Когда наши выходили из штаба, они увидели вооруженную толпу солдат, которые вели какого-то несчастного старика. Оказалось, что это генерал Бруевич, командующий гарнизоном Туапсе. Он был так избит, что не мог идти, и шел, согнувшись, опираясь руками о землю. Вид его произвел самое тяжелое впечатление, и тетя Энни сказала: «Какой несчастный». Это очень не понравилось солдатам, и они ответили: «Это не несчастный, это генерал Бруевич, который подписывал смертные приговоры, и мы ведем его на суд!»

Папа был в штатском платье, но кто-то из толпы обратил на него внимание и крикнул: «Я узнаю этого человека, это переодетый генерал! Возьмем его с собой!» Папа ответил, что идет на регистрацию и с ними не пойдет. Но на это не обратили внимания и стали кричать: «Нечего его слушать, берем его с собой!» Положение было отчаянное. Но тетя Энни, не потерявшая присутствия духа, крикнула: «Начальник штаба нам приказал идти на регистрацию к товарищу Сафонову, и мы должны идти туда!»

К счастью, тетя Энни услышала и запомнила эту фамилию, очевидно, важной персоны, потому что солдаты сразу же успокоились и отпустили папу, но их старший назначил двух конвойных, чтобы те следили за тем, чтобы папа не сбежал.

Так они дошли до товарища Сафонова, которому конвойные объявили, что привели двух арестованных, но папа сказал, что это

неправда, что они пришли сами, по указанию начальника штаба, на регистрацию.

Сафонов, который знал о папе от начальника штаба, отправил конвойных и затем сказал тете Энни и папе, что они свободны. Они ушли и сами не верили, что так отделались: не будь тети Энни, папу арестовали бы и бросили в тюрьму, как всех остальных.

Почти весь туапсинский гарнизон был уже арестован, а с ними и все случайно жившие в Туапсе офицеры и даже отставные. Все они сидели в страшной тесноте в туапсинской тюрьме. Каждый день выводили по несколько человек в пригород Вельяминовка, заставляли их рыть могилу, а затем расстреливали.

Вскоре снова пришли к нам с обыском, ничего не нашли, но приказали папе идти с ними на какую-то новую регистрацию. Тетя Энни, как всегда, пошла с папой. Их провели в какое-то подвальное помещение (бывший винный погреб), переполненный задержанными офицерами. Среди них оказались генерал Пестружицкий и генерал Афанасьев, мужья двух подруг тети Энни – Лулу и С. Вас. Афанасьевых.

Посередине подвала, на возвышении, стоял стол, за которым сидели какие-то люди и вели допрос. Впечатление было отвратительное. Перед папой никого из допрашиваемых не отпустили и куда-то их отправляли. Когда очередь дошла до него, начались обычные вопросы; папа на все отвечал, сказав, что давно живет в Туапсе и поставляет дрова населению. Это, очевидно, им понравилось, и они папу отпустили.

Тетя Энни, которая поджидала на улице, конечно, страшно обрадовалась, и они потихоньку пошли домой. Другие два генерала были посажены в тюрьму. Так шли дни за днями – в ожидании нового допроса, ареста и в волнениях за Анино здоровье. Когда мы с ней вернулись из больницы, Аня стала очень быстро крепнуть.

В Туапсе в то время оказалась одна моя гимназистка – Лида (де) Опик (теперь Родзянко). Она самоотверженно, с большим риском для себя, умудрялась получать пропуск в тюрьму. Она каждый день туда ходила, приносила еду, которую доставала, где могла, и старалась, чем можно, помочь заключенным. В подвале дома лесничего был большой склад продуктов. Главным образом муки и сала. К нему большевики поставили часовых. Но Аня почти каждый день туда проникала, как-то обманув часовых, и утаскивала куски сала, которые передавала Лиде, а та несла в тюрьму.

Владычество большевиков длилось у нас немного больше

месяца. И наконец мы стали замечать, что они стали менее свирепыми и понемногу стали куда-то исчезать.

Мы узнали, что от Армавира идет наша армия. В одно прекрасное утро увидели наших добровольцев. Но радость была небольшая: мы узнали, что это отступление и что за ними идет вся Красная армия. Мы очень боялись за судьбу сидевших в тюрьме: большевики, уходя, могли всех расстрелять. Они так и хотели, но ночью один из караульных открыл дверь и всех выпустил.

Многие части наших войск в городе не задерживались и уходили прямо на юг, на Сочи. Мы поняли, что нам предстоит эвакуация. За войсками стали приходить беженцы, главным образом с Кубани, и калмыки. Эти последние приходили целыми семьями, на своих повозках и ведя коров и лошадей, – все это запрудило город. У нас на побережье ни пастбищ, ни лугов не было; даже в нормальное время было трудно купить сена: каждому едва хватало на его пару лошадей.

А когда пришла конница и беженцы со своими лошадьми и коровами, через день уже ни клочка сена достать было нельзя.

Части казаков погрузили на пароходы, и их лошади остались на берегу. Они стояли голодные, качались, падали и многие подыхали. Калмыки бегали всюду, умоляя накормить их лошадей. Многие старались продать их за гроши, лишь бы их спасти: мне предлагали повозку и трех лошадей почти даром, – но на что они были нам тогда нужны? Мы с Аней стали ходить на берег и уводить лошадей за город. Но многие были так слабы, что не шли за нами. Нам удалось найти торбу с овсом. Дело пошло лучше: мы показывали торбу лошадям, и они плелись по несколько штук за нами. Так мы вывели их немало в лес.

Аня совсем окрепла и чувствовала себя совсем хорошо. 15 марта, за несколько дней до эвакуации, в Туапсе вошел миноносец «Дерзкий», на котором Петя был сигнальщиком. Мы с ним виделись не много, так как он был очень занят. Раз мы наблюдали, как он, стоя на берегу в порту, быстро сигнализировал флагами и переговаривался таким образом с миноносцем. Два последних дня перед нашим отъездом мы с Петей не виделись. Петя думал, что мы эвакуируемся на «Хараксе», и случайно увидел нас на «Duchafault», когда мы проходили мимо «Дерзкого». В эти дни миноносец ходил каждый день на фронт – к нашей деревне Небуг и к более дальней Ольгинке. Они обстреливали побережье, шоссе и даже в одном месте разбили ольгинский кордон. Вернулся Петя с Кавказского фронта только 9 апреля. (О смерти Ани, о чем я расскажу ниже, он узнал только по возвращении в Севастополь.)

Когда мы узнали, что начинается эвакуация, мы записались, и нам было назначено грузиться на пароход «Харакс», который шел в Феодосию. Начали спешно укладывать свои пожитки, как накануне отъезда Аня снова заболела: у нее поднялась температура, стало болеть горло...

Мы все же готовились к отъезду и перевезли часть вещей, но к ночи Ане стало хуже, температура больше 40 градусов, страшно распухла шея, и она стала задыхаться. Доктор не мог определить, что у нее. На другой день, когда надо было грузиться, ей стало еще хуже; доктор сказал, что ей нельзя ехать. Положение наше было отчаянное: ни папе, ни мне оставаться было нельзя! А что ждало тетю Энни с Аней во власти большевиков? Да если за ними придет барон Ш.? Все же тетя Энни сказала, чтобы мы уезжали, а она останется с Аней. Аня умоляла ее не оставлять, но мы с папой все же ушли в последний момент.

За городом уже была слышна стрельба: многие пароходы уже уходили. Мы с папой попали в переполненную, душную кают-компанию, едва нашли место, чтобы сесть. Думали, что сейчас отчалим, но время проходило, и «Харакс» не двигался. Уже наступил вечер. Люди томились, сидя на своих вещах. Папа все время молчал, и я видела, как он волнуется. Я сидела молча и решала, правильно ли мы сделали, оставив Аню и тетю Энни у большевиков. Я боялась за папу, зная, что с его здоровьем и больным сердцем он не выдержит этой разлуки навсегда, не имея даже возможности получать какие бы то ни было вести; кроме того, только тетя Энни могла так за ним ухаживать и так его оберегать. А Аня и тетя Энни? Одни у большевиков? Без копейки денег, без вещей (так как все было уже погружено с нами) и при болезни Ани. Их обеих на другой день могли посадить в тюрьму хотя бы уже потому, что мы с папой уехали. Если Аня не выдержит и тетя Энни останется одна? Ее жертва будет напрасна! Погибнут все: они две и папа. А брать Аню с собой? Доктор сказал, что опасно! А что опаснее – брать или оставлять? Я сидела и думала, думала. На папе лица не было: он молчал и тяжело переживал. Что он думал? А «Харакс» не уходил. Наконец я решилась и сказала папе: «А не пойти ли за нашими?» Папа сразу ожил и сказал, чтобы я скорее за ними шла и привела их на пароход.

Я побежала. Узнала, что пароход еще не отходит, нашла какую-то повозку и быстро, уже ночью, доехала до лесничества.

Тетя Энни сидела около Ани, которая очень волновалась и все просила ее увезти, говоря: «Я лучше хочу умереть, чем остаться у большевиков!» Она очень обрадовалась моему появлению. Тетя Энни со страхом услышала наше решение,

говоря, что Аню взять нельзя. Все же мы сразу ее подняли, положили на телегу и довели до пристани. В кают-компании ее устроили лежать. Но видно было, как ей тяжело дышать. Так мы провели ночь и начало дня.

Вдруг папа увидел входящую в порт французскую канонерку «Duchafault», которая пристала недалеко от нас. «Харакс» еще не уходил, и папа пошел к командиру канонерки Lieutenant de vaisseau Charles Aubert^[14], попросить, чтобы он нас взял с собой. Он сразу согласился, и мы перебрались туда. И командир, и офицеры удивительно сердечно к нам отнеслись и старались, как могли, нам помочь. Командир уступил папе и тете Энни свою каюту, а один из офицеров – Ане и мне. Аню сейчас же там устроили. Она была так счастлива и говорила, что ей стало гораздо лучше. Правда, опухоль на шее стала спадать и температура понизилась. Когда вечером командир нас пригласил с ними пообедать, Аня, которая есть не хотела, все же пошла и сидела в кресле у стола. После обеда мы ее уложили спать.

Она, прощаясь со всеми на ночь, сказала, что ей так хорошо, что завтра она будет совсем здорова, а сейчас – только спать, спать.

Прощай, Аня!

В Туапсе наша канонерка взяла человек пятьдесят раненых. Командир попросил меня после обеда, как только я уложу Аню, спуститься к ним и быть переводчицей, когда их будет осматривать доктор или фельдшер (не помню). Мы как раз отошли от берега – слегка покачивало. Я пошла туда и пробыла часа два. Когда я вернулась в каюту, Аня спокойно спала и хорошо дышала. Я устроилась на полу, на ковре около ее койки. Потушила свет.

Сильно покачивало. Вдруг Аня громко меня позвала, сказав: «Скорей, скорей!» Я вскочила, думала, что ее тошнит, и подала ей тазик. Она его оттолкнула, и я увидела, что ей нехорошо. Схватила шприц, который у меня всегда был готов, и впрыснула ей камфору. Но не успела вынуть иглку, как она скончалась. Это было так неожиданно и так невероятно! Я стояла и смотрела: почти сразу же половина лица и тела покрылись кровоподтеками – сердце не выдержало.

Я побежала разбудить папу и тетю Энни. Они пришли. Так не верилось: ведь вечером она была почти здорова, ложилась спать и всех успокоила.

Папа был тверже всех, он сразу понял положение и сказал нам, чтобы мы никому ничего не говорили, пока не дойдем до

Феодосии. Как мы провели остаток ночи – не помню. Утром мы вошли в порт.

Аня умерла 21 марта 1920 года, двадцати одного года. Ее рождение – 18 августа.

Рано утром 22 марта папа пошел сообщить о том, что произошло, капитану, который принял близко к сердцу наше горе. Он сказал, чтобы мы не выходили из кают, пока он не скажет. И только когда в Феодосии сгрузили всех раненых, он нам сказал, что мы можем идти. Матросам он приказал сделать гроб: он был военный, французский, серо-голубой. Прямо с парохода мы отвезли Аню в часовню на кладбище и на другое утро похоронили. Крест поставили небольшой, деревянный, устроили могилку, обложили черепицей, посадили цветы. А на другой день должны были уже уехать к тете Наде Каракаш – в ее имение Вишуй, около Симферополя.

Потом два раза мне удалось побывать у Ани и подправить ее могилку. Раз была с Васей Черепенниковым. Был он там и без меня. Теперь, вероятно, от могилки не осталось и следа.

Странная Анина судьба: родилась во Владивостоке, и ей не было месяца, когда ее перевезли в Японию, в Нагасаки. Младенцем переехала два океана, пересекла Америку и скончалась в море, на французском военном корабле. Чем она заболела после тифа, так и осталось неизвестно. Сначала доктор думал, что это паротит – осложнение после тифа. Но опухоль была гораздо ниже, а кроме того, трудно было это предположить, так как я все время ей очищала рот, даже во время ее самых сильных припадков. Через два дня опухоль спала, что не могло быть при паротите. Конечная причина – сердце. Оно, очевидно, очень ослабело за болезнь, пока ей его не поддерживали, а все волнения, эвакуация его надорвали. Может быть, она простудилась и была какая-нибудь злокачественная ангина. Накануне она была счастлива и спокойна. Умерла почти во сне и ничего не сознавала. Это большое счастье для нее: оставаясь у большевиков, она бы погибла, конечно, и в больших мучениях.

Глава 7

Возвращаюсь к работе

Новые назначения

В имении у тети Нади Каракаш я пробыла недолго, там был и Женя (в отпуску из корпуса, Петя был в плавании). Вернулась в Феодосию, где меня временно назначили в заразный госпиталь для гражданского населения. Я все время хлопотала об откомандировании меня в Севастополь, где было Управление Красного Креста, чтобы получить назначение в военный госпиталь или отряд. С трудом мне это удалось. Папа и тетя Энни оставались жить в Бешуе, но, когда там стало опасно из-за зеленых, они перебрались в Севастополь. Там они получили комнату в морских флигелях, на Корабельной стороне. Мальчики были в корпусе.

Сначала в Севастополе никуда не назначали, оставили при Управлении и давали разные поручения и командировки. Сперва я работала в громадном складе на Мельнице Родоканаки, в медицинском отделе: туда приходили грузы из Америки, в громадном количестве. Затем неожиданно мне поручили устроить резерв для сестер на Корабельной стороне в одном из зданий Морского экипажа, где был Одесский госпиталь (старшая сестра Томашайтис). Работы у меня было очень много, начиная с войны со старшим врачом, который не хотел мне уступить нужное помещение, а затем уборка, доставка мебели, посуды, белья и т. д.

Когда все было готово, меня временно оставили там заведующей, и я стала принимать сестер и ими «управлять». Длилось это, кажется, всего неделю, так как приехала настоящая, постоянная заведующая и меня освободили от этой не очень приятной должности. Почти сразу же меня послали отвезти на пароходе в санаторию около Ялты тяжело больную туберкулезом (tbc) сестру Шлеммер. Она была уже немолодая. Это была дочь Кексгольмского полка (3-й Гвардейской дивизии в Варшаве) – турчанка.

Когда она была еще девочкой, во время резни на Кавказе (восстание курдов), ее спас полк, дал ей образование, она вышла замуж. В Крыму, когда я ее отвезла в санаторию, ей оставалось недолго жить. Довезла я ее благополучно, у меня оставалось время до обратного парохода, и я смогла сделать большую прогулку в те места, где когда-то мы жили на даче (Массандра,

Никитский сад).

Когда я вернулась, мне сразу же поручили отвезти имущество для формирующегося в Феодосии 3-го Передового отряда, который шел в десант на Кубань. Это было не так сложно, так как все было уже готово и почти уложено в ящики.

Я все приняла, погрузила на пароход и довезла до Феодосии – и там все передала начальнику отряда. Но в Феодосии был большой склад Красного Креста, и я должна была взять все, что могла найти нужного, для отряда, формировавшегося в Севастополе. У меня были списки того, чего не хватает. Я несколько дней рылась и возилась на складе. Затем все надо было уложить, доставить на вокзал, погрузить в вагоны. Эта командировка длилась довольно долго. По приезде в Севастополь я получила назначение в отряд, для которого привезла имущество, – в 1-й Передовой отряд Красного Креста.

В Феодосии ходила на кладбище к Ане. Сторож, которому я заплатила, когда переезжала в Севастополь, очень хорошо ухаживал за могилой.

Вернулась из командировки 23 июля и 24-го была назначена в отряд. Он был не такой подвижной, как мой прежний в Терской дивизии. Он был придан к 1-му корпусу и передвигался в вагонах. У нас были палатки, и мы могли раскидывать лазарет с перевязочной и операционной. Персонал был очень большой. Из врачей – начальник отряда Эдигер и два врача – Павленко (старший) и Дерюгин. Старшая сестра Верещагина – старая общинская, хозяйка – Томашайтис, бельевая – Готова, аптечная – Константинова, операционная – Ухова. Еще шесть сестер: Шевякова, Колобова, Васильева, Малиновская, Дроздовская и я. Потом прислали еще Рябову, а позже – Гойко и Назарову с мужем (его назначили письмоводителем).

Большинство сестер я хорошо знала, так что мы отправились дружно. 3 августа мы получили вагоны и погрузились, но не уехали, так как получили приказ задержаться. Потом оказалось, что большевики прорвались на железную дорогу и ее перерезали. Но 6-го вечером было разрешено выезжать. Провожала нас масса народу.

Выехали ночью, 7 августа, простояли весь день в Симферополе, и я ходила к Пете Кобылину (мой двоюродный брат, видела его и всю его семью). Когда мы вышли из Крыма, мы проезжали по мосту, где только что отбивались, прогнали и уничтожили красных. Трупы еще лежали по сторонам дороги. Дальше мы ехали, встречая отступающие базы поездов и лазареты, которые эвакуировали из Мелитополя.

Мы до Мелитополя доехали, но дальше нас не пустили, ввиду

отступления. Это было 10 августа. Настроение было тревожное.

Эдигер (начальник отряда) поехал вперед в Федоровку, в штаб корпуса. Ему сказали привести отряд туда. Прибыли мы в Федоровку 12-го утром. Это была маленькая, пустынная станция, но узловая. Кругом степь. В пакгаузе – эвакопункт. Мы сразу же пошли туда помогать, так как раненых было много. Отряд стал разворачиваться в Федоровке. Поставили палатки – большие для больных и отдельная для операционной. Сестры все в одной палатке. Кровати сложили из тюков соломы.

Стали сразу же принимать раненых, и только тяжелых. Из отряда была выделена летучка: в нее назначили младшего врача Дерюгина, сестру Васильеву, меня и нескольких санитаров. Мы должны были доезжать в вагонах до последней станции перед фронтом, забирать там раненых и привозить в отряд. За Федоровкой к фронту были только разъезд Плотородье и станция Пришиб.

Налеты «Ильи Муромца»

15-го вечером летучка пришла в Пришиб, сразу же погрузили в нее раненых, и Шура Васильева с частью санитаров повезла их в лазарет. Я осталась с доктором и четырьмя санитарями на пустой станции, чтобы принимать новых раненых. Улеглась спать в лавочке «Продажа съестных продуктов воинским чинам», на прилавке. В лавочке, как и вообще на станции, – ни души! И конечно, никаких продуктов. Ночь была очень холодная, и, несмотря на то, что я прошлую ночь дежурила в лазарете и очень устала, я не могла заснуть. Стала бродить в темноте по станции, мимо проходили отступающие обозы; сказали, что соседняя станция занята красными и недалеко стоит дежурный броневик. Было очень жутко. Мне казалось, что все ушли, а спросить было некого. Наконец я разбудила доктора, но он в полусне сказал, что ничего угрожающего нет, что все спокойно – и захрапел! Я дождалась утра, болела голова, хотелось спать, но привезли пять раненых марковцев, и надо было ими заняться.

Мы их уложили на полу под навесом, а сами устроились против них у другой стены и стали ждать летучку. Но вдруг прилетел аэроплан «Илья Муромец» и сбросил около самой станции несколько бомб.

Нам ничего другого не оставалось, как продолжать лежать на полу под навесом. После налета новых раненых не поступило, но несколько человек было убито недалеко от станции.

К вечеру вернулась Шура Васильева с вагонами. Погрузили раненых, я уехала с ними, а Шура осталась. Так мы работали все

время: вечером и ночью погрузка – одна уезжает, а другая остается с доктором. Если раненых не было, оставались обе. Уставали очень: через ночь не спали, а днем или работа, или тревога из-за налетов «Ильи Муромца». Он стал прилетать регулярно каждый день утром и вечером. Летел низко над самыми крышами, бросал бомбы и строчил из пулемета. Делал он это спокойно и безнаказанно: это был тыл, и только отдельные солдаты или офицеры стреляли из винтовок. Эти налеты и, главное, ожидание их страшно действовали на нервы. Все всё время прислушивались, особенно нервничали, когда он опаздывал. Но когда пролетит, все вздыхали свободно, спокойно жили до момента, когда он снова должен прилететь.

Положение было незавидное, так как наши вагоны оказались прицеплены к огнескладу и платформе с бензином и взрывчатыми веществами.

Раз ночью, как раз когда мы думали отдохнуть (раненых не было), загорелась броневая платформа, могла произойти катастрофа, но удалось вовремя затушить огонь.

Только когда мы приезжали в Федоровку, мы отдыхали в сестринской палатке до момента отъезда обратно. Но вскоре «Илья Муромец» стал долетать и туда. Как раз когда я там была, он набросал бомб около аэродрома. В это же время станция Пришиб, где стояла летучка, была обстреляна с красного броневика.

Нас после этого оттянули на разъезд Плодородье. «Илья Муромец» продолжал летать каждый день, но не всегда сбрасывал бомбы. Там была большая каменная мельница, и мы решили прятаться там, но ни разу туда не убегали.

Работы стало меньше. Часто мы обе оставались в летучке: доктору и нам обеим дали классный вагон, но какой? Маленький, дачный, третьего класса, проход посередине и по бокам короткие деревянные скамейки. На них мы должны были устраиваться на ночь. Один конец вагона был наш, а другой – доктора. С утра, когда не было работы, мы с Шурой сидели в одном конце, а доктор в другом. Вещей с нами почти не было. Делать абсолютно нечего. Сидели и ждали налета. Когда ветер или плохая погода, мы счастливы и спокойны. Так сидели, бродили около вагона целыми днями. Изредка позовет нас доктор со своей стороны и спросит: «Сестры, а не съесть ли нам кавунчика?» Тогда мы соединялись с ним, брали арбуз, хлеб и ели. Делали это по несколько раз в день: почти этим только и питались. Кухни у нас не было. Продуктов тоже. Достать ничего было нельзя. Когда мы ездили в отряд, привозили хлеба, арбузы доставали на месте. Так я пробыла в летучке до 24 августа, когда повезла партию больных

в отряд. Ночью из Севастополя пришла телеграмма из Красного Креста. Управление вызывало меня – в сопровождении одного санитаря я должна немедленно приехать в Севастополь. Объяснений не было никаких. Я сейчас же поехала за вещами в летучку, чтобы на другой день ехать по вызову. Я очень испугалась: сначала подумала, что меня вызывают, потому что с моими что-то случилось. Но то, что вызывали и санитаря, меня немного успокаивало. Все же никто ничего не понимал. Все недоумевали и даже не могли сделать никаких предположений. В этот же день, тоже неожиданно, приехала новая сестра Рябова, довольно противная. Она слышала, что меня вызывают, но тоже не знала почему. Я очень волновалась, но, с другой стороны, радовалась, что увижу своих. Я съездила в Плодородье за вещами, в ночь на 26-е вернулась в отряд и, не раздеваясь, легла спать на тюках соломы в сестринской палатке. Утром в неурочный час прилетел «Илья Муромец» и начал бросать бомбы. Все еще только просыпались и были не одеты.

География местности была такая: станция, на рельсах около нее длинный ряд огнесклада, потом все наши белые палатки – да так близко, что колышки для веревок были часто забиты под огнескладом. С другой стороны – аэродром. Дальше картофельное поле и две-три хаты. Паника началась страшная: все вскочили, в чем были, и понеслись по полю, а с аэродрома строчат из пулемета. Кто-то начал палить из винтовки. Все носились по картофельному полю без всякого смысла. Вид был потрясающий. Я одна была одета, так как приехала ночью и не раздевалась. Один доктор несясь без тужурки, с болтающимися подтяжками, застегивая брюки. Сестра Узова – босиком, прижимая к груди сапоги, Константинова куталась в платок, точно он ее мог запрячь. Все сестры были без косынок и без передников. Сестра Малиновская, жена начальника огнесклада, не нашла ничего лучшего, как спрятаться под вагон со снарядами. Я тоже унеслась со всеми, но остановилась недалеко под крышей хаты. Стоя там, я и наблюдала всю эту живописную картину.

Несмотря на то что бомб упало много и аэроплан долго строчил из пулемета, жертв не было.

Сестра Шевякова сейчас же сочинила слова на мотив: «Оружьем на солнце сверкая...» Постараюсь их вспомнить! Вот:

Пропеллером на солнце сверкая,
Под крики смятенной толпы,
В нас бомбы и пули бросая,
Появился прообраз «Ильи».
Старший врач, позабыв дисциплину,

За сестрами вслед убегал,
И за хатой, укрыв свою спину,
Гимнастерку, спеша, надевал.
А там, чуть подняв занавеску,
Грозил ему женский кулак,
И грозно шипела старуха:
«Убирайся, кадетский дурак».
Младший врач – он быстрее и проворней —
Улепetyивал всех впереди
И в картофельном поле удобно
На просторе надел сапоги.
Малиновская, с мужем поспоря,
Под вагон с динамитом вползла
И от страха, смятенья и горя
Там ни встать и ни сесть не могла!

А другая, спросонья и лени,
Ничего разобрать не могла
И шептала, запрятавшись в сене:
«Не могу умирать я одна!»

Распределяя американскую помощь

В этот день, 26 августа, мы с санитаром уехали в Севастополь. Вот что я узнала в Управлении Красного Креста: американцы прислали очень большое количество перевязочного материала и немного посуды для перевязочной. Но они заявили, что не отдадут все это ни в какие склады на управления, а желают непосредственно все передать в полковые околотки и полевые лазареты. Они не желают никаких промежуточных инстанций и просят им назначить серьезных и толковых сестер, с которыми они будут иметь дело, считая, что к нашим рукам ничего не приклеится. Среди этих сестер выбор пал и на меня. Но я в Севастополь опоздала: другие сестры уже все получили и уехали на фронт.

Я пробыла два дня дома и поехала обратно в Акимовку, где их и догнала. Мы должны были все раздать в три корпуса. Поэтому мы разделились по парам. Я и сестра Маслова, которая работала при Управлении, получили корпус генерала Барбовича. Со своими двумя вагонами и одним санитаром переехали на станцию Акимовка. Там думали застать Кубанскую дивизию, но наши начали наступать, и дивизия ушла вперед, к Александровску. Наш отряд тоже ушел вперед. Поэтому мы

смогли выдать материал только кубанской артиллерии. Дальше уже надо было ехать подводами в Серогозы, где стоял корпус Барбовича. Весь материал брать было не нужно, так как надо было оставить, на всякий случай, часть кубанцам. Поэтому мы с Масловой поехали вдвоем, а санитары оставили охранять наши два вагона. С большим трудом получили подводы, погрузили и отправились. Первая остановка была в Эйгенфельдской колонии. Там стоял кубанский лазарет – мы ему выдали материал и у них переночевали. Выдавая материал, мы требовали, чтобы нам показывали списки раненых, называли количество людей в полках. Проверяли имеющийся материал и в зависимости от этого решали, сколько дать. На все это у нас были строгие полномочия.

Спрашивали, что надо им еще привезти, так как американцы собирались продолжать доставлять все необходимое. Это было уже 12 сентября.

Много времени заняла у нас предварительная работа – делить материал на три части, так что, пока все было налажено, прошло три недели.

Из кубанского лазарета поехали дальше. Трудности были большие: во многих местах нам отказывали в лошадях, часто бывали даже скандалы со старостами, как, например, со старостой в Александерфельде, где мы так лошадей и не получили и пришлось ехать дальше. Несколько раз меняли лошадей благополучно, но в Каме снова скандал: как мы ни бились, староста лошадей не дал, сказав, что их нет, и послал нас за несколько верст в сторону, на хутор Серогозский, уверив, что там лошадей много.

Добрались мы туда к вечеру, уже темнело. Оказалось, что на хуторе всего пять дворов. Там заночевали, а утром с трудом нашли двух лошадей и ни одной подводы. А у нас их было три. Тогда сестра Маслова вернулась в Каму и добилась получения от старосты еще одной лошади. Выехали мы и ехали почти весь день под проливным дождем. Приехали в Серогозы ночью. Едва нашли штаб корпуса и корпусного врача Вас. Мих. Карташева.

Все были предупреждены о нашем приезде. Встретили нас хорошо, накормили прекрасным ужином с гусем и вином. Отвели чудную квартиру. На другое утро мы пошли представиться в штаб корпуса. Там нам дали тачанку, и мы поехали в Первую конную дивизию – в Новоалександровку и Покровское. Везде нас встречали радостно и с почетом: там нам дали чудный экипаж, и мы поехали по всем околоткам, где врачи или фельдшеры показывали нам все свое мизерное имущество. Мы расспрашивали обо всем, записывали и говорили, чтобы на

другой день они приехали за материалом к нам.

Были в Гвардейском полку, где каждый эскадрон или полуэскадрон носил форму своего старого полка. Там же стоял 7-й Передовой отряд, где мы ужинали. В нем я встретила сестрой Звегинцевой, которую в тифу я вывозила с нашего поезда. Она еще больной во время эвакуации из Новороссийска была вывезена в Сербию, там поправилась и вернулась в Крым. В Севастополе она меня искала, заходила к моим, оставила там для меня кое-какое обмундирование, которое она привезла для меня из Сербии, говоря, что я спасла ей жизнь. Она страшно рада была меня встретить, но больше я ее не видела.

Во время отступления линейка, на которой ехали сестры ее отряда, попала под сильный ружейный обстрел, и сестра Звегинцева была убита наповал. Ее довезли до первой деревни и оставили в хате у крестьян: похоронить не успели, так как красные нагоняли. Крестьяне обещали похоронить. Бедная Наташа: она так радовалась, что спаслась от тифа и жива! Вернулась из Сербии, чтобы вскоре быть убитой!

На другое утро мы с сестрой Масловой приготовили весь материал и стали выдавать всем, кто по очереди за ним приезжал.

На другой день, когда закончили раздачу, в хорошем экипаже поехали в Терско-Астраханскую бригаду, в Рубановку – ближе к фронту. Командовал бригадой Константин Агоев: его старший брат Владимир Константинович, который командовал нашей дивизией, был убит месяц назад.

У терцев нас встретили очень ласково и радушно. Хорошо провели время в штабе, где закусывали. Обедали у коменданта штаба и бригадного врача. Встретила я кое-кого из знакомых по дивизии. Вернувшись в Сергозы, мы должны были с остальным материалом ехать в 7-ю дивизию, но она подошла ближе, и пришел штаб 3-го корпуса, где и надо было все узнать. Сестра Маслова занималась не только раздачей материала, но и торговлей: ей из Управления Красного Креста дали много всякого барахла: платья, белье и мужские вещи – для обмена у крестьян на масло, яйца и другие продукты. Она так этим увлеклась, что на наше главное дело все меньше и меньше обращала внимание. Мы начали ссориться, и последней раздачей я уже занималась одна. Но мне повезло: в штабе 3-го корпуса оказались знакомые офицеры-терцы, которых я случайно встретила в деревне. Они мне и помогли.

Когда все было закончено, мы вернулись на станцию Акимовка, где находились наши вагоны и небольшая часть материала. Там мы узнали печальную новость: наш санитар Петр погиб! И погиб так глупо: он стоял в дверях теплушки, высунув

голову. В это время шли какие-то маневры на станции, вагон резко толкнуло, дверь задвинулась, и ему раздавило голову. Его без нас похоронили. Теплушки запечатали.

Мы раздали оставшийся материал на месте и поехали в Севастополь, куда вернулись мы все шесть почти одновременно. У нас было несколько «заседаний», для составления отчета американцам. Наконец его написали, а одна из сестер перевела на английский язык. Когда мы его сдали, я поехала обратно в отряд.

Жила все время дома у своих. Пробыла в Севастополе до 1 октября. Задержалась на несколько дней, поджидая Петю, который был в плавании на «Корнилове». Но не дождалась.

Глава 8

Прорыв красных

3 октября приехала в отряд, который стоял в Пришибе, так как наши ушли вперед и был взят Александровск. Отряд расположился в каком-то большом железнодорожном пакгаузе. Там жил персонал и были склады. Раненые лежали в доме рядом, в отдельной палатке в саду был один холерный.

Работы было много. Накануне моего приезда большевики прорвали фронт и конницей сделали налет на Толмак. Раненых было много. Спешно грузили их на поезд, эвакуировали и начали сами сворачиваться. Но положение было восстановлено, и мы остались. Привезли еще раненых, и мы продолжали работать.

Во время моей командировки к нам прислали еще двух сестер – Бойко и Назарову (с мужем). Они все недавно попали в Добровольческую армию от красных. Сестра Бойко – очень милая, скромная и запуганная, но Назарова грубая, нахальная: с ранеными обращалась отвратительно, все на нее жаловались, часто она не исполняла своей работы. Но старшая сестра Верещагина, очень добродушная, не умела вести дело и ни на что не обращала внимания.

Она прослужила сестрой двадцать пять лет и собиралась ехать в Ялту получать нагрудный Золотой крест. Бегала, тараторила, говорила о своем кресте и о том, что, когда она была молодая, все теперешние генералы были в нее влюблены. Так что на сестру Назарову она не обращала никакого внимания. Мы же просто старались работать без нее.

Вскоре после моего приезда проехал через Пришиб генерал Кутепов. Мы все его встречали у поезда. Он вышел из вагона, кое с кем поговорил, на сестру Верещагину внимания не обратил, хотя она очень волновалась и уверяла, что он тоже в нее влюблен. Мы очень все смеялись!

Приблизительно 11 октября в отряд приехал корпусный врач 3-го корпуса, осмотрел отряд, похвалил и сказал эвакуировать раненых. Нам надо было свернуться и отправиться в Геническ, до дальнейших распоряжений, и наготове держать летучку.

Когда все раненые были отправлены, начальник отряда Эдигер начал хлопотать о вагонах для нас. Но получить их не удавалось. Наконец вагоны нашлись, но не было маневрового паровоза, чтобы их подкатить и сцепить.

Положение на фронте не было угрожающим, и мы спокойно ждали отправки с уже уложенным имуществом.

Но 14 октября вечером неожиданно пришли сведения о прорыве красной конницы у деревни Михайловка, недалеко от нас. Сейчас же весь мужской персонал и команда стали толкать, подкатывать и сцеплять вагоны руками. На станции, кроме нас, уже никого не было. Спешно погрузили всё в четыре теплушки и на одну платформу.

К утру 15 октября все было готово, но не хватало только паровоза. И только вечером пришел откуда-то питательный пункт, со своим паровозом, и прицепил нас к себе, когда уже были видны разрывы снарядов. Было очень жутко! Действовала на нервы сестра Ухова: она от страха совершенно потеряла голову, переделась какой-то тетушкой или, вернее, имела вид не сестры, а богатой армянской мещанки: в платке, но в хорошем пальто и с массой ужимок.

Еще накануне, 14-го вечером, когда пришло известие о прорыве, ушел огнесклад, и сестру Малиновскую, бывшую в невероятной панике, увез с собой ее муж, начальник огнесклада. Сестры Васильева, Шевякова, Колобова и я дали им часть наших вещей. А старшая сестра уехала раньше в отпуск.

Наконец мы доехали до станции Федоровка. Там столпотворение ужасное. Все пути забиты поездами, пришедшими по нашей линии и от Токмака. Стояли они на всех путях и длинной лентой один за другим. Нам надо было ждать очереди на паровоз. Наша старшая сестра Верещагина, которая больше всего волновалась из-за получения креста, передала старшинство свое сестре Томашайтис и уехала с первым отходящим поездом. Бегала и всем говорила: «Прощайте, деточки!» Больше ее никто не видел и ничего не слышал о ней.

Почти сразу же после ее отъезда, еще вечером 15-го, сестры Томашайтис и Титова встретили знакомых летчиков, которые уезжали со своей базой, и предложили им их вывезти. Они попросили Эдигера их отпустить и уехали. Сестра Титова мне передала бельевою, а Томашайтис – хозяйство, так как она была хозяйка, и заодно и старшинство.

Я сделалась старшей сестрой и заполнила свои карманы ключами от ящиков с бельем и продуктами. Меня все очень дразнили! Работы никакой, и все мое хозяйство, продуктивное и бельевое, – заложено в вагонах!

Но нас не двигали вперед: все не было паровоза! Подкармливал нас питательный пункт, но ему удалось как-то уйти раньше.

Утром 16 октября к нам со всех сторон поползли раненные и больные. Начали искать для них вагоны. Нашли и подкатали две теплушки, а к другой стороне прицепили две другие, которые нам

уступил дезинфекционный отряд, стоявший впереди нас. Поместили всех, а питательный пункт, который еще не ушел, их накормил.

Холодно! Мокро! Все имущество заложено, и ничего достать нельзя! Я носилась, хлопотала, искала самое необходимое, но мало что удалось достать.

В нашей теплушке тоже грязно, и холодно, и темно, и тесно! Все сестры поместились вместе, на тюках и ящиках. Стояла и коптила маленькая печка, но она только коптила, так как дров не было, и мы совали в нее, что удавалось найти. Работы было очень много. Работали все. Трудно приходилось и потому, что раненые располагались по двум концам отряда, а не вместе. Поэтому на ночь надо было назначить двух сестер: по одной на каждый конец состава. Все вагоны были товарные, то есть не проходные, и все время надо было выскакивать наружу и карабкаться в следующую теплушку. Ступенек никаких нет, а кроме того, ходить ночью вдоль длинного состава было невозможно.

В дежурство вступила следующая сестра по очереди. За ней шла Назарова – я ее и назначила второй. Но она категорически отказалась. Я стала настаивать и, видя, что с ней не справлюсь, стала забираться в вагон, где сидел старший врач. В этот момент к Назаровой подошел ее муж, и я услышала, как он ей сказал: «Вера, еще рано начинать». Она тогда согласилась, но потом оказалось, что она за всю ночь ни к одному раненому не подошла. Остальные сестры начали карабкаться в свой вагон, как старший врач послал сестер Шевякову и Константинову на станцию – перевязать прибывшую партию раненых.

Как только они ушли, поднялась страшная паника. Красная конница прорвалась с Токмака, наши побежали. На вопрос, где фронт, все отвечали, что его уже нет. Стрельба была все ближе и ближе. Броневики отошли, обозы неслись карьером мимо. Начальник отряда с отчаянием носился и искал паровоз, но его не было. Станция почти опустела, а мы все стоим. Темно, стрельба и никакой надежды уехать. Вдруг неожиданно, без предупреждения, нас толкнули и повезли. Обе сестры остались на станции.

Поздно ночью мы прибыли в Мелитополь. Там мы снова застряли, и, к нашей радости, наши сестры нас догнали на броневике «Волк», куда они успели погрузить всех раненых уже после того, как в Федоровке никого не оставалось. Выехали они под сильным огнем.

В Мелитополе все было забито составами: эшелон выпускали, чередуя с броневиками. Для нашего состава, прибывшего одним из последних, мало было надежды получить паровоз. Да даже если бы и получили, не могли бы выехать раньше других: ведь

поезда стояли на всех путях – голова к хвосту предыдущего. Начальник отряда Эдигер и старший врач Павленко хлопотали очень энергично. Стрельба быстро приближалась. Рядом с нами стояла база «Дроздовца». Мы видели, как постепенно все из нее уходило: там были дамы, жены офицеров, – они выходили из вагонов с тюками и картонками, им помогали офицеры, и все спешно пробегали мимо нас. Нас эта картина страшно возмутила. Постепенно состав опустел: все двери остались открытыми, и его начали грабить. Кругом все уходит, убегают, садятся на броневики. Мимо нас пробежала партия пленных. Они уходили обратно к красным, и на них никто не обращал внимания.

Мы все сделали себе маленькие сверточки – из самых необходимых вещей, которые могли бы унести, если придется уходить пешком.

Ждем начальника отряда, который все хлопочет, и не знаем, что делать. То пойдем к раненым, то обратно к себе. Все молчат, прислушиваются и смотрят большими глазами. Положение безвыходное.

Наконец Эдигер вернулся и сказал, что нет никакой надежды, что нас вывезут, поэтому он никого не задерживает и желающие могут уходить. Мы сразу схватили свои тючки и побежали к броневикам, но около вагонов раненых вспомнили их крики и просьбы их не оставлять. Сестры Рябова, Бойко и Ухова уехали. Остальные остались.

Тем временем мерзавка Назарова с муженьком взяли свои вещи и ушли в город. Рожи их сияли: они остались у красных.

Потом мы вспоминали, что незадолго до отступления ее муж отпросился на день в Александровск, который был нами взят, но фронт от него был недалеко. Он уехал с большим портфелем. Тогда никто на это не обратил внимания, и только потом сообразили, что он возил красным какие-то сведения. Сестра Бойко, которая к нам перешла от красных, очень их боялась. Мы не понимали почему. И только потом, постепенно, она рассказала, что они агенты красных и она боится их мести. Возможно, что у нее осталась там семья.

Глава 9

За линией фронта

Когда мы вернулись в свой вагон, то увидели в нем полный разгром! Это санитары во время нашего отсутствия его разграбили и скрылись. Из команды осталось всего десять верных и честных солдат.

Мы сразу же стали обходить раненых и всем ходячим приказали уходить и садиться, кто куда может, а сами положили на носилки несколько лежачих и понесли их на броневик «Единая, Неделимая Россия», но он все время маневрировал и, не останавливаясь, ушел. Пришлось нести их обратно в наш состав. Вокзал уже обстреливался шрапнелью. Паника невероятная. Уходят броневик «Дроздовец» и «2-й Железнодорожный батальон». На том и на другом раненые. Мы им успели сунуть несколько своих, и я с Васильевой поехала на «Железнодорожном батальоне», на «Дроздовце» – Шевякова и Колобова, а за нами каким-то чудом пошел и отряд.

Из всех окон вокзала стреляли в уходящие поезда. В наш поезд тоже попало несколько пуль. На «Железнодорожном батальоне» мы доехали до следующей станции – Акимовки. Замерзшие, усталые и голодные, мы не знали, что делать. Ехать ли дальше или ждать отряда? Решили ждать. Было очень жутко отставать на два эшелона. Мы сделали хорошо, так как в отряде были тяжелораненые, а персонала почти не осталось. Из мужчин остались: начальник отряда Эдигер, от врачей – Павленко, доктор Дерюгин и фельдшер, жених сестры Дроздовской. Сестры Шевякова и Колобова, так же как и мы две, вернулись в отряд; кроме нас, оставались еще Константинова и Дроздовская – всего шесть из четырнадцати. Кроме этого, канцелярская молоденькая барышня Рая и прачка Роза. Из команды – десять человек. Эдигер был очень рад, что наша компания сестер осталась. Эту ночь мы ночевали в мужском вагоне, так как в наш, после грабежа, нельзя было войти.

За ночь мы немножко продвинулись и остановились в степи, за три с половиной версты от станции Сокологорная. Мороз был страшный – 19 градусов. Дров не было, топили чем могли, искали куски заборов, щепки, палки и пр.

На другой день, 18-го, мы кое-как прибрали свой вагон, перебрались обратно и стали перевязывать раненых. Но надо было их и накормить. Но мы, когда сворачивались и грузились в Пришибе, чтобы переехать в город Геническ, думали доехать дня

в два, раненых не имели и совершенно не были приспособлены их принять. Продуктов взяли немного, только для себя и не думали ничего варить в пути, кроме чая или картошки.

Но мы ехали уже четыре дня, по пути, конечно, ничего достать было нельзя, все было съедено, а надо кормить всех больных. Санитары все же на щепках на маленькой печке что-то сварили из всего, что могли найти, но хлеба не оставалось ни одного куска.

В поезде перед нами находились вагоны Донского интендантства, полные продуктами, консервами и обмундированием. Я побежала туда и попросила дать нам для раненых консервов и хлеба, а также для них и для раздетой команды шинелей и теплых вещей. Но они отказали, сказав, что у них ничего нет и что без ордера не дадут. Как я ни просила, они ничего не дали. Так что пришлось раненым раздать нашу полусырую бурду. Для себя мы с утра поставили на нашу печурку кастрюлю с картофелем, но она до вечера так и не закипела, но весь день у нас было столько работы и забот, что мы о еде и не думали. И только вечером, когда все закончили, пошли «ужинать»: картошка была мягкая, грязная, черная, как уголь, пахла копотью, но мы с жадностью ее съели.

Поезд все еще стоял на месте, в конце бесконечной ленты поездов. Ночь. Страшный мороз. Дежурной осталась сестра Дроздовская, она закуталась во все, что могла, и ушла. Мы в своей теплушке начали устраиваться на ночь. Усталые, замерзшие, голодные. Долго обсуждали вопрос – благоразумно ли, ожидая каждую минуту тревоги, снять сапоги?

Мы так устали, что решили все же снять. По очереди одна из нас сидела у печки, подкладывала топливо и даже высказывала наружу в поисках чего бы еще подложить горючего. Я и Шура Васильева забрались на тюки под самую крышу и прижались друг к другу, чтобы согреться. Но Шура заболела, у нее началась желтуха, она стонала и вся дрожала. Я заснуть не могла. От двенадцати до двух дежурила у печки и выходила искать топливо. И только сменившись, я наконец заснула. Но в 4 часа утра сестра Дроздовская (дежурная ночная) разбудила нас громким окриком в дверь. Холод страшный. Топливо кончилось, печка потухла. Оказалось, что только что пришли два офицера и сказали, что поезда дальше не пойдут, так как паровозы застыли. Они сказали, чтобы мы немедленно уходили, так как линия нашего фронта впереди нас за десять верст, а красные за нами, совсем близко.

Таким образом оказалось, что мы за линией фронта, между нашими войсками и большевиками. За нами стояли только два броневика, которые при подходе красных взорвутся. Впереди же

нас, на станции Сокологорная, в трех с половиной верстах, стоит санитарный поезд под парами. Если мы на него не поспеем, то придется много верст идти пешком.

Мы моментально вскочили, сорвали с себя косынки и передники, закутались, как могли, привязали бинтами на спину наши тючки и выскочили из вагона. Всем раненым, которые могли двигаться, сказали идти. Вытащили на снег носилки и стали укладывать на них лежащих.

В это время в стороне увидели крестьянскую телегу, которая ехала в сторону красных. Одна из сестер побежала и после долгих споров заставила мужика подъехать к нам. Уложили на телегу менее тяжелых, и они поехали вперед. Носилочных оказалось восемнадцать человек.

Я, как сейчас, вижу картину: среди белой, покрытой снегом степи, на насыпи бесконечной лентой стоят красные товарные вагоны и между ними черные мертвые паровозы. С левой стороны под насыпью, гуськом на снегу, восемнадцать носилок с тяжелоранеными, едва укрытыми шинелью или одеялом, и около них шесть не сестер, а каких-то странных существ: в высоких сапогах, закутанные кто в плед, кто замотан платками, шарфами, с тючками на спинах. Особенно хороша была маленькая Константинова: она вокруг пальто замоталась вся большим пестрым платком, надела его на голову, скрестила на груди и завязала за спиной. У меня на голове была большая вязаная защитного цвета шапка. Пальто не было, а клетчатая, зелено-синяя куртка с поясом, сшитая в Москалевке – после разгрома.

Кроме сестер, было всего четыре санитара (все другие убежали), старший врач, держащий под уздцы единственную отрядную лошадь, и старая прачка. Начальник отряда сказал, что он не уйдет и покинет отряд только в последний момент; с ним остался и фельдшер.

Нас всего было одиннадцать человек на восемнадцать носилок, а по такому морозу и снегу, чтобы нести раненых около четырех верст, надо было даже не по два, а по четыре человека на носилки.

Но в этот критический момент нас увидел какой-то офицер и сказал, что в нашем составе находятся пленные красноармейцы. Он сейчас же их привел к нам. Это были совсем молодые ребята, недавно мобилизованные. Мы страшно обрадовались и стали их расставлять у носилок, но пленные неохотно нас слушались и стали разбегаться. Все же после долгих усилий мы двинулись. Но не прошли и нескольких шагов, как пленные, один за другим, стали оставлять носилки и убегать. Надо сказать, что они были почти раздеты, и руки их коченели. Будь они тепло одеты, они бы

не так убегали. Но мы этого не могли допустить: успеть на поезд надо было во что бы то ни стало.

Мы буквально пришли в отчаяние: криками, пинками заставляли их снова идти. Справа была высокая насыпь с вагонами, так что туда трудно было убежать, поэтому мы пошли гуськом, левее носилок, и следили, чтобы никто не удрал. Колобова нашла ремень, размахивала им, а иногда и стегала. Шевякова била по физиономиям, я работала кулаками. Маленькая Константинова держала кулак под своим громадным платком, подскакивала и кричала: «Застрелю!» Доктор, держа в одной руке лошадь, другой размахивал над головами найденной им сломанной шашкой и тоже что-то кричал.

Так мы стали приближаться к Донскому интендантству, которое нам накануне ничего не пожелало дать: теперь они открыли двери и стали бросать шинели, куртки, перчатки... Идущие впереди носильщики, увидев это, бросили носилки и побежали вперед за выбрасываемыми вещами. Мы ринулись тоже туда. У вагона собралась порядочная толпа людей. Они кричали, толкались и старались захватить как можно больше. Мы с разбега ворвались в толпу и стали кричать, чтобы нам дали для раненых, хватали вещи и бежали обратно, навстречу нашим пленным. Показывали шинели, куртки, перчатки, говоря: «Возьми носилки, и все получишь!» Так мы бежали взад и вперед. Дали вещи пленным, накрыли раненых и сами надели по кожаной безрукавке.

Положение было спасено, и дальше до станции Сокологорная шли уже спокойно. Когда мы туда пришли, поезд еще стоял, но был готов к отправке.

Пленные поставили носилки на перрон и ушли. Мы своими усилиями стали втискивать раненых по разным вагонам, где находили место. Остался еще один поручик, весь израненный и изрезанный: он пробыл в руках красных несколько минут. Мы искали место, куда поставить его носилки. Наконец нашли не слишком забитую площадку вагона. Поезд дал свисток! Вчетвером схватили носилки, подбежали к площадке. Паровоз уже дергал, но не мог сдвинуть длинного поезда с ледяных рельсов.

И вот в момент, когда мы сделали усилие, чтобы вставить носилки, нас с силой оттолкнул, проскочил мимо и прицепился к вагону высокий толстый полковник в новом защитном полубубке. Он загородил собой все пространство. Но тут наша изящная, воспитанная Шевякова, как кошка, прыгнула полковнику на спину. Одной рукой держалась за его меховой воротник, а другой кулаком била по голове и кричала: «Сволочь!

Сволочь!» Полковник ошалел! Соскочил ли он сам, или оттянула его Шевякова, но место освободилось, и мы уже на ходу поезда всунули носилки. Их там приняли стоящие офицеры. Поезд ушел!

Куда девался полковник, не знаю. Рассказать это – долго, но все произошло в какие-нибудь две-три минуты.

Мы остались на станции. Санитаров не было: они уехали. Сестра Дроздовская решила вернуться к жениху в отряд. С ней пошла и Константинова, которая была влюблена в начальника отряда. Остался старший врач Павленко и четыре сестры: Васильева, Шевякова, Колобова и я, да еще старая прачка Роза. Нам ничего другого не оставалось, как идти в Крым пешком.

Глава 10

Отступление на Севастополь

Теперь, когда раненые уехали и страшное напряжение нас покинуло, мы почувствовали голод. Вошли в пустое маленькое здание станции, но ничего там не нашли съедобного. Тогда спустились на дорогу по правой стороне полотна и пошли. Доктор привязал все наши тючки на лошадь, так что мы шли налегке. Недалеко от станции я увидела какую-то будку и в ней нашла яйцо. Оно было замерзшее, и я его грызла.

Еще когда мы несли раненых, началась сзади страшная пальба – это отстреливались наши два броневика, которые стояли через состав от отряда. Гул был невероятный. Теперь впереди нас слышался бой. Потом узнали, что около Новоалексеевки. Мы шли и не знали, отрезаны мы или броневики пробили путь в Крым. Слева недалеко трещал пулемет. Мы шли совершенно одни: ни войск, ни бегущих людей, – все уже ушли!

Наконец мы подошли к следующей станции – Юрицыно – и увидели справа конницу. Чья? Не знаем! Она идет колонной. Вдруг в нашу сторону отделяется разъезд, и скоро колонна рассыпается в лаву и идет на нас. Кто они? Наши или красные – мы не знаем. То, что мы пережили в этот момент, было ужасно! Мы остановились. Бежать? Но куда?

Пошли все же к станции и там встретились с разъездом. Это был 1-й Атаманский полк, шедший в атаку на красную конницу, которая шла на нас слева. Мы ее не заметили, занявшись своей. Мы оказались в середине между ними. В этот момент мимо станции понеслись полковые обозы. Неслись в страшной панике по дороге и прямо по полю. Нам удалось как-то вскочить на повозки. Доктор поскакал верхом. За нашей спиной казаки налетели на красных и отбили.

Опоздай мы в Юрицыно на несколько минут, мы попали бы в самую кашу. В повозке, куда я попала, два казака везли барана и пулемет. Проскакав порядочное расстояние, все поехали шагом. Шевякова и Колобова ехали вместе в пустой повозке, и я пересела к ним.

На станции Рыкова стоял санитарный поезд, и на него взяли Васильеву, больную желтухой. Мы на повозках поехали дальше. Подъезжая к Новоалексеевке, обогнали сестру Бойко, которая уехала от нас еще в Мелитополе. Она шла пешком, но сесть к нам не захотела. Дальше, подъезжая к Салькову, мы ехали по полю, усеянному трупами людей и лошадей. Говорили, что там

накануне Буденный нагнал обоз.

Было очень холодно, но мы как-то не чувствовали этого. Страдали от голода. У наших казаков ничего не было: они показали котел, в котором был когда-то суп с мясом. Маленькие куски примерзли к стенкам. Мы все отодрали и съели. В Сальково приехали, когда было темно. Холод адовый, и только небольшое здание станции. Вокруг заночевали все обозы. Пришлось и нам ночевать в открытом поле.

Наши казаки где-то нашли дрова, разложили костер. Добыли немного хлеба и мороженого мяса. Дали и нам. На землю постелили брезент, легли все рядом и накрылись другим брезентом. Но холод был такой, что лежать мы долго не могли и сели к костру. Пошли посмотреть, можно ли устроиться в домике станции, но там было так набито, что муха бы не поместилась. Вернулись к нашим казакам и снова сели к костру. Но, несмотря на усталость, холод и голод, мы все три обратили внимание на удивительную картину: темная морозная ночь, сотни костров, повозки и молчаливые усталые люди, греющие свои руки и ноги над огнем. Тихо-тихо!

Сзади костры, на одинаковом расстоянии друг от друга отделяющие нас от темной степи, где, близко или далеко, находятся красные.

Около костров посты. Вдруг на рысях, с пиками, показался Джунгарский полк. Черные силуэты людей и лошадей на фоне костров. Они проскочили мимо, исчезли в темноте, и постепенно замирал конский топот по мерзлой земле. Они понеслись туда, где только недавно утих гул орудий и были еще видны поздним вечером огни шрапнелей.

Перед рассветом наши казаки перекочевали на другую сторону станции к стогу соломы и легли там. Мы тоже зарылись в солому и даже немного задремали, хотя нам очень хотелось покинуть наших спутников, которые стали довольно нахальными и начали к нам приставать, когда непосредственная опасность миновала. Но пока было темно, мы не могли уйти и принуждены были оставаться с ними.

Наконец настало утро. Наши казаки решили свернуть с дороги и заехать куда-то закусить. Настаивали, чтобы мы ехали с ними, но было уже светло, дорога видна, мы отказались и решили идти пешком на Чонгарский мост, в Джанкой, где уже опасности не было, – ждать поезда. Мы подошли к повозке, чтобы взять свои тючки, но их не оказалось: их украли наши «спасители». Казаки, конечно, говорили, что это не они, но сомнения не было. Было жаль последних вещей, но, главное, было обидно и больно, что это сделали свои, да еще в такое время.

Мы втроем двинулись в путь налегке. Но едва могли плестись от усталости и от боли в отмороженных и стертых ногах и даже обрадовались, что вещей не было – мы бы их не донесли и бросили по дороге.

До Чонгара едва доплелись. Там был 3-й санитарный поезд, мы туда забрались. Встретились с прачкой и несколькими санитарами. Они сказали, что отряд погиб, а начальник отряда с сестрой Дроздовской и Раей пошли в цепь (что оказалось неправдой). Доехали, стоя на площадке, до Джанкоя. Там пришлось пересест. Не было сил пойти поискать еды. Нашли поблизости несколько яблок. До Симферополя ехали в коридоре, набитом людьми. По очереди, скорчившись, ложились среди ног стоящих на грязный пол. Так провели ночь. В Симферополе снова пересели в другой санитарный поезд. Вначале снова стояли в коридоре, но потом сестры поезда отвели нас в столовую, где мы на табуретках провели следующую ночь. Там нас наконец немного накормили.

В Севастополь прибыли 22 октября вечером. Наше отступление длилось неделю. Неделю не раздевались, не мылись, почти не спали, мерзли и не ели. Но приехали здоровые, за исключением отмороженных ног. У меня пальцы были почти черные, и я боялась, что они не отойдут. Но, слава Богу, все прошло, остались только нечувствительные мертвые места. И всегда болят во время мороза.

Я появилась дома, когда у них были мальчишки и был «пир», так как они откуда-то узнали, что я жива и еду. До того они страшно волновались!

На другой день я узнала, что все чины нашего отряда появляются и что все живы. Узнала о смерти сестры Звегинцевой из 7-го отряда. Шевякова, Колобова и я явились в Управление Красного Креста.

С нами говорил сам Кочубей – главноуполномоченный Красного Креста. Он подробно нас расспрашивал и приказал написать обо всем в письменном докладе, что мы и сделали. Кочубей сказал, что представляет нас к Георгиевскому кресту.

На другой день Красный Крест решил открыть госпиталь для персонала. Все свободные сестры были туда назначены. Попала и я, и вернувшиеся сестры отряда. Все мы были очень недовольны: нам не дали отдохнуть, и мы еще не думали об эвакуации, верили, что наша армия снова пойдет вперед, и боялись, что нас задержат в Севастополе и не дадут снова сформировать отряд.

Глава 11

На борту «Риона»

Но дня через два заговорили об эвакуации. Я все это время жила у папы и тети Энни на Корабельной стороне, в здании Морского экипажа.

Как-то вечером у нас были мальчики. Вдруг появился гардемарин с приказанием немедленно вернуться в корпус для эвакуации. Они убежали.

На другой день папа пошел записать нас. Нам назначили «Рион», на котором уходили гражданские члены правительства, беженцы и одно или два юнкерских училища. Я не верила, что это конец всего: думала, что эвакуируют только беженцев, что армия остается.

Я была в отчаянии, что нет отряда и что я не могу остаться. Все же пошла в Управление Красного Креста узнать, нельзя ли получить куда-нибудь назначение. Но там увидела ужасную картину: все уже убежали, в панике бросив все и сестер на произвол судьбы. Сидел только начальник медчасти доктор Темкин (потом узнали, что он остался служить большевикам). Сестер пришло много. Все просили бумаги для эвакуации или справки. Но у Темкина был один ответ: «Ваши бумаги готовы, вы назначаетесь в Одесский госпиталь (стоящий на Корабельной стороне), идите туда, вас там никто не тронет». Говорил он с каждой отдельно. На отказ оставаться и просьбу выдать бумаги на эвакуацию он отвечал уговорами принять назначение. Все сестры подряд отказывались, но бумаг нам он никаких не дал. Жалованья тоже никому не заплатил. Здесь снова повторилась картина спасения своей шкуры путем передачи сестер большевикам.

Мы были предоставлены сами себе, и нам ничего не оставалось, как устраиваться кто как может. Все же мне уходить на «Рионе» с беженцами не хотелось, и я решила попытаться эвакуироваться с Морским корпусом на «Генерале Алексееве». Папа и тетя Энни обязательно хотели, чтобы я ехала с ними, и я обещала, что, если не попаду с мальчиками на «Генерала Алексеева», поеду с ними. Они забрали все вещи и отправились на «Рион». У меня вещей почти не осталось. Я все свое имущество завязала в розовое одеяло, которое получила рядом на каком-то складе, привязала все на спину и отправилась в корпус. Но когда катер туда подошел, все уже были на «Генерале Алексееве». На пристани встретила только несколько гардемаринов. Они грузили

на баржу баранов. Своей властью они меня взять не могли, и я поехала обратно. Пришла к «Риону», около которого стояла невероятная толпа народу с пожитками; все ждали очереди. Нашла своих. Среди толпы на большом сундуке увидели С. Вл. Данилову, она возвышалась своей мощной фигурой и громко протестовала, что ее заставляют ждать. Слышалось: «Вдова генерал-адъютанта – должна ждать?!» Но на ее негодование никто не обращал внимания.

Погрузка шла медленно, и паники не было. Сколько времени мы простояли на пристани, не помню. Наконец попали на «Рион». Это было к вечеру.

Сначала мы нашли свободное местечко и уселись на вещах на палубе. Но папа сразу же пошел к командиру, и нам дали место в офицерской кают-компании, находящейся на палубе. Там нас оказалось тридцать два человека. Вокруг стен тянулся неширокий диван. Папа и тетя Энни получили угол и ночью могли лечь от угла, голова к голове. Днем мы все как-то размещались, но ночью лежали на полу, тело к телу. Посередине стоял стол, я спала на нем рядом с каким-то супружеством. Если ночью кому-нибудь надо было выйти, то ничего не оставалось, как ходить по лежащим людям.

Но у нас было еще прекрасно, а на палубе творилось что-то ужасное: там не многим удавалось лечь. Мы погрузились на «Рион» 29 октября, ушли под вечер, но не помню, 29 или 30 октября 1920 года.

Когда отходили, видели, как пылала подожженная мельница Родоконяки, где был склад (там я одно время работала). Настроение у всех было подавленное, все молчали и смотрели на удаляющуюся Р-о-с-с-и-ю!!!

Но еще до отхода у нас началось «развлечение», которое отвлекало мрачные мысли. Громадный «Рион», с его пустыми трюмами, торчал из воды и давал сильный крен. На нем эвакуировался комендант Севастополя генерал Петров. Он решил командовать на «Рионе». Увидев крен, надумал его выпрямлять и громким голосом командовал: «Все на левый (или на правый) борт!» Началась давка, толкотня; шагнуть некуда, а генерал кричит! Через некоторое время новая команда: «Все на другой борт!» и т. д. Затем, увидя, что «Рион» его не слушается, и заметив музыкантов с медными трубами и нотами, приказал все швырнуть за борт. Папа смотрел и возмущался. Наконец не выдержал и пошел к командиру «Риона». После этого комендант Севастополя успокоился.

В нашей кают-компании публика собралась приличная и симпатичная. Там находился лейб-казакий лазарет, то есть

несколько офицеров, уже выздоравливающих, жена одного из них, генерала Попова, и их сестра Оболенская. Кроме них, были еще какие-то люди, попавшие по протекции (Абаза, Львов и пр.). Я была в отчаянии, что оторвалась от армии, осталась без дела и в штатской обстановке. Думала, что армия остается в Крыму и будет еще воевать. Но на другой день началась работа: среди толпы беженцев было много больных и легкораненых, предоставленных самим себе.

В пароходном лазарете были тяжелобольные, но там был уход. И вот какой-то врач, сидевший на палубе, обратился к сестре Оболенской – она была в форме – и попросил ее ему помочь в заботе об этих брошенных больных. Оболенская сказала мне, и мы вдвоем взялись за работу. Я нацепила красный крест на свою шапку. Доктор попросил нас обойти всю палубу и верхнюю часть «Риона», отыскать больных, составить списки и сообщать ему о случаях, когда нужна его помощь. Мы с ней поделили «Рион» пополам по всей длине, от носа до кормы, и стали обходить (или, вернее, пробираться через груды людей), отыскивая больных, расспрашивать, записывать. При помощи доктора удавалось кой-кого пристроить лучше.

Приходилось перелезать через тюки, через людей; то наступишь на чью-то ногу, то толкнешь, и часто под нелестные о нас отзывы «милых дам», от которых, как обычно, попадало «этим» сестрам, которые всегда всем «мешают»! Особенно попадало нам от этих особ, стоящих в очереди в WC. А очередь была нескончаемая. Стояли, думаю, часами. Мы же две на это время не имели и дали себе право ходить вне очереди. Что тут было! Шипение, шум и даже крики: «Нацепили себе кресты и воображают!» Но мы ничего не воображали, торопились с работой и, правда, в душе злорадствовали. Но в самом начале был ужасный случай: на палубе появилась очень хорошенькая полуодетая молодая женщина. Она пританцовывала, громко смеялась и старалась бежать, точно кого-то ловила. Кто она, никто не знал. Появилась она раза два, и больше мы ее не видали. Она сошла с ума. Вероятно, ее заперли в какую-нибудь каюту, а может быть, она была и не одна и ее держали свои. Впечатление она произвела очень тяжелое!

На палубе, под какой-то стеной, среди кучи людей я увидела дядю Колю Москальского и его жену Елизавету Ивановну. Они, по-моему, так всю дорогу и не сдвинулись с места.

На площадке широкой лестницы в отделении первого класса сидела С. Вл. Данилова. Каждый раз, как я мимо нее пробиралась, она возмущенно говорила: «Я вдова генерал-адъютанта, сижу на лестнице, а мальчишка с семьей – в купе» – и гневно показывала

на каюту, находившуюся против нее. Оказалось, что там находились Н.М. Киселевский с Александрой Петровной (с Таней и Леной), которых я тогда не знала, – мои будущие «beaux-родители»^[15].

Работы у нас с Оболенской было очень много. Мы с утра до самого вечера возились с больными и старались им помочь. Положение на «Рионе» было ужасное. Воды не было: на веревочках спускали за борт посуду, *банки*, забирали морской воды и кое-как мыли руки и лицо. Пресной воды было очень мало, и ее получить становилось все труднее. У всех стали кончаться запасы еды, которую взяли с собой. Накануне наш доктор сказал, что будут варить суп для больных и давать воду. Поручил нам составить точный список на получение этого супа и воды. Набралось у нас, кажется, двести пятьдесят человек. Папу я тоже записала как больного.

На палубу, в определенное место, один раз поставили котел с супом, и все записанные должны были за ним приходить. Кто не мог, тому мы относили сами. Порции были очень неравные, так как у некоторых были только кружки или маленькие банки. Старались все же дать всем одинаково. Я как работница тоже получала порцию. Я брала немного больше, так что ели мы все трое. Воду в ведре приносили отдельно, в другой час, и тогда снова шла раздача. Конечно, кругом были завистливые и недовольные. Жена генерала Попова, которая ехала в нашей кают-компании, целый день ничего не делала, а когда услышала о раздаче супа, нацепила на себя громадную кауфманскую косынку и заявила: «Я тоже сестра и имею право на паяк».

Так шли дни и ночи. «Рион» едва двигался: на буксире он вел миноносец, груженный углем. Когда у нас уголь кончился, перегрузили с миноносца и пошли дальше. Куда делся миноносец – не знаю.

К счастью, была чудная погода – что было бы, если бы нас качало и вся эта масса людей стала бы страдать морской болезнью? А еще хуже – пустой «Рион» перевернуло бы волнами? Ползли мы долго. Видели обгоняющие нас пароходы и наконец стали окончательно: уголь снова кончился.

И только когда за нами пришел какой-то большой американский военный корабль и взял нас на буксир, мы снова поплыли к Босфору. Американские матросы лично, узнав о голоде на «Рионе», привезли для всех беженцев много консервов. Каждый получил по коробке. Радость была очень большая.

Глава 12

В Константинополе

Наконец мы подошли к Константинополю, стали на якорь среди целой армады наших судов всех величин. Все были до отказа набиты людьми. Сейчас же облепили лодки всех размеров, на которых турки и греки привезли хлеб и другие продукты. Изголодавшиеся люди привязывали на веревку кольца, часы, ценности – спускали их за борт и за это получали хлеб или что-то иное.

С пароходов сразу никого не пускали. Наконец к нам подошел большой американский катер и взял человек двадцать больных и стариков, в том числе и папу. Тете Энни разрешили ехать с ним.

Их отвезли на Босфор, на европейский берег, в хорошее новое помещение. Я осталась одна. После отъезда наших к «Риону» подошла шлюпка Морского корпуса, где были Петя и несколько гардемарин. Им разрешили обойти корабли, чтобы разыскать свои семьи. Петя поднялся ко мне.

Корпус на «Генерале Алексееве» и все военные корабли уходили в Бизерту. Затем к нам подошел большой пароход, везший беженцев в Югославию, и предложил желающим перебраться. Уехали дядя Коля Москальский с Еленой Ивановной, Киселевские и много других. Я была еще в Крыму знакома с Натой, и у нас с ней были хорошие отношения. О Тане я понятия не имела. И вот когда беженцы стали переходить на другой пароход, я увидела сестру в форме и приняла ее за Нату. Я подошла к ней, радостная, и окликнула: «Сестра Киселевская!» Она меня осмотрела с ног до головы и ответила: «Я вас не знаю!» Я была страшно поражена и только потом узнала, в чем дело. Это так похоже на Таню: она могла мне ответить, что я ее приняла за ее сестру. Ната Киселевская выехала из Крыма с братом Борисом, моим будущим мужем, и его бригадой. Когда в Севастополе перегруженный пароход готов был уже отойти и сходни были сняты, Борис, стоявший у борта, увидел на берегу Нату. Офицеры бригады взяли его за ноги и спустили вниз головой за борт, Ната взяла его за руки, и их вдвоем втянули на пароход.

Лена и Ната попали в Галлиполи и оставались там до конца. Борис в Галлиполи не остался и уехал к своим в Югославию.

На другой день после отъезда папы и тети Энни, по их просьбе, американцы взяли и меня. Это было 9 ноября, пробыла я на «Рионе» одиннадцать дней.

У американцев нас устроили хорошо, кормили, но это было временно, денег не было ни гроша, и надо было что-то изобретать. Я решила поехать в Константинополь на разведку. Чтобы оплатить проезд, пришлось из вещей кое-что продать. В Константинополе я нашла наш Красный Крест, который помещался в консульстве. Весь двор перед зданием был полон сестер, пришедших просить работы. Перед входом в дом сидела сестра, которая давала справки и немного сортировала: одним, по-видимому, сразу отказывала, других ставила в бесконечную очередь, чтобы идти в канцелярию. Мне кажется, что это была сестра Амелюк, а может быть, и сама Романова.

Когда я подошла, она меня узнала, спросила меня, знаю ли я английский язык, и сказала подняться, вне очереди, прямо в канцелярию. Там мне сразу дали назначение на остров Проти к американцам. Я, счастливая, пошла по делу в посольство и затем решила ехать домой.

Но, к моему ужасу, оказалось, что моих пиастров не хватает на обратный путь. На мое счастье, столкнулась с сестрой Ага Голициной-Шидловской, и она смогла мне дать недостающие деньги. Больше я ее никогда не видела. Так и осталась должна несколько пиастров.

На острове Проти у американцев я проработала две недели.

Там было что-то вроде распределительного пункта: туда привозили больных с пароходов и через несколько дней куда-то отправляли. Устройство было самое примитивное, временное. Американцы страшно суетились, и поэтому мы очень уставали. Нас, сестер, там было четыре или пять.

Нам выдали необходимую для каждой посуду и каждый день выдавали консервы, какао и т. д., и мы должны были сами как-то готовить еду. Так что заняты были все время и едва смогли пробежаться по острову, очень красивому и маленькому. Населения там мало. Много зелени.

Я мечтала устроиться в настоящий, наш, русский госпиталь. Два раза удалось съездить в Константинополь, и на второй раз меня приняли в наш посольский госпиталь.

Работы там было очень много: были и больные, но больше раненых. Госпиталь был переполнен, лежали трое на двух сдвинутых кроватях. Оборудование было прекрасное, все от американцев. Но вначале был страшный беспорядок. Постепенно все вошло в норму, и мы работали, как в доброе старое время. Более легкие больные стали поправляться и выписываться, и все оставшиеся получили по кровати. Палаты были в чудных залах посольства – с портретами царей, дивными хрустальными люстрами, паркетами.

Нас было двадцать две сестры. Мы все жили в одном большом зале, с нами поместились и две докторши. Передняя часть была отгорожена простынями, и там была столовая. В нашем помещении мы тоже простынями отгородились по две. Получилось вроде купе. Две кровати и между ними ящик. Я жила с Катей Деконской. В общем, в «сестрятнике» жили дружно, и никогда никаких ссор или историй не было.

Мы с Катей работали в одной палате № 5, где почти все были раненые и больные. Отношения с больными были прекрасные, с санитарями-офицерами тоже. Правда, с некоторыми было трудновато, они начинали возражать, спорить – на том основании, что они офицеры. Но, в общем, всегда удавалось все наладить. Вскоре наши старший врач, старшая сестра Кургузова и операционная сестра Малама уехали во Францию. Эти две сестры, наши старые общинские, были уже во Франции с Экспедиционным корпусом. Приехали из России через Север во время войны.

После их отъезда старшим врачом был назначен В.В. Брунс, старшей сестрой – Томашайтис, а операционной назначили меня. Я очень не хотела, так как страшно боялась. Операционной сестрой никогда раньше не была. Правда, работала перевязочной и часто помогала в операционной. С. Малама перед отъездом мне все показала, дала все указания. Стерилизацию и материал я хорошо знала. Оперировал у нас профессор Алексинский.

Я сразу же справилась и до конца благополучно работала. Санитар-офицер работал хорошо, и я могла ему вполне доверять. Все же после «чистых» операций я всегда волновалась и бегала узнавать, не поднялась ли у больного температура. Слава Богу, ни разу никаких осложнений по вине операционной не было.

Рождество в госпитале, помимо ожидания, прошло хорошо: во всех палатах поставили елки, пришли гости, была масса угощений, развлечения для больных. Приходили и дети русской гимназии.

Папа и тетя Энни у американцев пробыли недолго, и их перевели во французский лагерь для беженцев. Там им было ужасно и грозила отправка куда-то не то в Румынию, не то в другую страну. Они хлопотали, чтобы остаться здесь и жить самостоятельно. Но денег не было. Тогда тетя Энни решила продавать свои драгоценности. Начали с ее двух менее ценных вещей и папиных орденов. Им предложил услуги старый знакомый и друг Бобик Шредер, молодой офицер-гвардеец, кажется измайловец или егерь. Тетя Энни все ему отдала. Никогда от него ни денег, ни вещей не получили: сначала говорил, что еще не продал, а потом исчез и сам.

Пришлось продать более ценные вещи, и тогда папа и тетя Энни нашли комнату в Константинополе у турок и переехали. На Рождество они были уже там. Устроили елку для меня: стоял в углу кипарис, и на нем висело круглое зеркало – подарок мне!

От мальчиков из Бизерты не было никаких известий, и мы очень волновались, тем более что я встретила одного кадета, который сказал, что Женя упал и разбился и его положили в лазарет. Больше он ничего сказать не мог.

Мои именины 12 января провела очень радостно. Рано утром меня разбудили чудным большим букетом цветов – розы, фиалки и другие!.. Это прислала моя палата. Я была растрогана до слез. Я вспомнила, что накануне в палате были странные волнения, перешептывания и т. д. Это больные собирали деньги, некоторые удрали в город заказать цветы и страшно волновались, чтобы букет был принесен вовремя.

Когда я пришла в палату, были страшные овации, поздравления, и у всех праздничное настроение. Всем объявили: «У нас сегодня праздник, наша сестра – именинница». Давно я так радостно не проводила своих именин. Отношения у меня со всей палатой были прекрасные. Мы в ней работали с Катей Деконской – нас обеих обожали. Работали мы дружно, да и вообще с ней были очень дружны.

Не помню, когда именно, но пришло наконец письмо от Пети. Он писал про Женю. Его сетка для спанья (гамак) на «Генерале Алексееве» была около люка, он в него свалился и пролетел в нижний трюм, упав на поручни трапа. Сильно расшибся, был без сознания. Боли были страшные, и его первое время держали под морфием. Он все еще находился в госпитале, и Петя писал, что при плохом питании в корпусе он не поправится, что надо его оттуда взять. Папа стал хлопотать, и наконец Женя приехал, но в гораздо лучшем виде, чем мы ожидали. Его положили в мою палату. Профессор Алексинский его осмотрел, не нашел ничего серьезного, никаких повреждений. Боли, которые еще остались в бедре, были от удара по нерву. Профессор сделал Жене раза два укол пакеленом, пахло жареным мясом – и очень скоро Женя выписался. Его устроили в русскую гимназию на берегу Босфора.

В госпитале работы стало много меньше: многие больные выписались, кое-кто уехал в Галлиполи, другие поправлялись. Были и почти здоровые, но так как места освободились, а им некуда было деваться, то их держали в госпитале.

Приближалась весна, люди отдохнули, успокоились после всего пережитого, и началось влюбленное настроение. Особенно отличалась наша 5-я палата – «56 больных», как было написано при входе. Мы с Катей ничего не замечали, в свободное время

болтали, шутили со своими питомцами, и вдруг началось. Ночью мы сидели в соседней 4-й палате. И, как только все уснут, сидишь, ничего не подозревая, вдруг видишь перед собой фигуру, которая усаживается рядом, и начинается объяснение в любви.

Отвечаешь, уговариваешь, просишь идти спать, иногда отшучиваешься. Но на другой день видишь вздыхающего человека, старающегося позвать к себе. На следующее дежурство – снова один или два, по очереди. Мы не знали, куда деваться, боялись дежурить. У некоторых больных поднималась температура. Ревновали друг к другу. Идя на дежурство, думали – кто сегодня? А на другой день в «сестрятнике» сестры спрашивали, от кого ночью получила признание. Некоторых было очень жалко: больные, одинокие, ничего впереди, и они искренно к нам привязались! Но что было делать?

В свободные дни мы стали уходить осматривать Константинополь. Когда наступила весна, ездили компанией за город. В нашу компанию входило два-три больных и группа кирасиров – стражников консульства.

В это время у меня сделался страшный приступ ишиаса. Профессор Алексинский сказал: ущемление нервов. Боли были невероятные. Я не могла шевельнуться. Пролежала неделю. Потом долго хромала и затем волочила ногу. Долго еще побаливала нога.

В марте уже была настоящая весна. Все свободные дни гуляли компанией. В палате – бесконечные объяснения и все новые сюрпризы. Почти все больные были влюблены или в Катю, или в меня. Это начало уже раздражать, но что мы могли сделать? В апреле стало спокойнее. Многие наши влюбленные уехали. Мы составили свою компанию, и нас немного оставили в покое. Не помню, в какой период папа и тетя Энни уехали в Мессину. Их взял с собой адмирал Пономарев. Он во время землетрясения в Мессине в 1902 году командовал крейсером, принимавшим участие в спасении мессинцев. Мессинцы, узнав о бедственном положении Пономарева с семьей, собрали для него деньги и пригласили к себе.

Пономарев попросил визы и билет на пароход и папе с тетей Энни. Там они прожили несколько лет. Жилось им очень хорошо: мессинцы их обожали. Тетя Энни имела уроки языков. Пономаревы же показали себя с плохой стороны и скоро уехали.

Когда я стала работать в операционной, мы с Катей бывали один день свободны и стали вместе ходить по мечетям Константинополя. Любили подолгу там сидеть, в тишине и полумраке.

Летом нам всем дали по две недели отпуска и посылали

попарно в Буюкдере, где нам была предоставлена комната. Давали суточные, и мы на примусе себе готовили. Мы с Катей чудно провели время, отдохнули и развлеклись. Постоянно к нам приезжали наши вздыхатели.

Природа, парк – там дивные. Целыми днями проводили на воздухе, сами увлекались, словом, жили счастливо, без забот, без страха и не думая о завтрашнем дне!

1921 год. Семь лет (!!!) – с 1914 года – мы не принадлежали себе и не видели личной жизни.

К этому времени мы сшили себе «туалеты». Из бежевых пижам у Кати и у меня получились летние костюмы, а из полосатых пижам – платья. На жалованье смогли купить по шелковому синему жакету из «jersey»^[16], смастерили белые пикейные шляпы и чувствовали себя почти парижанками.

В конце лета мы на шаркетах^[17] изъездили весь Босфор, осмотрели Константинополь, гуляли всю ночь Рамазана среди праздничной турецкой толпы, заходили в мечети.

Константинополь так красив, красочен и интересен, что мы буквально были влюблены в него. Присутствовали два раза на Саламлике – переезде султана из дворца в мечеть.

Так прожили до осени, когда стали говорить о том, что армию из Галлиполи, с Лемноса и Чаталджи будут перевозить в Болгарию. И действительно, скоро началось новое переселение. Наш госпиталь решено было перевести на Шипку. В Константинополе оставался постоянный Николаевский госпиталь. Все другие, в разных лагерях, постепенно закрывались. Мы все были страшно расстроены предстоящим переездом: жаль было покидать Константинополь и наших друзей.

Госпиталь переходил в уменьшенном виде: большая часть имущества осталась в Константинополе, и решено было там поместить инвалидов. Кое-кого из персонала тоже не взяли. Поехали Катя, я, Титова, Томашайтис (которая в Константинополе вышла замуж за М.В. Губкина), две Урусовы и еще несколько сестер. Собирались недолго, поджидая парохода, идущего с Лемноса с Терско-Астраханской бригадой. С ними мы и поехали в новую страну на новую жизнь.

Это было, думаю, в ноябре 1921 года. В Константинополе пробыли год. Уезжали мы в ужасном настроении: кончилась наша привольная жизнь в дивном, сказочном Константинополе. И там оставались все наши друзья из нашей тесной компании.

Пошли по Босфору снова в Черное море. Мы все стояли на палубе и мысленно прощались со всеми местами, где мы бывали. Наступил вечер, за ним дивная лунная ночь. Для госпиталя отвели помещение второго класса. Каюты были в ужасном

состоянии, ободренные и пустые. Казаки ехали в трюмах и на нижней палубе. Палуба и каюты первого класса были пусты. Там жил только французский лейтенант, сопровождавший казаков. Еще когда мы грузились, нам с Катей пришлось с ним разговаривать, так как он распоряжался, а мы поневоле были переводчицами.

Когда все устроились и мы двинулись в путь, он подошел к нам с любезными разговорами. Нам он был противен, но приходилось быть любезными: ведь это было всемогущее начальство. Надоедал он страшно. Мы уходили, но через некоторое время он нас находил. Разлюбезничался так, что объявил, что мы не можем ночевать в ужасных каютах второго класса и предложил каюту первого класса. Причем очень настаивал. Мы едва отбоярились. Спали на своих жестких койках ужасно. На другой день я встретила кое-кого из знакомых терцев. Это было очень приятно и радостно.

Наш лейтенант, маленький, плюгавенький, смотрел на казаков с высоты своего маленького роста с большим пренебрежением. Из всех русских он отличал только двух «принцесс на горошине» – Катю и меня. Какую из нас больше? Не знаю! Слишком мы с ней представляли одно целое. Все наши друзья нас называли Два Бебса. Я – Большой Бебс, Катя – Маленький!

Когда мы стали подходить к Болгарии, к Бургасу, у казаков начались тихое, незаметное волнение и оживление. Французы при погрузке войск на пароход отнимали все оружие и строго запретили что-либо перевозить с собой. Но мы знали, что казаки кое-что припрятали. В Бургасе, когда спустили сходни и приготовились высаживаться, наш лейтенант уселся на полу палубы первого класса, свесив ноги над нижней палубой, почти над самыми сходнями. С этого пункта он видел всю нижнюю палубу, и все казаки проходили мимо него. Около сходней стоял наш офицер и тоже, по-своему, наблюдал. Тут мы с Катей почувствовали невероятную симпатию к лейтенанту, подобрались к нему и сели по бокам. С одного боку Катя, которая способна произносить невероятное количество слов в секунду, тараторила без конца, я подливала масла в огонь с другой стороны. Что мы говорили? Но лейтенант наш был в восторге, а еще больше мы, видя, как проходят казаки с тюками, и зная, что там завязаны винтовки, патроны. Протащили и два пулемета. Наш офицер иногда разыгрывал комедию. Хватал казака, грозно на него кричал, вырывал какую-нибудь негодную шашку и швырял ее в сторону. После казаков сошли мы, пожелав лейтенанту всего хорошего. А на берегу встретились со знакомыми терцами и очень

веселились.

Эпилог

Осень 1921 года

Шипкинское «сидение»

Итак, мы в Болгарии. Начался новый этап нашей жизни. Бургас произвел на нас удручающее впечатление. После красочного чудесного Константинополя – плоский городок. Маленькие простые домики, тишина и пустота. Настроение у всех скверное, и вечером, когда нас устраивали на ночлег, сразу же произошел большой скандал. Второй наш врач, хирург, привез с собой свою даму сердца, объявив, что она его жена. На эту ночь ее поместили в одной комнате с нами. Видели мы ее впервые. Эта особа, еще совсем молоденькая, взяла с нами начальнический тон, потребовала лучшее место и т. д. Но мы, которые были возмущены уже тем, что ее привели к нам, на нее налетели и тут же выбросили вон. На завтра – скандал с доктором. В результате чего с ним были прерваны всякие сношения. Мы встречались только по работе и говорили с ним только о деле. Он в столовую не приходил, и еду ему и его даме приносили к ним в комнату. И это не изменилось до самого конца. Почти через год они уехали от нас. На другой день мы сели в поезд и доехали до Казанлыка. Там снова ночевали. Казанлык – маленький городишка, весь в зелени, и нам понравился. Мы бегали, ели «кисело млеко» и кибабчи. Познакомились с симпатичной болгарской семьей. Утром на лошадях поехали на Шипку, находящуюся за одиннадцать верст. Это большое селение, лежащее в долине под горой Св. Николая, где находится знаменитое Орлиное гнездо. Над селением, на склоне горы, были русские владения. Перед самой Великой войной там было построено громадное здание Духовной семинарии, над ним большой парк и наверху дивный собор – храм-памятник русским, погибшим в Освободительную войну. От него открывался прекрасный вид на всю Долину роз. Семинария не была еще открыта, когда началась война. Охраняли ее (то есть собор и все сады) священник, который вскоре умер, монах Свято-Троицкой лавры отец Сергей и послушник – брат Павел. Во время войны болгары забрали себе всю семинарию и устроили сиротский дом «Сиропиталище». Хотя они занимали далеко не все громадное помещение и правительство разрешило нам туда въехать, местные власти не желали нас туда впустить. Среди них было много коммунистов, да и в селе тоже. Все же им пришлось уступить. Они нам дали все флигеля и две-три комнаты в большом здании. Там мы устроили операционную и одну палату.

В полуподвальном помещении – канцелярия, где за занавеской в темном закутке поместились старший врач и

Малавский, чиновник. За ней – бельевая и прачечная. Меня назначили в бельевую. Персонала было гораздо меньше, и старшая сестра Томашайтис стала операционной сестрой. В больничном флигеле устроили палаты для туберкулезных и аптеку. В другом полуподвальном помещении – санитары, а наверху, в небольшой квартире, в передних комнатах поместили сестер и в одной – доктора с его дамой. Из их комнаты был отдельный выход. Мы же ходили через кухню, где устроили умывалку. Наши три комнаты были проходные. Последняя имела дверь к доктору. Ее завесили одеялом и поставили кровать. Столовая была в домике нашего посла. Это была посольская дача. Остальные комнаты оставили свободными, и там останавливались почетные гости. Приезжали Лукович, советник сербского посольства, семья нашего посла Петряева, владыка Серафим, отец Шавельский и др.

Вначале было очень неудобно. Болгары смотрели враждебно, надеялись нас так или иначе выселить и все время угрожали. И вот что произошло очень скоро после нашего приезда: домик, в котором мы жили, стоял на краю глубокого оврага, заросшего деревьями, кустами и колючками. На другой стороне его был мост. Окна из двух сестринских комнат, в том числе и той, где жила я с Катей и младшей Урусовой, выходили на овраг. И вот как-то вечером, когда все улеглись и стали засыпать, послышались крики к свистки в овраге под нашими окнами. Шум все усиливался и приближался. Мы вскочили в страшной панике, решив, что это большевики пробираются к нам, чтобы нас выгнать. В страхе мы бросились в комнату Титовой и Томашайтис, которые ничего не слышали и уже спали. Их окна выходили во двор. Титова в страхе вскочила, а Томашайтис не поверила, продолжала лежать и на нас ворчать. Мы мечемся в самых невероятных туалетах. Одна зажгла свет. Но все шепотом заставили ее потушить свет («А то начнут стрелять»). Стали стучать доктору в дверь, но он не пожелал отвечать. Кто-то залез под подушки, Катя нервно доставала письма и фотографии и прижимала их к груди. Крики то удалялись, и мы облегченно вздыхали, то вдруг снова приближались. Так мы метались и дрожали довольно долго. Наконец все стихло. Мы улеглись на свои места, но долго не могли успокоиться и говорили о том, что это нас специально мучают, чтобы мы уехали. На другое утро мы все рассказали старшему врачу. Он послал в деревню разузнать, в чем дело. Там сказали, что убежали какие-то свиньи и их ловили. Но мы сразу этому не поверили и долго жили под впечатлением этого страха. Вообще же, тоска и скука были невероятные. Жили только письмами. В деревне было почтовое отделение, там царил

двадцатилетний почтальон Ванчо. Он с гордостью заявлял: «Аз телефонист, аз телеграфист, аз почтальон, аз всичко»^[18]. И действительно, он был там один. На маленькой тележке три раза в неделю он ездил за почтой в Казанлык на железную дорогу. Возвращался около полудня. В эти почтовые дни мы так волновались, что мигом проглатывали обед и все неслись на почту, оставив только дежурную сестру, которая с завистью смотрела на убежавших. Прибежав на почту и увидев флегматичного Ванчо за его окошком, мы уже не могли сдержать своего нетерпения и наперебой обращались к нему, спрашивая, есть ли письмо. Но он нас не удостаивал ответом и молча разбирал корреспонденцию. Он по очереди брал каждое письмо, читал адрес, рассматривал марку, клал в сторону и брал другое. Если попадалась открытка, он не только долго любовался картинкой, но и читал содержание. Мы теснились у окошка, умоляли его сказать, кому письма, прыгали, подглядывали, но на Ванчо ничего не действовало. И только когда он достаточно все проверил и прочитал, он медленно начинал нам выдавать. Счастливицы хватали письма и бежали обратно, чтобы, лежа на кровати, полностью насладиться. А ничего не получившие, понуря голову, плелись обратно. В «сестрятнике» стояла гробовая тишина – счастливицы молча читали свои письма, изредка издавая восклицания. Но чтение окончено, и тогда письма зачитываются вслух, иногда с малыми, а иногда и с большими пропусками. Все они из Константинополя. Редко-редко приходили из других мест, так как никто еще не нашел родных, друзей, знакомых или не списался с ними. Вечерами строчились ответы.

В непочтовые вечера мы три – Катя, я и Урусова – проводили в комнате Титовой и Томашайтис-Губкиной. Книг, работы никаких не было. Единственно, что мы могли делать, это вышивать салфеточки на кусках бязи, в которую были завернуты кое-какие аптечные вещи. Сидели вокруг лампы, вышивали и в несколько голосов пели, и чаще всего «У попа была собака», а иногда и душещипательные, вроде: «Сказав прости...» Бывали и развлечения, это когда из-за двери в комнату доктора слышалась семейная сцена. Вели мы себя как девчонки. Одна ложилась на кровать, стоящую вдоль двери, подсовывала голову под одеяло и слушала – все остальные, затаив дыхание, ждали. Слушавшая, обыкновенно Титова, дергала ногами, чтобы мы не шумели. А потом делала доклад. Особое удовольствие было злить доктора и его даму. Мы усаживались все на кровать и бесчисленное число раз громко пели «У попа была собака». Можно себе представить, какая там была тоска, если взрослые, воспитанные девушки ничего другого придумать не могли.

Зима была суровая, одеты мы были плохо, так что о прогулках тоже не могло быть речи. Очень скоро от нас уехали Титова и обе Урусовы. На их место приехали три милых новых сестры. Меня назначили бельевой, Катю – аптечной. Отвоевали у болгар еще несколько комнат, госпиталь увеличили, работы стало больше, тем более что мы стали принимать платных пациентов-болгар и открыли амбулаторный прием. Красный Крест не имел средств, чтобы нас содержать. Он нам присылал все, что мог, а мы должны были подрабатывать, так что половина больных были наши военные, а половина – болгары. Все же приходилось очень трудно. Кормили очень и очень плохо. Так что нам разрешили в столовую приносить свои продукты. Мы стали прикупать масло, яйца, молоко.

Наступило Рождество 1921 года. Настроение у всех было не праздничное, и мы ничего не готовили и не устраивали. И вот совершенно неожиданно к нам из-под Казанлыка пришел большой хор Корниловского полка. Они решили петь в соборе на Рождество обедню. Мы страшно обрадовались, решили их у себя принять и устроить елку. Большим трудом стоило уговорить старшего врача Брунса их накормить. Он был экономный и скупой. Все же накормил – разрешил, но о елке и слышать не хотел. Но мы решили ее устроить. Корниловцы пошли в лес и принесли громадную елку, доходившую до потолка. Поставили ее в столовой. Из белой и синей оберточной бумаги все стали делать цепи, звезды, наложили много ваты, посыпали тальком и гипсом, и в несколько часов все было готово. Мы купили кое-какое угощение, и после ужина началось веселье. Появились балалайка, мандолины, и все пошли танцевать. Пришли и санитары-офицеры. Сестры все были в форме. Кавалеров было раза в четыре-пять больше, но, чтобы никто не обижался, мы танцевали со всеми, так что не успевали передохнуть, как нас хватал следующий и часто так крутил, гордо притоптывая, что, бывало, не знаем, доберемся ли живыми на свое место. Ведь среди наших гостей были и интеллигентные, и совсем простые люди. «Папа» Брунс был в ужасе, увидя елку, и еще больше пришел в ужас, когда его сестры в форме пустились в пляс. Но, увидев, как все радостны и искренно веселятся, он успокоился, а потом стал сам улыбаться. Корниловцы приходили к нам петь еще раза два, пел и хор дроздовской артиллерии, а весной пришли походом все части, стоящие около Казанлыка. Служили обедню, панихиду и пошли в обход всех памятников и могил. В долинах был большой парад. Эти посещения вносили живую струю в наше шипкинское «сидение».

С теплом мы начали делать прогулки. Поднимались два раза

на Орлиное гнездо, раз пошли в лунную ночь и дождались там восхода солнца. Было дивно хорошо. Летом приезжали знатные гости – больше духовенство – послужить в храме. В это время Женья и Кока Деконский жили в Пещере в русской гимназии, которую перевели из Константинополя. Они нам писали отчаянные письма, что голодают. Мы с Катей попросили нашего Брунса разрешить нам принять братьев недели на две-три. Он разрешил. Мальчики появились – здоровые, толстые, сияющие. В нашем юмористическом журнале сразу же появилась карикатура: два толстых, жирных мальчика в огромных френчах и подпись: «Приезд голодающих братьев сестер Варнек и Деконской». Но это их нисколько не смутило, они хорошо провели у нас время, и мы две тоже совсем ожили. Мальчики нам перекопали кусочек земли. Мы посеяли редиску и огурцы, думая немного скрасить нашу фасольную еду. Но ничего у нас не выросло.

Летом наша жизнь стала легче и веселее. С болгарами установились хорошие отношения. Мы часто ходили в деревню, заходили в хаты, где нас хорошо принимали и в знак гостеприимства обрызгивали розовой водой и даже давали в бутылочки с собой. Почти все крестьяне имели розовые плантации. Лепестки шли на розовое масло, отвозились они на фабрику. Но сами для себя крестьяне делали розовую воду.

Любили мы гулять и около храма и там, на большой поляне, часто играли в горелки. Этому опять воспротивился наш монах, отец Сергей. Он даже обратился к доктору Брунсу, прося запретить сестрам играть и гулять около храма, так как это нарушает благолепие. Но причина была не в этом, и потому никто на его требование не обратил внимания, и наши игры и прогулки продолжались. Дело было не в благолепии храма, а в нарушении отцом Сергием монашеского обета. Его домик стоял на краю поляны, против храма, недалеко от ворот на дорогу. А на дороге по ту сторону ворот жила болгарка с тремя детьми – «маленькими отцами Сергиями», как мы их прозвали. Такими же светлыми блондинами, как и он. Всем было известно, что это была его семья, и мы потревожили семейную идиллию. Вначале дети прибегали в домик отца Сергия, но потом, очевидно, он им запретил. Но в церкви отец Сергей был удивительно хорош. Настоящий монах, чудно прислуживал и прекрасно пел. У него был дивный баритон. А когда начинал звонить в колокола, все заслушивались. И звон с высокой колокольни на горе разносился далеко по долине.

Брат Павел, громадный детина, занялся коммерцией. Он устроил небольшой винокуренный завод, делал водку, собирая сливы с посольских садов, продавал ее и пьянствовал. Он, как и

отец Сергей, был весьма недоволен появлением госпиталя на Шипке. Никто, конечно, в их дела не вмешивался, но все же их свобода была нарушена. Особенно когда стало приезжать духовенство и даже сам владыка Серафим, проживший у нас больше недели. Говорили, что в конце концов владыка этих монахов оттуда убрал.

Еще зимой приехал из Константинополя Мих. Вас. Губкин; они с Томашайтис, его женой, нашли комнату в деревне. А мы с Катей поселились вдвоем в комнате Титовой, которая тоже уехала с Томашайтис. Там было нам гораздо лучше, комната не проходная, и мы жили вдвоем.

Жили мы все на Шипке дружно. Держались обыкновенно все вместе – сестры и канцелярия. Кончилось это одной свадьбой. Прижацкая вышла замуж за делопроизводителя Фредерика, все его называли «барон». Он не возражал, но сам себя никогда бароном не называл. Свадьбу отпраздновали хорошо, своей госпитальной семьей. Невеста была в белом. Фата – из марли, которую нам прислали для гипсовых бинтов. «Папа» Брунс объявил, что они пойдут сестрам на фату. Получили его и я, и Катя, когда выходили замуж (Брунс прислал нам в Сербию).

Начало лета прошло незаметно, но начались коммунистические беспорядки, появился Стамболийский. К нам стали приходить тревожные вести об арестах генералов и офицеров. Везде начались обыски, искали и отбирали оружие. За себя мы особенно не боялись, но все же положение было тревожное. В один из таких тревожных дней пришел ко мне в бельевую мой санитар, донской казак, и попросил меня ему помочь – спрятать его винтовку. Я, конечно, согласилась, и он принес ее ко мне. Как только наступил вечер и стало темнеть, я засунула винтовку под платье, которое было длинное, и мы гуськом пошли в гору, в заросшую часть парка. Мой казак еще днем там уже припрятал лопату, быстро сделал яму, и винтовка была зарыта. Никто, кроме нас двоих, об этом не знал.

Но у нас все прошло благополучно, и обысков ни разу не делали. Почта стала ходить хуже, никто к нам больше не приезжал, и мы почти ничего не знали, что делается в наших частях. Все же слышали об арестах и о тревожном положении. И вдруг в один хороший, солнечный день к госпиталю подъехал небольшой запыленный автомобиль. Вероятно, это было в первый раз за существование Шипки. Из него вышли генерал Штейфан, его адъютант капитан Глеба и корпусный врач Трейман. Все они сразу же пошли к старшему врачу Брунсу и долго с ним разговаривали. Затем Трейман сел в автомобиль и уехал. Генерал с адъютантом остались. Доктор Брунс сказал, что генерал

Штейфан болен и приехал лечиться. Сейчас же ему устроили отдельную палату, где он поместился с капитаном Глеба. Назначили санитаря, но сестрам сказали, чтобы они туда не ходили, так как все назначения врача будет исполнять капитан. Брунс два раза в день ходил к генералу его осматривать, прописал какие-то лекарства, еду носил туда санитар. Генерал весь день сидел у себя в палате и только по вечерам в больничном халате выходил погулять. Обыкновенно усаживался на скамейку недалеко от нашей столовой, и мы все, окончив работу, приходили туда, окружали его и весело болтали с ним и с Глебой. Как только раздавался звонок идти больным спать, он прощался и уходил, разрешив капитану оставаться с нами.

Постепенно мы узнали, в чем дело. В Тырнове, где стоял корпусный штаб, пошли аресты. Генерал Кутепов его избежал, но ему пришлось уехать из Болгарии. Постепенно были арестованы или выслены все начальники. Штейфана еще не тронули, и было решено его укрыть у нас. Тырново находится в долине по другую сторону от Орлиного гнезда. До Шипки надо ехать довольно долго по железной дороге, огибая хребет и, доехав до Казанлыка, уже на лошадях проделать одиннадцать верст. Такое путешествие было немыслимо. Еще на вокзале Тырново Штейфан был бы арестован. Поэтому решили перевалить гору на автомобиле. Дорога вполне безопасная, так как по ней никто не ездил да и не ходил. С нашей стороны ближе к Орлиному гнезду были только памятники боев в Освободительную войну. Как по этой дороге мог проехать автомобиль, совершенно непонятно. Дорога страшно крутая, извилистая и грунтовая, местами размытая дождями и бегущими по ней ручьями, когда там весной тает снег, и вся усыпана камнями. До этих пор если по ней и проезжали, то, наверное, только на волах. Но наши проехали благополучно, и таким образом, генерал спокойно проживал у нас.

У нас стали часто появляться офицеры – откуда, мы не знаем. Они шли к Штейфану и потом уезжали. Они приезжали с донесениями и за распоряжениями. Все это мы знали и понимали, но никто и виду не подавал. Генерал же был идеальный «больной». Всегда ходил в халате, ничего не требовал, подчинялся госпитальным правилам. После вечернего звонка спать покорно уходил к себе, хотя ему очень не хотелось оставлять нашу веселую компанию, тем более что он стал серьезно ухаживать за Катей. Вечера он принужден был проводить один, так как адъютант его не был «больным» и оставался с нами сколько хотел. В лунные ночи мы поднимались к храму и там еще долго гуляли.

Стала приближаться осень. Стали поговаривать, что генерал

скоро уедет. Впереди снова бесконечная, тоскливая зима. Без прогулок, часто без писем, когда дороги завалены снегом. Мы с Катей решили, что второй зимы не выдержим. В конце августа получили отпуск и поехали обе в Софию.

Еще на Шипке мы узнали, что нашим мальчикам в Пещере пришлось много пережить. Там было коммунистическое восстание, хотели разогнать гимназию. Все старшие мальчики несли караулы, вооруженные палками и кирпичами, и даже раз пришлось пустить в действие это оружие.

Только что вспомнила еще об одном нашем зимнем развлечении, когда мы умирали от скуки и тоски. Под нашей сестринской квартирой жили санитары. Иногда они по вечерам пели хором или играли на балалайке или гитаре. Слабые звуки долетали до нас. Тогда Катя и я клали на пол полотенца, ложились на них, прижимали ухо к полу и слушали. Других сестер это мало интересовало. Томашайтис-Губкина, благоразумная старшая сестра, смотрела на нас с презрением. Но нам это было все равно. Мы слушали пение и были чем-то заняты.

У беженцев нет перспектив

Итак, осенью мы обе поехали в отпуск в Софию, остановились в резерве сестер и сразу же стали искать себе работу. Обратились в Красный Крест, и сейчас же нас обеих послали к двум болгарским врачам. Оба – «ухо, горло и нос». Оба обратились в наш Красный Крест с просьбой прислать каждому по дипломированной сестре. Одна должна была знать английский, другая – французский язык.

Катя пошла к доктору Беликову с английским, я – к Здравковичу с французским. Обе мы сразу были приняты. Но нанимал меня Здравкович довольно оригинально. Я пошла не в форме, показала ему бумаги. Он на них внимания не обратил и сразу же спросил, говорю ли я по-французски, имею ли форму и есть ли у меня на груди большой красный крест. Когда я на все ответила утвердительно, он меня взял. Он мне давал комнату, стол, жалованье и обещал, что будут большие чаевые от больных.

Катя у Белинова комнату не получила, но стол, жалованье и обещание чаевых он дал. Она сговорилась с Мар. Мих. Языковой, которая имела комнату и где-то работала (кажется, давала уроки), что поселится у нее.

Мы вернулись на Шипку с бумагой от Красного Креста о переводе нас в Софию. Мы быстро собрались и уехали. Все страшно сожалели, и особенно горевали генерал и его адъютант. Со Штейфаном Катя потом виделась в Белграде.

Приехали в Софию окончательно и начали работать 20 августа 1922 года. Началась серая, бесцельная жизнь, борьба за кусок хлеба и ничего впереди. Мы были уже почти беженками. Правда, поддерживало утешение, что мы до конца оставались верны армии и ушли, когда она перестала существовать.

Примечания

Община имени генерал-адъютанта М.П. Кауфмана (1822–1902) выросла из образцово-поставленной школы ученых сиделок, открытой в 1902 г. Имела высокую профессиональную репутацию и отличалась строгими правилами. Работать в общине было в моде у представительниц всех слоев Петербургского общества. Председательницей и попечительницей была баронесса В.И. Иксуль фон Гиндельбранд.

Сестры милосердия Кауфманской общины проходили практику в Обуховской больнице, пациентами которой были низы общества – нищие, бродяги, пьяницы.

Жена сына (фр.).

Община св. Евгении Красного Креста была образована в 1893 г. Комитетом попечения о сестрах милосердия. Название получила по имени принцессы Евгении Ольденбургской, ставшей ее председательницей.

Община сестер милосердия св. Георгия была открыта в 1870 г. под председательством принцессы Е.М. Ольденбургской. Вице-председательницей и попечительницей была графиня Е.Н. Грейден. В 1894 г. общину приняла под свое покровительство Государыня Императрица Мария Федоровна, в то время цесаревна.

Первую мировую войну.

Конные состязания (*фр.*).

Санитарный поезд трезвости (румын.).

Рижским передовым отрядом.

Сохранена орфография автора (*прим. ред.*)

Парная дышловая телега с высокими бортами.

Маленькие подушки под голову.

Молотильном сарае (*местн.*).

Капитан-лейтенанту Шарлю Оберу (*фр.*).

Свекровь и свекор (*фр.*).

Джерсей (*англ.*) – гладкое трикотажное полотно.

По-видимому, речь идет о судах, сдававшихся напрокат одной из местных пароходных компаний, названия которых начинались с арабского слова *шир-кет*.

Я телефонист, я телеграфист, я почтальон, я – всё (болг.).